

ЕВГЕНИЙ НИКИФОРОВ

ДЕНЬГИ, ЛОЖЬ И БЕСПРЕДЕЛ

Детективный роман конца 90-х.

1.

На оживленной трассе неподалеку от Химок царила сумятица: нервное скопище машин, оранжевые проблесковые маячки грейдеров, грязно-желтая жижа под колесами — и все это в завесе внезапно повалившего хлопьями снега.

— Каждый раз одно и то же: зима наступает неожиданно, — без всякой досады, а скорее даже с насмешливым удовлетворением констатировал таксист, разбитной улыбочивый малый, бросив на нас быстрый взгляд в зеркало заднего вида. — А вы, смею спросить, из теплых краев? Хургада?

Я переглянулся со смуглой от тропического солнца и как будто еще более похорошевшей Марианной и прочитал в ее глазах схожие с моими мысли: разговаривать ни с кем не хотелось. Но все же ответил:

— Сейшелы.

— О! Вам можно позавидовать! Наверное, несладко возвращаться в нашу унылую слякоть?

— Да уж, приятно мало.

Действительно, после ярких красок экзотического острова, слепящего солнца, горячего песка, ласкового океана блеклый подмосковный пейзаж с молочной мутью ледяного тумана мог вызвать разве что нервную зевоту.

Я придвинулся ближе к своей спутнице, приобнял ее за плечи, заглянул в чудесные серые глаза, подернутые легкой грустью, сказал на ушко:

— Я знаю, что нужно сделать завтра же, чтобы не так жгла эта трагическая перемена: сходить в какое-нибудь злачное местечко! А?

Марианна прижалась ко мне с благодарностью, положила голову на плечо, еле слышно прошептала:

— Господи, Игорь, как мне было хорошо! Неужели все это уже в прошлом?

Я улыбнулся, вспоминая наши вечерние вылазки из гостиницы: вполне авантюрные посещения казино, окончившиеся, правда, почти вничью; уютное сидение в маленьких рестораниках, где подавали разные вкусности, — мясо ягненка на косточке, фаршированного раковыми шейками палтуса, язык молочного теленка в соусе из тунца и анчоусов, — дополняя их доброй порцией национальных вин и музыки; купание в ночном океане, которое тоже не обошлось без приключений...

— Нет, милая, сказка еще только начинается.

Водитель, как видно, посчитав за лучшее нас не беспокоить, умолк и больше не пытался завязать разговор, а на протяжении всего пути лишь хмыкал и неразборчиво бормотал под нос ругательства, когда какой-нибудь не в меру резвый автомобилист позволял себе слишком многое на скользкой трассе.

Спустя полчаса я уже высаживал Марианну возле ее дома.

— Я чемодан донесу до двери, а заходить сейчас не буду. Вечером созвонимся, ладно?

Девушка порывисто повернулась ко мне, коснулась ладонью моей щеки, виновато проговорила:

— Пожалуйста, не обижайся, Игорь, но не могу я так сразу переехать к тебе. Пойми, мне все-таки не безразличны отношения с родителями! А после этой поездки и так будет много разговоров и нравоучений...

Я соорудил недоуменную мину.

— Да ничего, ничего, не переживай! Что ж я, не понимаю, что ли? Чай тридцать годков прожил на свете.

— Просто я вижу, что ты как будто обижаешься.

— Нет, нет, уверяю тебя. Ну, может быть, самую-самую малость, и то из чистого эгоизма.

Марианна чуть смущенно улыбнулась.

— Огромное спасибо за чудесное путешествие, за всё...

— Огромное пожалуйста. Но походя, в подъезде благодарность не принимается.

Она привстала на цыпочки и быстро чмокнула меня в губы; уловив встречное движение, выскользнула из моих рук.

— Вредный! Вечером жду звонка!

В легкой прострации я вышел из подъезда, плюхнулся на переднее сиденье поджидавшего такси.

Все проходит, к большому сожалению. Всякий праздник, еще вчера расцвеченный радужными красками, неминуемо блекнет, уступая место серым будням. Но куда лучше повести завтра девочку, чтобы завершающий пунктик не нарушил общей идиллии? В “Ностальжи”? В “Грандъ-Александр”? Или все-таки в “Планету Голливуд”? Нет, там слишком шумно и не очень уютно. Лучше выбрать что-нибудь покамернее: “Конкорд”, “Львиное сердце”.

— Куда теперь? — виртуозно выруливая из дворовой тесноты на улицу, сдержанно поинтересовался таксист.

— Домой, шеф, домой. Распаковывать чемоданы и готовиться к новым трудовым свершениям, — со вздохом ответил я.

Парень покосился на меня заметно оживившимися глазами.

— Тяжко, наверное, будет вам входить в рабочую колею после отдыха с такой девчонкой.

— Что, понравилась?

— Не то слово. Шикарная у вас знакомая, ничего не скажешь. Дорого обходится?

— Пока не очень.

— Но на курорт-то пришлось свозить, да на какой! Это все-таки стоит денег!

— Ну так что ж, нужно время от времени устраивать праздники для души.

— Понятно, ради удовольствия ничего не жалко. А по мне, чересчур хлопотно возиться с такими вот куколками: слишком привередливы. То им не эдак, это не так, принеси, достань, обеспечь... Тьфу! Противно!

— Но здесь, друг, каждый выбирает сам. И потом, многое зависит от мужика: если слюни распустил, позволил сесть себе на шею — тогда таскай и помалкивай.

— Оно, конечно, верно. На словах. А как на деле?

— На деле, земляк, уверяю тебя, все в жизни зависит от наших с тобой телодвижений. Как, впрочем, и на теле. Это для меня непреложная аксиома. А что до смазливых кошечек, умеющих удачно устраиваться, то ведь их сразу видно по ухваткам. Сумей только разглядеть и вовремя сделать ноги, если чувствуешь, что не сдюжишь.

2

Я едва успел запереть за собой входную дверь и поставить в угол чемодан, как в гостиной зазвонил телефон. Раздумывая, кто бы это мог так удачно подгадать (уж, наверное, Марианне было не до того), я не торопясь скинул куртку, избавился от обуви, прошел через комнату и открыл форточку — а чуть слышимая мелодичная трель все длилась и длилась. И к чему такая настойчивость? Поколебавшись, я приблизился к аппарату и снял трубку.

— Ну, наконец-то! — голос Бахметьева на другом конце провода звучал преувеличенно бодро. — Как всегда ты где-то пропадаешь — уже третий день не могу дозвониться и по мобильному, и по домашнему!

— А-а, Юра, привет. Очень рад тебя слышать, — без особого энтузиазма отозвался я: мысли в голове были только о

горячей ванне и рюмке коньяка. — Что еще стряслось, чтобы я так вдруг срочно понадобился?

— Есть работенка. Если ты, конечно, нуждаешься.

— Работенка — это хорошо. Конечно, нуждаюсь. Но по телефону обсуждать не стоит.

— Само собой! Подъезжай в забегаловку на углу бульвара. В течение часа сможешь?

— Что, это так срочно? Нельзя даже отложить на завтра?

— Нет. Чем быстрее, тем лучше. И так уже упущено драгоценное время.

— Ясно. Тогда жди меня не раньше чем через сорок-пятьдесят минут.

— Отлично, до встречи.

— Пока.

Я положил трубку и несколько секунд размышлял над ситуацией. Внезапно обозначившаяся перспектива мчаться куда-то сломя голову не очень-то окрыляла. Особенно на вечер глядя, когда, изрядно вымотавшись после всяческих переездов и длительного перелета, с полным правом рассчитываешь остаток дня провалиться на диване перед телевизором. С другой стороны, Бахметьев зря дергать не будет, тем более погонять — значит, “работенка” какая-то из ряда вон.

Я прошел на кухню, вскрыл пакет виноградного сока, плеснул содержимое в кружку, добавил немного коньяку для поднятия тонуса.

Итак, Юра позаботился о том, чтобы я не сидел сложа руки. И, как видно, отрекомендовал меня соответствующим образом, коль скоро заказчик согласился ждать некоторое время.

Мы, правда, успели уже порядком сблизиться с Бахметьевым за те считанные месяцы, что минули после напряженных событий, связанных с частным расследованием убийства популярного шоумена, после трагической гибели в инсценированной автоаварии нашего общего друга Шуры

Кондратьева. Иной раз он помогал мне, предоставляя кое-какую текущую информацию, не очень, впрочем, закрытую. Конечно, со своей стороны, я старался не загружать его лишними просьбами, памятуя о том, что подобное неофициальное сотрудничество при случае может быть истолковано как угодно нервным начальством с Петровки. Что подделаешь, жизнь нынче такая: каждый прикрывает дорогую и единственную собственную задницу всеми доступными способами и средствами.

Однако какого рода эта “работенка” может быть? Исчезнувшие должники? Но почему тогда так срочно? А кроме того, у людей с Петровки неизмеримо больше возможностей вычислить кидал, используя свои обширные базы данных. О такого рода проплаченных услугах штатных сыскарей (а порой даже и рыцарей плаща и кинжала) знает любой деляга, и поэтому никто не будет обращаться с подобной проблемой к детективу-одиночке. Тогда что? Хитросплетения адюльтера? Вообще-то, Бахметьев должен быть в курсе, что я стараюсь не соваться в альковные конфликты, — и отнюдь не по моральным соображениям. Дело в том, что на практике нередки случаи, когда после спровоцированного компроматом скандала и соответствующих подарков или ласк (это уже смотря кто перед кем заглаживает вину), супруги мирятся, и спустя очень короткое время в укрепленной семье ребром встает вопрос: как может этот негодяй без чести и совести, посмеявшийся копать в нашем благоухающем горной лавандой нижнем белье, бросивший тень на наше неизбывное, ослепительное счастье, и дальше жить-поживать безнаказанно? Оргвыводы следуют затем самые радикальные (у состоятельных людей много возможностей), а мне еще не хватало только головной боли из-за “дырочных” дел... Но, вообще-то, в амурных разборках несколько дней не должны иметь особого значения — измены вызревают постепенно... Неужели опять заложники? Похоже на то. За последние годы похищать и прятать людей с целью получения выкупа от

родственников стало очень прибыльным бизнесом. И, главное, почти безопасным: редко кто из близких и знакомых обращается в органы — у самих потерпевших часто рыльце в пушку. А счет здесь идет иногда даже на часы...

Помешивая ложкой золотистую жидкость с радужными разводами алкоголя, я подумал, что, в сущности, пытаться что-либо сейчас предугадывать — занятие неблагодарное: совершенно дикая современная жизнь в любой момент способна подкинуть какой угодно сюрприз. Нужно лишь чуть-чуть набраться терпения.

3.

Как я ни старался, на встречу все же приехал с небольшим опозданием: не удалось избежать пробки на Садовом кольце.

Бахметьев сидел ссутулившись за столиком в углу и рассеянно мял пальцами сигарету. Перед ним дымилась чашка с горячим кофе. Я быстро пересек маленький зальчик и протянул ему руку.

— Что такой смурной?

Он вскинул на меня озабоченные глаза.

— Так... Начальство жмет. И вообще проблемы... А ты, я вижу, откуда-то из дальних краев? С отдыха?

— Да. Совместил приятное с полезным: и разгрузился, и смылся на пару недель с глаз долой.

— А что, у тебя какие-то неприятности? Прокололся где?

— Нет, нет, ничего похожего. Просто я вдруг понял, что время от времени полезно менять обстановку.

Взгляд моего собеседника немного смягчился.

— Смотри, Игорь, не мне тебе говорить: после всех твоих походов каждый шаг должен быть особенно выверен.

Я усмехнулся.

— Это лишние слова: покойный Шурка у меня и так будто перед глазами стоит.

— Да я уж думаю! Когда вернулся?

— Только-только из аэропорта.

— Удачно съездил?

— Ты знаешь, неплохо. С погодой подвезло, не было палящего зноя. И потом, я же с собой Марианну брал.

Бахметьев растянул губы в вежливой улыбке.

— Ту сероглазенькую молоденькую стюардессу, с которой не так давно познакомился?

— Ее.

— Ну и как она?

— Девчонка-огонь. Правда, опыта пока маловато. Но это дело наживное. Главное, есть искреннее желание.

— Ты, как всегда, в своем репертуаре!

Я пожал плечами.

— А что делать, жизнь продолжается... Но мы с тобой что-то все не о том. Зачем звал, Юра?

Мой собеседник сунул сигарету в рот и принялся чиркать зажигалкой. Наконец, после небольшой паузы произнес:

— Да, понимаешь, тут такая история, — он глубоко затянулся и шумно выпустил в сторону струю дыма, — у моей двоюродной тетки несколько дней назад пропал сын, двадцатисемилетний парень.

— Как пропал?

— Очень просто. Выехал белым днем из дома по делам на новеньком трехсотом “Мерседесе” и исчез.

— На трехсотом “Мерседесе”, говоришь? И что же у него были за дела?

— Как мне объясняла та же тетка, вполне легальные: где-то крутился, что-то покупал, что-то продавал.

— Точно легальные?

— Не знаю. Мать утверждает, что не мог сынок заниматься криминалом. Ну просто, понимаешь, не мог!

— Ясно. Крутился, покупал, продавал? Ты думаешь?..
— я намеренно не продолжил фразу, предоставляя возможность Бахметьеву самому закончить ее.

— Черт его знает! — уклончиво ответил он. — С ходу трудно что-то утверждать. Сейчас любой, даже более-менее прибыльный бизнес — это бешеная конкуренция, а значит, конкретный риск. Да и жизнь вокруг который уж год напоминает джунгли...

— Это точно. Ну а официальные-то структуры подключили?

— Естественно. Но не сразу. И то пока чисто формально.

— Почему?

— В семье у них, видишь ли, натянутые отношения. Сын проживает отдельно в однокомнатной квартире. В последнее время сошелся с какой-то девахой, которая не понравилась матери, поэтому созванивались они не шибко регулярно. Соответственно, и в местное отделение милиции тетка отправилась только на третий день после того, как сын несколько раз кряду не ответил на телефонные звонки и она, примчавшись к нему домой, нашла квартиру пустой. Совсем пустой — не было даже сожительницы, которая вроде бы ни на какой работе никогда не напрягалась... Но ведь ты в курсе, какая реакция обычно случается в околотке на подобные приходы граждан. В дежурке ее успокоили: “Не волнуйтесь, гражданочка, нужно немного подождать — парень молодой, мало ли куда занесло, еще сам объявится!”

— Да, это общая практика. Тянуть будут до последнего — зачем им лишняя головная боль?

— То-то и оно. Тетка была в шоке. Пробовала сама звонить в бюро несчастных случаев, по больницам, по моргам — не смогла, тяжело. Те немногие приятели сына, телефоны которых она знает, изображают недоумение, не могут сказать ничего вразумительного, глухо намекают на долги.

— Что для коммерсанта вроде бы вполне естественно...

— Вроде бы да. Поэтому тетка боится, как бы не оказалось, что сынуля не вернул кому-нибудь кругленькую сумму...

— Это, конечно, вероятнее всего. Деталей, как я подозреваю, нет?

— Подробностей пока нет. Честно признаться, мы с уважаемой Ангелиной Степановной — так величают тетку — не очень знаем семьи. Вообще, они как-то дистанцировались от родни: уровень, мол, не тот. А тут она вдруг появляется в панике и слезно просит подыскать человека, который в частном, так сказать, порядке мог бы вникнуть в ситуацию. Ну, я и подумал о тебе... Названивал с позавчерашнего дня на мобильный и домой — ни ответа ни привета. Пробил по нашим каналам домашний телефон — не отключен. Уже, признаюсь, забеспокоился, не случилось ли чего? А ты, оказывается, даром времени не теряешь!

— Каюсь, грешен: собираю крохами, трачу ворохами. А что касается связи — мобильник в знойном далёке ни к чему, домашний же я никогда не отключаю... Зачем? Пусть подразумевается, что я болтаюсь где-то неподалеку.

— Логично. Ну, так как? Берешься покопаться в этой темной истории?

— Вообще, случай интересный. Взяться можно. Но сразу возникает масса предварительных вопросов.

— Валяй, задавай. Я весь внимание. Добавлю еще только, что тетка слегла-таки в больницу с сердечным приступом из-за всех этих переживаний.

Я удивился:

— Как же тогда я буду работать?

Однако Бахметьев поспешил меня успокоить:

— Но мы с ней успели переброситься парой слов насчет тебя. Она уже отдала ключи от сыновней квартиры, от гаража и от дачи — на предмет осмотра, выделила некую сумму

наличными, вроде как аванс... Что еще? Если тебе это так необходимо (в чем я, правда, сомневаюсь), составим задним числом любую бумагу — договор, контракт... Возникает пока только один отрицательный нюанс в связи с ее нездоровьем: я знаю с ее слов очень немного о взаимоотношениях в семье, образе жизни парня.

— Ну, это-то как раз не страшно, без этой информации пока можно обойтись. Конечно, неплохо было бы сначала подробнее расспросить мать... Но меня занимает в первую очередь вот что: ты толкуешь здесь о сгинувшем предприимчивом парнишке, и вариант с долгами, конечно, самый предпочтительный...

— Похоже, но не факт.

— ...Значит, к бабушке не ходи, кто-то уже плотно занимается этой проблемой. И, быть может, даже те самые знакомые, которые перед матерью разводят руками.

— Вполне вероятно.

— А не крупного пошиба коммерсанты завязаны, как правило, на местных бандюков...

— Все зависит от расклада.

— Который мы опять-таки не знаем!

— Хорошо, в чем проблема?

— А проблема, Юра, в том, что розыски парня со стороны могут очень не понравиться заинтересованным лицам. Реален такой вариант?

— В принципе, да. Сегодня уже ничему особенно удивляться не приходится.

— Вот-вот. Отсюда мы плавно и переходим к дополнительным согласованиям.

— Я уже понял, к чему ты клонишь.

— Именно к тому: мне понадобится от тебя определенная помощь в определенный момент.

Бахметьев наконец притронулся к почти остывшему кофе, сделал несколько маленьких глотков.

Я не стал затягивать паузу.

— Только тогда я смогу работать быстро и с полной отдачей.

Он отставил чашку в сторону, вздохнул.

— Ты ведь слышан об атмосфере в Управлении.

— Да, Юра. Потому предисловие и было слегка затянутым. Короче, я должен быть твердо уверен, что в случае, если вдруг запахнет палёным, меня прикроют ваши по полной программе. По полной! Но как только я дам отмашку — не раньше и, естественно, не позже.

Бахметьев колебался недолго.

— Ладно, уломал, обещаю. Учитывая очень непонятную текущую ситуацию...

— Ну, вот и чудненько. А теперь, перед тем как нам ударить по рукам, обрисуй хотя бы пунктирно временные рамки этой передраги.

— Ты имеешь в виду то, как события развивались по дням: исчезновение парня, поход тетки в милицию, обращение ее ко мне? Потому что, признаться, в детали я вникнуть не очень-то успел — своих дел по службе невпроворот...

— Да, да. Именно об общей схеме я и спрашиваю.

Мой собеседник опять потянулся за сигаретой.

— Что я могу сказать? Общались мать с сыном нерегулярно: Ангелине Степановне, женщине волевой, с характером, не понравилась его новая пассия, “смазливая стержочка” (теткины слова), родом откуда-то с незалежной Украины. Кажется, все же в позапрошлом воскресеньи тетка звонила ему насчет каких-то редких лекарств, которые он должен был достать через знакомых. Договорились связаться на днях. В прошлый вторник она снова звонила Никите, так зовут парня, — на протяжении всего вечера никто не снимал трубку. Автоответчик мобильного постоянно бубнил: “Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети”. В среду, то есть ровно неделю назад, картина повторилась. Тогда Ангелина Степановна, не на шутку переполошившись, связывается с немногими знакомыми ей друзьями. Те

недоуменно отвечают, что не видели Никиту уже пару (а то и несколько) дней. Мать в легкой панике мчится к нему домой и не застаёт там никого. В квартире полный порядок, но сына нет. Нет также и сожительницы. Последней надеждой остается дача. Но туда Никита не мог поехать: дом перманентно перестраивается и пока непригоден к проживанию в холода. Весь поздний вечер среды Ангелина Степановна пытается хоть что-то выяснить: беспрестанно теревит приятелей, пробует обзванивать различные справочные — по госпитализации, по несчастным случаям — никакого результата. Четверг тоже уходит на бесконечные расспросы. Наконец, в пятницу она идет в местное отделение милиции, где, как я тебе уже говорил, ее внимательно выслушивают и, не занося сообщение в журнал учета информации, советуют немного подождать, не паниковать. Успокаивают, короче. Однако, кое-как промаявшись еще один день, в субботу она снова появляется в отделении. Там уже слегка раздражены: “Сказано же подождать, гражданка! Объявится скоро ваш сын, не суетитесь! Может, он у какой другой знакомой загостился!”

— Узнаю стиль, это в их репертуаре.

— Ага. Только в воскресенье, после стольких нерво-трепок, на грани срыва, тетка сообщила о ситуации мне. Ну, я, конечно, сразу заставил ее написать заявление, приложить фотографии — короче, подготовить все как надо. С этими бумагами мы и направились позавчера к моим нерасторопным коллегам. Не буду приводить здесь сцены словесных баталий — в конце концов, после нелегкой воспитательной беседы заявление было принято и зарегистрировано — как положено. Тогда же Ангелина Степановна попросила меня привлечь человека для активных поисков... Вот, пожалуй, и все.

— Ну, ясно. Значит, насколько я понял, квартира парня по-прежнему пуста и никто ее еще, кроме матери, не осматривал?

— Правильно понял.

— И где сожительница, тоже до сих пор неизвестно?

— Увы, да.

— Темноватая история, ты прав.

— Куда уж темнее. И целая неделя упущена. Но торопил я тебя не только поэтому: возможно, не сегодня-завтра по адресу нагрянет участковый с понятиями — сам понимаешь, розыскное дело по факту исчезновения парня заведут, только имея на руках протокол осмотра его квартиры. Потом входную дверь опечатают. А внутри, сдается мне, вполне могут оказаться какие-то интересные детали, зацепки...

— Согласен. По крайней мере, косвенная информация обязательно должна быть. Любое скопище личных предметов — это клад сведений об их хозяине.

— Вот именно! Поэтому болтать долго нечего — бери дома свою папочку натуралиста и отправляйся в путь.

Бахметьев достал из кармана куртки три связки ключей, нацарапал на клочке бумаги адрес и протянул мне.

— Держи. В подъезде установлен простой кодовый замок. Аванс передам завтра после работы.

— Постой, постой, — я слегка растерялся от такого напора, — что-то, мне кажется, мы упускаем.

— Ну?

— А ты не догадался поделикатнее поинтересоваться у тетки, не сам ли паренек наострил лыжи? В жизни всякое бывает, тем более в суматошной коммерческой...

— Представь себе, догадался.

— И что же?

— Признаюсь, попал в весьма неловкое положение: ведь наверняка тетка тоже подумывала об этом, но от других предпочитает пока не выслушивать подобных предположений.

— Понятно. Все матери одинаковы. И еще... В начале нашего разговора прозвучала фраза: “Выехал белым днем из дома на новеньком трехсотом “Мерседесе” и исчез”. Это было просто эффектным вступлением?

— Если бы. Это доподлинные теткинны слова: соседи видели Никиту в последний раз именно днем, в прошлый вторник. У тебя все?

— Пока да.

— Тогда успехов.

4.

Вот, значит, какая “рабоченка” была припасена Бахметьевым для меня. Куда там похищение! С заложником хотя бы есть зацепки – кто-то требует выкуп. Здесь же не известно пока ровным счетом ничего.

Пропал шустрый, предприимчивый молодой человек. Какие могут быть тому причины? Невозвращенные долги? Конфликт с компаньонами по каким-то там совместным делам? Происки конкурентов? Или тут простое несчастье — случайная встреча на дороге с гопстопниками, позарившимися на дорожную иномарку? Тогда почему такая неопределенная реакция знакомых? Плюс ко всему исчезновение сожительницы... Да и исчезла ли она? Или парень удрал-таки с ней и отдыхает сейчас где-нибудь в теплых краях — в то время как мать лежит на больничной койке с сердечным приступом? Нечего сказать, задачка... Впрочем, все эти версии имеют одинаковый вес лишь при поверхностном взгляде: как только проявятся отдельные детали, уже можно будет фантазировать на избранные темы...

Несмотря на то, что я чувствовал себя слегка не в своей тарелке, выбирать не приходилось — куй, говорят, железо не отходя от кассы: после встречи в кафе я поехал домой, прихватил папку с разной мелочевкой, необходимой для проведения более-менее квалифицированного осмотра квартиры, и напрямиком отправился по указанному Бахметьевым адресу.

Тем временем давно стемнело — декабрьский день короткий и, двигаясь в плотном потоке транспорта в направлении Крылатского, я уже с некоторой досадой думал о

том, что квартиру придется осматривать при искусственном освещении. А это создавало определенные сложности чисто технического характера.

То обстоятельство, что в квартиру никто, кроме матери, не входил, очень меня обнадеживало. Строго говоря, осмотр и имел существенный смысл лишь в случае, если все вещи в доме находились на своих местах — там, где их оставили сгинувшие хозяева. Только в этом случае я мог рассчитывать более или менее верно выстроить воображаемую обстановку, связанную со столь внезапным и загадочным исчезновением.

Впрочем, по некотором размышлении я зарекся заранее выстраивать какие-либо предположения: жизнь — штука коварная.

Около шести я прибыл на место и припарковался за типовой панельной семнадцатизэтажкой. Машину я поставил так, чтобы можно было обозреть прилегающую территорию, не покидая салона. Хотя я пока и не ждал каких-то неожиданностей, но ситуация оставалась непроясненной и, соответственно, пренебрегать элементарными мерами предосторожности не стоило. Очень скоро я убедился, что поблизости не было автотранспортных средств с погашенными габаритными огнями, в которых, тем не менее, просматривались бы силуэты людей. Только чуть поодаль, у ряда “ракушек”, притулился невзрачный микроавтобус “РАФ” с зашторенными окнами. Но на его крыше белел свежевыпавший снег — значит, автомобиль простоял с выключенным двигателем, как минимум, несколько часов.

Я обратил внимание также, что на парковочной площадке не было ни одного “Мерседеса”.

Заперев свою “пятерку” и еще раз окинув беглым взглядом окрестности, я направился по извилистой тропинке к тротуару, тянувшемуся вдоль многоэтажки.

У подъезда никого не было видно, и, быстро набрав код, я проскользнул внутрь. В полутемном тамбуре стоял привычный кисловатый запах жилого дома. У длинного ряда

почтовых ящиков, по пути к лифту, я на секунду задержался, чтобы проверить содержимое Никитино. Замок был взломан, внутри ничего примечательного — обычный набор разнокалиберных листовок, рекламирующих всякую всячину, да вдобавок красочный буклет мебельной фирмы, отпечатанный на мелованной бумаге. По-видимому, текущую корреспонденцию хозяин получал каким-то другим способом, возможно, и через абонентский ящик местного почтового отделения.

Взвесив на ладони всю эту кипу впустую потраченной бумаги, я запахнул ее обратно в ячейку.

Мне вдруг на секунду представилась ситуация: вот я открываю входную дверь, переступаю порог незнакомого жилища, а навстречу с побледневшим от неожиданности лицом появляется... хозяин. Целехонький и невредимый. То-то получился бы казус!

Я невольно усмехнулся своим мыслям, но лифт уже с мягким толчком остановился на десятом этаже, возвращая меня в реальность.

Тихонько спустившись на один лестничный марш и предварительно убедившись, что на площадке девятого этажа никого нет, я миновал последние ступеньки, натягивая на ходу на правую руку резиновую перчатку, и оказался перед дверью общего коридора. Нужный ключ был уже наготове (Бахметьев, со слов тетки, объяснил, в какой последовательности открывать замки), и я легко преодолел первое препятствие. Дальше желательно было, также не привлекая внимания бдительных соседей, справиться с довольно замысловатыми запорами квартиры.

Впрочем, ничего страшного бы не произошло, если бы за спиной вдруг раздался настороженный голос: “А вы, собственно, к кому, молодой человек?” Я все бы доходчиво объяснил соседям, а заодно поинтересовался, давно ли, мол, видели парня в последний раз и не замечали чего странного за ним в этот день? Но для подобных расспросов время еще не

наступило, и до какого-то момента мне все же хотелось сохранить свое инкогнито.

Поэтому я невольно вздрогнул, когда совсем рядом за тонкой стеной сначала обрушился водопад из сливного бачка, хлопнула дверь туалета, а потом бодрое контральто почти пропело: “Славик, сколько раз тебя нужно просить вызвать сантехника?” После чего где-то в глубине невятно загудел мужской голос. Но я уже предельно аккуратно тянул на себя массивную входную дверь Никитинового обиталища...

Квартира встретила погребальной тишиной. К слабому запаху пыли примешивался еще какой-то сложный, резковатый — как будто запах бытовой химии.

Несколько секунд я простоял в совершенной темноте, прислушиваясь к звукам за спиной: у соседей разгоралась перебранка. Затем достал фонарик и, направив его в пол, щелкнул кнопкой выключателя. В отраженном луче я увидел напротив себя большое овальное зеркало в вычурной оправе, высокую черную фигуру в нем и, самое главное, плотно закрытые двери, ведущие в комнату и на кухню. Следовательно, можно было зажечь верхний свет.

Холл, оклеенный симпатичными обоями с растительным орнаментом, оказался достаточно просторным. Всю левую стену занимал встроенный шкаф-купе, далее прямо располагались: дверь, зеркало с тумбочкой на изогнутых ножках под ним, еще одна дверь с ярким витражом. Справа, несколько в углублении, находился блок санузла. Никакого беспорядка я не заметил.

Отложив папку “натуралиста” и фонарик в сторону, я присел на корточки и стал тщательно осматривать плиточный паркет пола. Возле платяного шкафа остались едва заметные замытые черные полосы от резиновых набоек каблуков, за фасонистой ножкой тумбочки, у самого плинтуса, лежала небольшая темно-синяя пуговица с обрывком нитки, к которой уже успели прицепиться пушинки пыли. Кое-где я наткнулся на длинные глубокие царапины, по всей вероятности, от туфель

на шпильке. Но они тоже были не первой свежести — потемневшими от времени. В целом же какие-либо крупные следы отсутствовали, пол сиял чистотой, и я совершенно свободно прошелся по холлу, открыл шкаф, заглянул в ванную и туалет. Нигде особенных, бросающихся в глаза деталей не повстречалось, и подробный разбор бытовых мелочей я отложил на потом.

Осталось бегло, для проформы осмотреть кухню и тогда уже вплотную приниматься за комнату: именно там, как мне представлялось, следовало искать большинство ответов на актуальные вопросы.

Я бочком протиснулся за тяжелую, украшенную причудливым наборным витражом дверь и в синеватом свете уличных фонарей увидел блеск циферблата часов, сияние бокалов, составленных на верхней полке буфета. Обеденный стол был пуст; на тумбочках — тоже ничего примечательного; тарелки и чашки аккуратно расставлены на решетке сушилки. Я сделал шаг и открыл холодильник. Он был набит до отказа. Судя по маркировкам этикеток, продукты покупались совсем недавно, некоторые из них были использованы лишь частично...

В комнате сильнее пахло пылью и новой мебелью: форточка была закрыта. Обегая глазами темный интерьер, я сразу же прошел вдоль дивана к окну, из-за отодвинутой шторы оглядел двор: сверху хорошо просматривалась стоянка машин возле белого куба бойлерной; в ста метрах напротив светились огни соседней многоэтажки.

Ничего подозрительного снаружи как будто бы не было; я задернул плотные шторы, вернулся тем же путем к двери и включил люстру.

Вот оно, скромное жилище молодого, предприимчивого человека: импортная стенка из натурального дуба, стильная мягкая мебель, в алькове — элегантная двуспальная кровать; большой плазменный телевизор “Сони”, компьютер, музыкальный центр класса Hi-End — без претензий, без

особенных наворотов, но со вкусом. Комната, пожалуй, по площади метров под двадцать пять. И, что самое интересное, — нигде ни малейшего покушения на заведенный порядок!

Какое же объяснение может быть всему этому?

Поразмыслив, я решил начать осмотр с мебельной стенки и, чтобы ничего не упустить, двигаться поступательно по часовой стрелке.

Натянув на левую кисть вторую резиновую перчатку, я приблизился к крайней секции, изящным закруглением завершающей весь гарнитурный ансамбль, и внимательно исследовал ее на предмет отпечатков пальцев: безрезультатно. Даже на стекле, возле углов, в тех местах, где, как правило, всегда остаются множественные потожировые отметины прикосновений рук, не было видно ни пятнышка. Я терпеливо обошел все секции стенки, и везде картина была одинаковой — полное отсутствие даже минимальных фрагментов следов. Но это могло означать только одно: кто-то намеренно и с особым старанием стер отпечатки. Зачем?

Отметив для себя это немаловажное обстоятельство, я тотчас же перешел к внутреннему содержимому. Уже, впрочем, предполагая, что, при таком раскладе меня здесь тоже не ожидают удивительные открытия. И действительно, вся посуда в серванте была идеально чистой: фарфоровые тарелки и чашки, хрустальные, стеклянные фужеры и бокалы. Даже початые бутылки “золотой” текилы и канадского виски в баре сияли девственно нетронутыми боками. Правда, в платяном шкафу, в кармане одного из пиджаков, я наткнулся на клочок бумаги, на котором было нацарапано чернилами несколько букв и цифр. Но что означали эти каракули, понять было весьма проблематично, а значит, ценность находки пока вызвала большие сомнения. Зато был хороший шанс, применяя специальные методики, впоследствии выявить на бумаге возможные отпечатки пальцев автора.

Упаковав листок соответствующим образом, слегка приободренный, я продолжил поиски в книжном шкафу.

Надо сказать, библиотека у парня была собрана довольно хаотично: мне встретились растиражированные издания многочисленных классиков мировой литературы, с которыми мирно соседствовали детективы, бульварные романы, какие-то технические издания, справочники. Из нескольких томов мне удалось извлечь календарные листки-закладки разных лет, в том числе и совсем недавние, что очень увеличивало шансы на получение дактилоскопических материалов.

В нижней тумбочке, заставленной видеокассетами, мое внимание не задержалось ни на чем. Правда, с соседней полки я изъясил пяток компакт-дисков с отчетливыми папиллярными узорами на пластиковых коробках.

Просматривая, перебирая, сортируя самым внимательным образом различные вещи, я ловил себя на мысли, что вновь и вновь возвращаюсь к главному вопросу: кто и с какой целью пытался замести в квартире следы? Да еще столь демонстративно?

Например, как я ни старался, мне не удалось обнаружить в многочисленных выдвижных ящиках ни альбомов, ни хотя бы конвертов с домашними фотографиями, ни записных книжек, ни каких-либо документов, включая квитанции об оплате коммунальных услуг. Операционная система компьютера была удалена, и просмотреть файлы жесткого диска на месте не представлялось возможным. Так кто? Сам хозяин, подруга после его исчезновения, они оба совместными усилиями или вообще кто-то посторонний? И это притом, что на периферии сознания накапливались тоже небезынтересные факты: платяной шкаф наполнен как мужскими, так и женскими носильными вещами; в постельном белье (совсем не оригинальное место) лежали завернутые в обычный целлофановый пакет две явно бывшие в употреблении видеокассеты без титульных наклеек на торцах...

В течение последующих двух часов осмотра, постепенно распространившегося на всю комнату, я отыскал и поднял с

ковра несколько длинных волос светло-русого цвета и несколько покороче и потемнее; за диваном, среди пыли, валялись старая квитанция из прачечной, накладной ярко-красный ноготь; в кровати под одеялом, ближе к стене, я обнаружил скомканные черные полупрозрачные кружевные женские трусики с вышитыми по поясу красными сердечками.

Обследование кухни и прихожей добавило немного. Бросилось в глаза пустое мусорное ведро под мойкой, от дна которого я не без труда отодрал пинцетом с десяток присохших мелких клочков бумаги — явно остатков какой-то записки. В шкафу-купе, на нижней полке, в кипе старых газет и журналов я наткнулся на телефонный номер, размашисто записанный шариковой ручкой на первой странице меню ресторана “Планета Голливуд”. В накопителе пылесоса, кроме пыли и волос, застряла еще одна темно-синяя пуговица и тоже с обрывком нитки.

Я глянул на часы: стрелка неумолимо двигалась вперед, достигнув уже одиннадцати, а причины внезапного исчезновения жильцов из квартиры 63 не только не прояснились для меня, но и становились все более непонятными. Обнаруженные же в ходе тщательных поисков крупницы материала давали совсем немного надежд на скорейшее выявление дополнительных сведений.

И все же нужно было подводить черту под первым розыскным мероприятием в этом деле.

Я отступил к выходу из комнаты и последним, внимательным взглядом окинул интерьер, еще раз убедившись, что все, вплоть до мелочей, находится на прежних местах. Потом вернулся к телефонному аппарату, с помощью отвертки снял крышку и подключил к клеммам “радиожучок”, внешне очень похожий на обычный резистор: всегда полезно послушать то, что не предназначено для чужих ушей. Авось, участковому, который будет осматривать квартиру после меня, повезет больше...

На улице задувал резкий ветер и опять повалил мокрый снег.

Я накинул капюшон на голову и, засунув папку под мышку, спрятал руки поглубже в карманы.

Что-то больно хитроумная вырисовывается комбинация. Не слишком ли много здесь нагромождено взаимоисключающих деталей? Хотя с какой стороны глянуть — в жизни не всегда количество переходит в качество.

Метель разыгрывалась не на шутку, и вряд ли в такую непогоду можно было разглядеть что-либо из соседних окон. Поэтому, используя благоприятную ситуацию, я не стал долго раздумывать, где бы во дворе незаметно пристроить ретранслятор, а просто-напросто забросил небольшую пластиковую коробку усилителя радиосигналов на плоскую крышу бойлерной. После этого мне осталось только убраться восвояси.

5.

Первое, с чем я проснулся на следующее утро, было отчетливое ощущение тревоги. Откуда оно взялось? Мысленно я шаг за шагом вновь прошел весь свой вечерний изыскательский путь. Вроде бы ничего упущено не было. И в то же время как немного мне досталось в качестве трофеев... Кто же заметал следы? Ни одной правдоподобной версии я выстроить пока не мог; вернее, у меня навскидку получалось слишком большое количество равнозначных вариантов. А в такой ситуации лучше не пороть горячку, торопливо подбирая удобные логические схемы, но терпеливо накапливать новые факты, искать новые улики – короче, собирать и собирать информацию.

От бритья меня отвлек настойчивый телефонный звонок. Продолжая терпеливо скоблить щеки, я подождал, пока аппарат не прозвонит в седьмой или восьмой раз, и тогда только снял трубку.

— Ты что не подходишь? — Марианна как будто была чем-то обеспокоена.

— Привет.

— Привет. Валяешься в постели?

— Нет. Ты же знаешь, после девяти я не люблю бесцельного лежания в койке.

— А не бесцельного?

— Смотря какая рядом цель.

— Ах, вот ты как? Издеваешься?

Тут только до меня дошло, что я со всеми своими вновь возникшими проблемами начисто забыл о вечернем звонке.

— Виноват, виноват, исправлюсь, — я не смог сдержать улыбки: таким строгим вдруг стал тон у Марианны.

— Ах, ты еще и ухмыляешься!

Я с трудом взял себя в руки и проникновенно произнес:

— Милая, не сердись. Произошла досадная накладка.

— Какая еще накладка? Ты почему вчера не позвонил, как обещал?

— Если честно, было не до того.

— Не до того?! Ну, знаешь!

— Я в том смысле, что был очень занят.

— Был занят? Вечером?

— Да, говорю тебе.

— Настолько, что не мог выкроить и двух минут для короткого разговора?

— Увы. Мне позвонили, едва я внес чемодан в квартиру, и тут же сделали предложение, от которого невозможно было отказаться.

Наступила пауза. Я слышал, как Марианна тихо дышит в трубку. Наконец, она нарушила молчание.

— А ведь ты, Игорь, так до сих пор мне и не сказал, чем занимаешься. Хотелось бы знать, какие это дела затеваются на ночь глядя?

— Уверяю тебя, вполне законопослушные.

— И все-таки?

— Это не по телефону, милая.
— Почему?
— Ну как тебе объяснить? Есть такие вещи, которые не предназначены для обсуждения по телефону. Обязательно требуется личный контакт.

— Но почему? Игорь, ты меня пугаешь...

Я рассмеялся как можно более непринужденно.

— Ну вот, видишь, ты уже что-то напридумывала себе, чем-то забила свою прекрасную головку. Зачем? Очень скоро мы встретимся, и я тебе все расскажу.

— Когда?

— Что когда?

— Когда встретимся?

— Скоро, милая, скоро. Я тоже очень соскучился.

— Ты уже придумал, куда нам вечером пойти?

— Вечером? Да, да, конечно. Мы отлично посидим в одном уютном местечке... Как, кстати, тебя встретили дома? Не очень ругали?

— Да нет. Мама, конечно, не удержалась от нотаций. Вспомнила зачем-то про Солоника.

— Про кого??

— Солоника. Киллера. Помнишь, страшная шумиха была, когда девочку, топ-модель, его подружку, под Афинами по частям в чемодане нашли?

Я изобразил недоумение.

— Постой-постой, что-то такое припоминаю... Но это мама совсем уж неудачно пошутила.

— Вот-вот. И я ей так же ответила. В людях нужно разбираться уметь. Вообще-то. И потом... Я ведь давно самостоятельная, мне уже в будущем году, страшно подумать, двадцать стукнет!

— Да, да, двадцать. Солидная цифра.

— А что ты думаешь! Конечно, солидная!

— И станешь ты у меня совсем пожилой.

— Типун тебе на язык!

Я замахал руками.

- Шучу, шучу. Прекрасный возраст. Как это у Блока?
Ей было пятнадцать лет. Но по стуку
Сердца – невестой быть мне могла.

- Издеваешься!

- Нет, просто пытаюсь заглушить тоску.

— Во сколько же мы о тобой договоримся встретиться?

Я сокрушенно вздохнул, будто вспоминая вдруг о чем-то скучном, но необходимом.

— Видишь ли, честно сказать, я пока не знаю, когда освобожусь. Мне нужно сейчас отправляться по делам, а потом я тебе обязательно отзвоню. Договорились?

Марианна ответила явно погрузневшим голосом:

— Договорились.

— Ну, не вешай носа. Целую. Пока.

Я вернулся в ванную и посмотрел на себя в зеркало. Лицо жгло от неоконченного бритья. Час от часу не легче. Впереди дел невпроворот, нужны натиск и быстрота, и время идет. Надеяться сейчас на какие-то динамические подвиги можно только в том случае, если успею нахватать максимум информации по горячим следам.

Я спешно завершил все необходимые утренние манипуляции и спустился вниз, к машине.

За ночь двор совершенно замело — зима неотвратимо вступала в свои права. Смахивая с крыши и багажника щеткой снег, я увидел сквозь очищенное стекло забытый на заднем сиденье красочный проспект туристического агентства, и как-то сразу не поверилось, что всего лишь несколько часов назад райская земля простиралась вокруг нас, и ни с чем несравнимый бодрящий воздух океана оведал лица. По переливчатой поверхности змеилась лунная дорожка, и где-то в отдалении горели огни, звучала музыка. Но все это находилось там, далеко, а рядом, совсем близко, были чудесные испуганные глаза Марианны.

— Игорь, я боюсь!

- Чего или кого, интересно знать?
- А вдруг нас кто-то увидит?
- Ну и пусть видят.
- А вдруг кто-нибудь сделает... что-нибудь плохое?

Я освободился от остатков одежды.

— Не бойся, трусиха, здесь никого нет. И потом, обижаешь, ты ведь со мной. Зато в Москве будешь с восторгом вспоминать, как голышом резвилась в ночном Индийском океане! Глянь, какая красотища вокруг!

Марианна секунду помедлила, а потом быстрым, каким-то даже отчаянным движением выскользнула из купальника. И уже в который раз я невольно залюбовался стройной точеной фигуркой, тонкой талией, плавными изгибами бедер, налитыми полушариями груди. Затем стремительно подхватил подругу на руки и вошел в ласковую сияющую зеленоватыми бликами воду...

Справа отчаянно засигналил “камаз”-мусоровоз, медленно вползающий во двор. Бр-р-р! Так недолго и вляпаться в историю.

Я дисциплинированно пропустил мимо чадающего оранжевого монстра и, уже окончательно освобождаясь от наваждения, выехал на суетную улицу.

Увы, не время было предаваться горячим воспоминаниям в будничную декабрьскую стынь. Тем более что та ночная история закончилась не так идиллически: в самый интересный момент, когда наши светящиеся влажные тела переплелись, словно из-под земли возникли полицейские фонарики. Дальше — короткий эмоциональный диалог на причудливом русско-англо-местном диалекте, и несколько хрустящих купюр плавно перекечевали в глубокие карманы рьяных блюстителей нравственности.

Я оторвал взгляд от стремительно мчавшегося под колеса заснеженного шоссе — впереди в сизом зимнем небе, над самыми крышами домов, вспучивался, клубясь, густел на глазах завиток черного дыма. Что-то шибко разгоралось

примерно в том направлении, куда я спешил. Сейчас же совсем неподалеку раздался надрывный протяжный вой пожарной сирены.

Только проехав с пару километров, я понял, что полыхает как раз нужное мне гаражное хозяйство. Случаются же такие совпадения! Полосатый шлагбаум был уже поднят, и я беспрепятственно въехал на территорию, успев краем глаза заметить суету в будке охраны.

В проезде между боксами нарастало беспокойство: автовладельцы выходили из своих гаражей и словно загипнотизированные смотрели на дымный шлейф, все увеличивающийся в размерах; кто-то торопился в эпицентр происшествия.

Стараясь не поддаваться общей нервозности, я медленно продвигался к конечному пункту своего пути, ориентируясь по номерам боксов. Сначала я ехал в противоположном от пожара направлении, но затем пришлось два раза свернуть, после чего в ста пятидесяти метрах прямо перед собой я обнаружил огромный костер, людей, отчаянно пытавшихся что-то сделать, и кавалькаду красных машин, скопившихся у распахнутых створок запасных ворот.

Все для меня становилось почти что очевидным, и можно было, в общем-то, со спокойной душой поворачивать назад. Тем не менее я остановил “пятерку” поодаль и приблизился к суевающимся людям. Реальность не оставляла никаких шансов: горели гараж Никиты и два соседних. Двери были уже вскрыты, и я видел, как зеленоватое пламя пожирало запасные колеса, пластиковые канистры с горюче-смазочными жидкостями, деревянные полки с инструментом и разнообразным подручным материалом — все, чем заполняет тесное пространство бокса каждый автомобилист. В дальнем гараже сиял новенький передок седьмой модели “Жигулей”, только передок — остальное было в огне и дыму.

— Не повезло мужику! — услышал я голос за спиной.
— Только месяц назад тачку поменял.

— А отчего загорелось-то? — спросил другой.

— Черт его знает! Вроде как началось все с соседнего пустого бокса. Но его хозяина, молодого парня, уже давненько здесь не видели...

Я возвратился к машине. Вот тебе и странное совпадение. Но если это поджог, кому понадобилось палить гараж без “Мерседеса?” Что там внутри могло находиться такого, от чего необходимо было любой ценой избавиться? И, судя по всему, теперь с осмотром дачи затягивать было нежелательно: как бы и там чего похожего не приключилось — какого-нибудь небольшого стихийного бедствия с необратимыми последствиями.

Размышляя о новом, довольно неожиданном развитии событий, я уселся за руль и повернул ключ зажигания. Буквально через секунду после того, как заработал двигатель, я явственно услышал шорох, донесшийся из УКВ-радиоприемника, постоянно настроенного на волну телефонного “жучка”. Определенно, в квартире Никиты кто-то находился. Это было понятно по вдруг зазвучавшим тяжелым шагам, стуку задвигаемых ящиков. Некоторое, совсем короткое время поиски продолжались молча. Затем кто-то злобно процедил сквозь зубы:

— И куда этот козел их заныкал?

Вот это да! На ловца и зверь бежит.

Я поспешно развернул автомобиль и помчался в обратном направлении.

Судя по репликам и звукам, тем временем в квартире начался форменный обыск: скрипнули дверцы платяного шкафа, загремела упавшая на пол пластиковая вешалка, послышались еще какие-то глухие звуки — то ли выгружались книги с полок, то ли сбросили подушки с дивана. Все-таки, по производимому шуму, становилось ясно, что по комнате шастают двое.

Да, неплохо было бы узнать, кто заинтересовался Никитиной квартирой. От них, этих малоразговорчивых

личностей, надо думать, путь к пониманию истории с внезапным исчезновением парня куда как короче. Но как без подстраховки, с ходу грамотно влезть в ситуацию?

Я был уже в нескольких кварталах от нужного дома, когда радиоприемник внезапно смолк. Я покрутил регулятор громкости и сначала с трудом расслышал переливчатую трель дверного звонка, доносившуюся из прихожей, и уже в следующую секунду, совершенно отчетливо, сдавленные голоса:

— Кто это ломится в хату?

— А хрен его знает.

— Как бы нас не подставили!

— Сваливать надо.

— Да. Пора когти рвать. Все равно, чую, ничего не надыбаем. Иди, приложи ухо к двери, послушай, кто там топчется.

Я проехал мимо бойлерной, взглянул на окна — занавески в гостиной были раздернуты — и медленно выкатился из-за угла многоэтажки.

На стоянке перед домом по-прежнему находилось несколько припорошенных снегом автомобилей, среди которых и знакомый “РАФ” с зашторенным салоном, но сильно в разреженном, по причине будней, ряду выделялись серый “Москвич” и “Жигули” цвета мокрого асфальта восьмой или девятой модели, явно уже бывшие на ходу в этот день. Причем “жигуленок” был припаркован как раз напротив Никитино подьезда.

Я остановился поодаль — так, чтобы было удобно наблюдать за всеми перемещениями возле дома, а самому при этом оставаться вне поля зрения посторонних глаз. Но со своей безопасной позиции я не мог видеть, сидели ли люди в салонах легковушек.

Из радиоэфира окончательно исчезли какие-либо определенные звуки: не слышалось больше ни звонков, ни речи, ни шума шагов — шелестели одни помехи. Естественно,

не было и стука закрывшейся двери. Однако все сомнения отпадали — визитеры подались на выход.

Словно в подтверждение моих мыслей черная “девятка” (марка теперь определялась без труда, но салон не просматривался — стекла были покрыты тонированной пленкой) вырулила со стоянки и притормозила у подъезда. В нее тотчас впрыгнули два неприметно одетых молодца, и машина рванула с места.

Оглядев прилегающую территорию, я подождал несколько секунд, оценивая обстановку, и двинул следом.

“Девятка” шла очень ходко. А так как я был вынужден следовать за ней на значительном расстоянии, чтобы не засветиться, на одном из перекрестков я едва ее не потерял: машина проскочила на желтый свет.

С трудом переждав красный (неподалеку маячил “Форд” дорожно-постовой службы), я бросился вдогонку, но “девятка” как сквозь землю провалилась. Я промчался наугад пару километров, никуда не сворачивая, а лишь пристально всматриваясь в поперечные улицы, и в пустынном проезде успел засечь моментально скрывшийся за домом знакомый черный силуэт.

Раздумывать было некогда, пропускать встречный транспорт тоже, и я повернул налево под бешеный вой стремительно надвигавшегося грузовика.

Оказавшись в переулке, я вздохнул с облегчением: кирпичная башня-двенадцатиэтажка, за которой скрылась машина, была в полутораэта метрах; район глухой, ехать особенно некуда; предельно большая дистанция, выдерживаемая мной на протяжении всего пути, давала возможность теперь, на коротком отрезке, сесть незнакомцам на хвост без риска быть тотчас расшифрованным.

Я поддал газу и выехал из-за дома.

“Девятка” стояла в глубине двора, возле гаражей, стекла у машины были по-прежнему подняты, двигатель работал на холостых оборотах.

Что за неожиданная остановка? Уже приехали?

Я покрутил головой: двор вокруг был пуст, только по раскисшему ухабистому проулку к “девятке” спереди подъезжал “Ниссан-Террано”. Никак, забили стрелку в укромном уголке?

Я благоразумно заехал за кусты. И в тот же момент стылый декабрьский воздух разорвал треск автоматных очередей...

Пальба продолжалась долго — так, по крайней мере, мне показалось. Буквально на моих глазах — из-за голых ветвей все было хорошо видно — “девятка” превратилась в решето под шквалом огня, осыпались лобовое и боковые стекла, а автоматы всё продолжали плевать свинцом. Только спустя несколько секунд, гулким эхом прокатившись по близлежащим кварталам, дробный грохот стих: расстреляв по полному магазину, киллеры, видимо, посчитали дело сделанным. “Ниссан” стал резко набирать ход, но тут... из-за угла неожиданно вынырнула машина вневедомственной охраны.

Как стражи порядка оказались в таком довольно безлюдном месте? Возможно, слышали безудержную пальбу — ведь лихие пареньки не позаботились хотя бы о минимуме скрытности. Так или иначе, братки сами попали в ловушку: автоматные стволы за ненадобностью были сброшены возле «девятки», а единственный путь отхода перекрывала теперь бело-синяя малолитражка с крупными цифрами подразделения на боку...

Развязка была короткой. Я уже поспешно выруливал из пустынного двора, когда жалкие хлопки бандитского “ТТ” за спиной почти мгновенно покрыл торжествующий треск короткоствольных милицейских “калашей”...

6.

Разборки крутых парней в тихом переулке произвели на меня крайне гнетущее впечатление. Ну, ладно, пускай,

вневедомственная охрана оказалась там случайно, привлеченная громкой и кучной стрельбой. Но чем было объяснить кровожадность братков из “Ниссана”? Кому понадобилось убирать незадачливых шмональчиков, нагрянувших в квартиру исчезнувшего человека? И зачем?

Пытаясь отвлечься от мрачных мыслей, я осмотрелся вокруг. Иногда бывает занятно понаблюдать за окружающими в относительно спокойной обстановке. В данном случае мой настороженный взгляд привлекли две колоритные фигуры за столиком около окна. Оба субъекта были одеты не то чтобы плохо или неряшливо — таких из заведения просто-напросто вытолкали бы, — но присутствовала в их облике некая небрежность, заставлявшая обратить на себя внимание. Кроме того, все их движения, слегка ссутуленные спины, неторопливый и тихий разговор демонстрировали крайнюю степень удрученности.

Я видел, как тот, что сидел ко мне спиной, периодически доставал из бокового кармана засаленной замшевой куртки бутылку и левой рукой торопливо совал горлышко в пластиковые стаканы. В это время другой окидывал глубоко посаженными быстрыми глазками интерьер и стойку бара: пить принесенное с собой спиртное запрещалось даже в такой забегаловке. Затем оба, влив в себя водку, старательно закусывали и несколько секунд молчали. После чего прерванный разговор столь же вяло возобновлялся.

Попивая кофе и ожидая прихода Бахметьева за столиком в дальнем углу, я без труда представил примерную схему их затруднительного положения.

Я вдоволь пообщался в свое время с подобным контингентом. Эти толстые пальцы с черными расплюснутыми ногтями одинаково легко и ловко могут управляться и с кувалдой, и с мастерком, и с рычагами бульдозера, а при случае и с узким обоюдоострым “перышком”. Выбор зависит от обстоятельств. Вот и сейчас, наверняка, решался вопрос о смене “орудий труда”. Вероятно,

неласково приняла столица в свое безразмерное чрево очередных страждущих.

Их задушевная беседа будет продолжаться до тех пор, покуда размалеванная глазастенькая кассирша, восседавшая на возвышении за кассовым аппаратом, не приметит однообразных нырков заскорузлой руки в замшевый карман и не шепнет об этом безобразии слоноподобному охраннику в черной форме и с наручниками на поясе, изредка навешавшему зал. Тогда, возможно, редким посетителям предстоит наблюдать любопытное зрелище...

— О чем мечтаем?

Я даже вздрогнул от неожиданности: надо мной, ухмыляясь, стоял Бахметьев.

— Ты совсем что-то нюх после курорта потерял. Небось, все мерещится волоокая дева, выходящая из пены морской?

Я без особого жара пожал протянутую руку.

— Если бы. На беду, наша житуха ни малейшего повода для расслабухи не дает.

Бахметьев уселся рядом.

— Вижу, вижу по глазам — успехов маловато. Ну, рассказывай. Есть какие-нибудь зацепки? Что-то хоть проясняется?

Я покачал головой.

— Находок не густо. И с этой-то малостью придется еще повозиться.

— Да? А общие впечатления? Что могло стрястись в прошлый вторник? Куда вдруг исчез парень?

— Увы, Юра, ума пока не приложу. Вообще, создается впечатление, что отъезд не был совсем уж неожиданным. Или... Или его кто-то хочет таковым представить.

— Ты серьезно?

— Вполне. Суди сам: парень пропал внезапно и средь бела дня. Так?

— Так.

— Но следов, даже таких обязательных, как отпечатки пальцев на ручках дверей, на посуде, на всяких прочих мелочах, в квартире нет.

— Нет?

— Практически нет. Не нашел я никаких документов, включая и элементарные квитанции по квартплате. Но и это еще не все. В доме не отыскалось ни одной фотографии, даже паршивенькой черно-белой!

— Странно.

— Более чем. Но слушай дальше: при всем том верхняя одежда, носильные вещи и нижнее белье — на месте; украшения и золото — в общем-то, целы; холодильник забит едой, причем в нем находятся скоропортящиеся и не так давно уже частично употребленные продукты, а еще... Как тебе понравится это?

Я полез в сумку и вытянул оттуда нечто, уложенное в специальный герметичный пластиковый контейнер.

Бахметьев недоуменно уставился на предмет.

— Что здесь?

— Ровным счетом полторы тысячи баксов сотенными бумажками, спокойненько так лежавших себе в сливном бачке унитаза.

Мой собеседник откинулся на спинку стула, закурил.

— Да-а, занятная получается картинка, ничего не скажешь. Как будто кто-то специально старался. И, кроме этих не очень впечатляющих находок, зацепок больше никаких?

— О чем и речь. Впрочем, сегодня ситуация получила весьма определенное продолжение.

— В смысле?

— Гараж Никиты сгорел.

— Как это?!

— Обыкновенно. Синим пламенем. А в то же самое время кто-то копался у него на квартире.

— Погоди, погоди! Сгорел, копался... А что ты сразу об этом не сказал? Что-то я тебя не пойму.

— Так тебе будет не яснее, чем мне. Я ведь пытаюсь излагать последовательно.

— Да, да, я уже понял. Ну не тяни, выкладывай суть.

— Короче, утром в гараж я не успел — он к моему приезду уже полыхал вовсю.

— Его наверняка подожгли!

— Только кто? Бокс, конечно, был пустой...

— Да уж я думаю. Откуда там взяться машине?

— Тем более что новенький трехсотый “Мерседес” при редком раскладе использовали бы как факел.

— Вот именно. А шмон? Откуда данные о нем? Ты “заплюсовал” квартиру?

— Да. Поставил в телефон небольшое дополнение, а на крышу котельной во дворе забросил довольно мощный ретранслятор — все чин по чину. Жду и надеюсь теперь по УКВ услышать горячие новости от участкового. А их нет. К тому же за неполные сутки в доме клиента — ни одного телефонного звонка. Правда, вот со шмоном неожиданно повезло.

— Кто же это мог быть?

— Не знаю, не знаю. Ребят было двое. Немногословных. Что-то усиленно искали.

— Что?

— Этого я не понял. Нечто, исчисляющееся во множественном числе, — “их”. Деньги, документы, кассеты, дискеты? Еще что-то?

— Тут можно только гадать. О чем-то еще постороннем они говорили?

— Нет. Повторюсь: шмональщики были очень немногословны.

Бахметьев подкурил от бычка вторую сигарету.

— Похоже, попал родственничек в переплет.

— Скорее всего, так. Я ведь тебе не все еще рассказал.

— А что такое?

— Этих молодцов спустя полчаса искрошили в капусту в одном из тихих пресненских переулков.

— Завалили?

— Не просто завалили, а расстреляли из двух стволов, сделали из них натуральное решето.

Бахметьев ошеломленно смотрел на меня.

— Кто?

— А черт его знает.

— Ты... там был?

— Был. И номера обоих тачек видел. Да что толку!

— Не понял!

— А тут нечего и понимать: на гром и треск мгновенно примчались бойцы вневедомственной охраны, как видно, проезжавшие неподалеку.

— Ну и?.. Игорь, не тяни кота за хвост!

— Ну и заделали серые мундиры наших мстителей в один момент из своих коротеньких пукалок.

— Замочили?

— Наглухо.

— Вот это да! Вот это вести ты принес!

— Да уж, совсем невеселые. Теперь, надеюсь, ты сам теперь чувствуешь, что СОБР всегда нужно держать наготове.

Бахметьев как-то по-иному взглянул на меня.

— Здесь без вариантов. А задний ход ты давать не думаешь?

— Нет. Зачем?

— Ну да, в такой ситуации каждый решает сам.

— Наверное.

Мой собеседник резким движением затушил дотлевшую почти до фильтра сигарету.

— Тебе нужно срочно опросить знакомых и соседей, узнать, какими такими делами занимался наш добрый молодец.

— Нужно, кто бы спорил.

— Ты говорил, вроде что-то нашел в квартире?

— Да. Ведь все отпечатки не сотрешь. И кроме них попалась разная мелочовка. Я уже отдал часть ребятам в экспертизу, пусть повозятся — авось, что-нибудь всплывет. Фотографий вот только никаких нет. Я днем успел побывать на даче, и там — ничего: тотальный ремонт, хоть шаром покати.

— Это не проблема, снимки я тебе привез. У меня остались после похода в отделение с теткинским заявлением.

— Да? Молодец, это очень кстати. А я уж думал, придется ждать выздоровления матери.

Бахметьев достал из внутреннего кармана несколько цветных любительских снимков и протянул мне.

— Правда, на них — только Никита. Зазнобу его, как я докладывал, крутая нравом Ангелина Степановна терпеть не могла.

— Ничего. Он-то мне и нужен.

Я пристально взгляделся в высокого симпатичного голубоглазого и темноволосого парня, с обаятельной улыбкой поднимающего бокал золотистого вина на фоне новенького “Мерседеса”. На следующем фото он уже непринужденно сидел с сигаретой в зубах за рулем сверкающей иномарки.

— Приятный паренек. Мне почему-то он и представлялся именно таким. Хотя о его росте, объемах, цвете волос я уже составил себе примерное понятие.

— Да, парень смазливый. Потерять такого — особенно горько.

— Ты думаешь? А мне кажется, для матери всё одно, будь сын хоть и калека. Как, кстати, самочувствие уважаемой Ангелины Степановны?

— Увы, по-прежнему не ахти. Врачи не разрешают даже кратковременного свидания. Так что отработывай пока направления, не замкнутые на семью. Тем более что рядом творятся такие дела... Есть хоть какие-то наметки?

— Конечно. Поинтересуюсь в бюро несчастных случаев насчет неопознанных трупов, да надо узнать насчет девицы — возможно, она была временно зарегистрирована по

месту жительства... Ты не в курсе, какой у Никиты номер мобильного?

— К сожалению, нет.

— Жаль.

— Ну, не страшно. Подождем, когда придет в себя мать. Я думаю, это недолго — несколько дней, — мой собеседник опять полез во внутренний карман. — Держи аванс на первичные расходы. И... — Бахметьев запнулся. — Знаешь, после всего услышанного как-то даже неловко требовать с тебя расписку.

На стол под мою ладонь легла достаточно внушительная стопка зеленых банкнот.

— Сколько?

— Пока пять тысяч. После будет еще.

— Неплохо. Не будет нескромным поинтересоваться, откуда у пожилой женщины такие деньги?

— Отнюдь. Меня тоже в свое время занимал этот вопрос. Дело в том, что Никита как-то подкинул матери на черный день, может, дальновидно предвидя зигзаги судьбы. Тетка же мне сразу заявила, что не пожалеет средств...

— Ясно. Вот между делом выясняется, что Никита все-таки не страдал абсолютным безденежьем...

В этот момент в зале возникло небольшое оживление. На крайний столик у окна с угрожающим видом надвигалась огромная фигура в черной форме. Напрасно, однако, сторонние наблюдатели застыли в немом ожидании: эффектного скандала не получилось. Двое дружков неторопливо поднялись со своих мест, и ближний, повернувшись к вышибале багровым, слегка отекившим от выпитого лицом, коротко и веско бросил:

— Спокойно, командир. Мы уходим.

При этом его правая рука быстро опустилась в карман. Толстяк не решился обострять ситуацию, и, заметно покачиваясь, мужики ушли.

Покинули гостеприимное заведение и мы. Из машины я позвонил Марианне, что наша вечерняя встреча, к сожалению, пока откладывается...

7.

Информация, которой я располагал, была, конечно, очень фрагментарной и поверхностной. Но, сопоставляя имеющиеся сведения со свежими фактами, можно было уже делать весьма определенные выводы. Коль скоро гараж Никиты сгорел, и подозрительно не вовремя, а в квартире его к тому же побывали непрощенные гости, которые недолго потом задержались на этом свете, все разновидности несчастных случаев либо криминальных случайностей, таких, как нападение в укромном месте на хозяина новенькой иномарки, — совершенно и категорически отметались. Оставались, собственно, только две версии. Первая: парня устроили в связи с некими обстоятельствами, возможно, известными его окружению — раз о них, хоть и глухо, намекнули знакомые.

Против этого предположения было то, что следы в доме оказались стертymi еще до прихода малоразговорчивых визитеров. К тому же хозяин не был просто застрелен в подъезде, на улице либо взорван в автомобиле, а сгинул, да не один — с подругой. Не слишком ли сложно и хлопотно все это? Версия вторая: Никита ударился в бега, и его усиленно разыскивают. Кто? Свои? Чужие? Плюсы: попытка уничтожения следов, исчезнувшая зазноба, обыск, сгоревший гараж. Минусы: заначка в валюте, хотя и не очень значительная, в сливном бачке; нетронутые мелочи — побрякушки, косметика; достаточно полный (?) комплект носильных вещей в шкафах, головных уборов, верхней одежды и обуви — в прихожей; а главное — вероломный расстрел следопытов в безлюдном переулке.

Неизвестно, к какому пункту относилась не без труда восстановленная мною записка из мусорного ведра. На обрывке бумаги значилось всего несколько неполных слов:

“При у вечером. жно быть
готовой.

Цел ю”.

О чем шла речь? К чему необходимо было готовиться? К отъезду? Или молодые люди собирались на банальную вечеринку? И к какому именно дню все это относилось (если учитывать, что послание было залито чем-то липким и присохло к дну)?

На другом клочке, извлеченном из кармана пиджака в шкафу, вообще было записано что-то непонятное:

М К П 13 12 96

96+8541 20

Тем не менее ситуация становилась более определенной: либо Никита уже был покойником, и приходилось только надеяться, что труп не зарыт в безымянной могиле где-нибудь в лесу; либо молодой человек пребывал в добром здравии, но неизвестно в каких краях.

В любом случае для выяснения обстоятельств, предшествовавших исчезновению, теперь было нужно в самые короткие сроки выходить на ближайшие связи парня — возможных компаньонов по “делам”, родственников, друзей, знакомых. Но так как начинать следовало все же с Ангелины Степановны, то пока я приложил усилия в других направлениях.

Побывав с утра в ДЭЗе и не обнаружив в тамошних бумагах ни следа “смазливой стервочки”, ближе к полудню я парковал свою машину у неказистого приземистого кирпичного здания с блеклой вывеской сбоку от входа:

Городская судебно-медицинская экспертиза

Морг №2

Начал я именно с этого заведения потому, что за добротными металлическими дверями с глазком для обозрения прилегающей территории, в темном чреве, должен был обретаться мой давний знакомец, великий знаток внутреннего человеческого мира, маг и чародей по части потрошения.

На звонок в дверь открыл мордатый рыжеусый охранник и вопросительно глянул на меня.

— К Роньшину, — коротко, не здороваясь, доложил я и тотчас невольно задержал дыхание, почуяв пока еще слабый, почти даже неуловимый специфический запах скорбного учреждения.

Охранник, видно, тоже не был расположен к многословию и, мельком взглянув на мои документы, молча кивнул в сторону коридора.

Порядком сбитый с толку столь лаконичным ответом, я прошел дальше, миновал небольшое фойе и за первым же углом нос к носу столкнулся с молоденькой медичкой в белоснежном халате, очень тщательно подогнанном по фигуре. Была она чертовски стройна и привлекательна, только вот взгляд, показавшийся мне каким-то неподвижным, застывшим, да бледное лицо несколько портили общее впечатление.

— Извините, где я могу найти мэтра Роньшина?

Девушка пару секунд смотрела на меня немигающими глазами, словно давая понять, что здесь не совсем подходящее место для jovialного тона. Потом, повернувшись, пробормотала довольно невнятно:

— Идемте.

Мы двинулись вдоль коридора к стеклянным двустворчатым дверям, и с каждым шагом сладковатый тошнотворный запах разложения, лишь слегка разбавленный формалином, становился все гуще.

Во второй части коридора на каталках вдоль стен лежало несколько трупов, некоторые из них были прикрыты то ли тряпками, то ли деталями одежды.

Мне уже довольно давно не приходилось бывать в подобной обстановке и с непривычки я ощутил, как плотный ком подкатывает к горлу. Моя же провожатая, напротив, совершенно непринужденно перебросилась несколькими словами с шедшим мимо коллегой, по-хозяйски придвинула

сплошь заляпанную буро-коричневыми пятнами каталку ближе к стене, подвела, наконец, меня к одной из дверей.

— Подождите минутку.

Я остался один в коридоре в непосредственном соседстве с желтыми пятками, торчавшими из-под застиранной простыни. Из-под другой простыни выглядывала прядь роскошных каштановых волос.

Вскоре из секционной показалась нескладная фигура экс-хирурга, ныне прозектора, облаченная в длинный клеенчатый фартук, сплошь испещренный потеками.

— О-о, какие люди!

На меня пахнуло ядреным свежачком.

— Привет знатокам людского нутра! — я намеревался было протянуть для пожатия руку, но вовремя заметил, что мой знакомец в резиновых перчатках.

— Приятно лицезреть цветущим.

— Ну сюда-то к вам пока не собираюсь. Тем более, что тут так дурно пахнет.

Роньшин криво улыбнулся, отчего его узкое конопатое лицо с багровой бородавкой возле носа приобрело еще более комичный вид.

— Торопиться не надо. Не надо.

— Я тоже так думаю. Однако народ, как видно, не очень придерживается размеренного образа жизни, — мои глаза невольно вернулись к каштановой пряди на каталке.

— Да, людишки нелепо живут, нелепо и помирают... Тебя-то какими судьбами к нам занесло? Или ищешь кого?

Я взял приятеля под локоть.

— И да, и нет. Тут такое дело — пропал молодой оборотистый парень, из коммерсантов. И хотя я не очень-то пока готов верить, что он стал вашим клиентом, но посмотреть надо...

— Давно пропал?

— Девять дней назад.

— Возраст?

— На вид до тридцати.

— Рост, комплекция? Какие-нибудь особые отметины на теле есть?

— Высокий, худощавый. Насчет отметин не в курсе.

— О, браток, с такими данными только к нам с десяток поступило.

— Я знаю, справлялся в учетах. В моргах судмедэкспертизы, включая областной, двадцать семь недавно доставленных неопознанных трупов молодых мужиков.

— Вот-вот. Я как раз сейчас занимаюсь с таким: парню лет двадцать восемь, темноволосый, высокий, жилистый. Не желаешь взглянуть?

— Отчего же нет?

Я протиснулся вслед за Роньшиным в небольшую, но светлую комнатку, где на двух оцинкованных столах лежали основательно препарированные трупы. В углу за пишущей машинкой с деловым видом сидела моя недавняя спутница и под диктовку печатала заключение о вскрытии.

— Смотри внимательнее, — приятель прошел к дальнему столу и указал на то, что когда-то, совсем недавно, было молодым человеком.

— Тренирован, состояние организма идеальное. Но по пуле — в левом легком и затылке...

Я приблизился: грудина и живот трупа были аккуратно вскрыты, а все внутренности выложены на специальную подставку для исследования. Бросился в глаза обыкновенный кухонный половник, лежавший возле стока, — им, вероятно, отчерпывали из полостей скопившуюся кровь.

— Неплохой натюрмортик, — пробормотал я, не отрывая взгляда от нагромождения ярко-красного мяса. — Но... что у него с лицом?

— Что? Ах, черт, один момент, — Роньшин сдвинул срезанный скальп назад, и лицо покойника, до того безобразно сморщенное, приобрело более или менее нормальный вид. — Я же говорю: ранение в голову, делал трепанацию.

— Это не мой. А какие у вас есть еще?

8.

Отстраненно я наблюдал, как, лопаясь, оседает в запотевшем бокале пивная пена, а перед глазами чередой проходили искаженные лица покойников.

Никиты не оказалось среди тех, кого предъявляли мне в течение дня в сумрачных застенках моргов. Впрочем, я другого как-то не ждал: интуиция подсказывала, что в этой ситуации вряд ли стоит надеяться на простое решение.

Допив четвертый или пятый по счету бокал крепкого пива, я вставил в видеомэгаффон первую неозаглавленную кассету из квартиры Никиты.

По экрану телевизора медленно поползли титры какого-то фильма, мелькнула физиономия известной голливудской актрисы, судя по впечатляющим гримасам, изображающей очередную каратистку-мстительницу, и начала раскручиваться обычная зубодробительно-романтическая история...

Что же произошло около десяти дней назад в квартире № 63? Если допустить, что изворотливый парень унес ноги от греха подальше, то куда-то ведь он должен был приспособить свой “Мерседес”? Продали по доверенности в Москве? Вряд ли. Сплавил его пиковым на Кавказ? Уехал на нем сам? И кто тогда подсуетился запалить гараж? И почему, собственно, такие кровавые разборки начались вокруг? Или пропала большая сумма монет?..

Как я и предполагал, экранные похождения крутой красотки, взмахами своих стройных ножек и тонких ручек укладывавшей здоровенных мужиков пачками, довели меня почти до дремоты. Под занавес героиня взасос целовалась с каким-то смазливym фатоватым брюнетом, и по ее сияющим глазам было понятно, что все складывается хорошо, и теперь она готова вскинуть выше головы ухажера не одну тренированную ножку, а сразу обе.

Я нажал на кнопку ускоренного воспроизведения, жалея, что не сделал этого раньше. Но после нескольких секунд помех на экране вдруг появился изысканный полутемный интерьер, и, когда я поспешно вернул видеомаягнитофон в обычный режим, чей-то голос вполне буднично позвал: “Проходи, проходи дальше, направо!”

Камера миновала одну роскошно обставленную комнату, потом другую, поменьше. В третьей негромко играла томительная музыка, и девица, стоя на коленях и вертя голым задом, очень старательно облизывала возлежащего на канаве молодого человека. “Это искусница Натали, — продолжил насмешливо комментировать тот же голос. — Айда за мной в античные покои!”

Я с интересом разглядывал обстановку вертепа, благо относительно опытный оператор-любитель показал общий план помещения: под старину изготовленная изящная мебель; на высоких окнах ниспадающие складками шелковые портьеры, отороченные оборками; зеленые штофные обои; на одной из стен холст в золоченой раме типа “Олимпии” Мане.

Слегка покачиваясь, камера последовала дальше, туда, откуда доносился возбужденный гомон большой веселящейся компании. Через несколько шагов навстречу забрезжил рассеянный свет, и двое парней оказались в просторном зале с расписанным фресками потолком, подпираемым массивными дорическими колоннами. На подушках вокруг кушаний и вин, расставленных на циновках прямо на полу, в самых непринужденных позах располагалось с десятков обернутых в белоснежные одеяния мужчин и женщин. Появление видеокамеры было встречено с неподдельным восторгом. Некоторые дамы как бы даже невзначай приоткрыли свои прелести. Ну, как тебе? — не удержался от вопроса веселый гид. — Класс?” Оператор в ответ едва не захлебнулся от восторга: “Класс!!!”

— Ребята, вы очень вовремя пришли, — раздался голос из-за “стола”. — Сейчас будет сногшибательный

стриптиз. А пока, Гена, зафиксируй нашу трапезу поподробнее...

Объектив тотчас запечатлел крупным планом улыбающиеся лица, фигурные бутылки “Смирновской”, каких-то импортных коньяков и вин, чаши с фруктами, розетки с икрой, овальные блюда с белорыбицей.

— А что Терехов от вас отделился? — спросил снимающий Гена. Млеет там на диванчике под юрким язычком красоти.

— Под юрким язычком? Ха-ха! Это он разругался со своей шалавой в прах, вот и решил снять стресс.

— И почему мужиков так тянет к профессионалкам? — задумчиво, нараспев произнесла одна из дам не очень трезвым голосом. Выговор у нее был явно южнорусским.

Внимание Гены немедленно обратилось к ней, и на экране появилась та смуглая светловолосая особа, которую я сразу подсознательно выделил из женской части компании. Она лежала, опираясь локотком на атласную подушку, грациозно скрестив полуобнаженные стройные ноги, и держала в изящных пальчиках бокал красного вина.

— Я спрашиваю, почему вас всех так манят к себе продажные девки? А, Никита?..

Я встрепенулся. Что? Какое имя она назвала? Я не слышался?

Действительно, находившийся рядом с девицей кавалер очень смахивал на Никиту, только я не скоро узнал бы его при таком слабом освещении, при игре света и тени.

Парень вздрогнул, с бессмысленной пьяной улыбкой уставился на подругу.

— Что, Ириша?.. Девки?.. П-продажные?.. А ч-чем т-ты от них от-тличаешься?..

Реакции на этот джентльменский вопрос я, к сожалению, не увидел, так как под сводами внезапно раздалась громкие удары бубнов, вступили струнные, и объектив перескочил на пятерых гибких танцовщиц в газовых туниках,

ритмично переступавших босыми ногами. Вначале они двигались синхронно, но по мере того, как архаичная мелодия все убыстрялась и убыстрялась, стриптизерши принялись кружиться, извиваться, вертеть бедрами, а одна из них, выделявшаяся высокой замысловатой прической и розовым одеянием, оказавшись в центре круга, в вихре огненного танца вдруг выскользнула из прозрачной материи...

Я с трудом оторвался от телевизора: на тумбочке приглушенно клекотал, заливался телефон.

— Ты как всегда не очень-то поспешаешь, — голос Марианны был чересчур ироничен и потому сразу выдавал обиду.

— Здравствуй, милая. Извини, что не позвонил.

Наступила пауза.

— Еще что скажешь?

Мне стало совестно. А в такие моменты нужно немедленно брать инициативу в свои руки.

— Опять я кругом виноват, каюсь. Видно, не очень кстати подвернулась эта работенка.

— Бедненькие мы, бедненькие! Все в делах и заботах. Может, приехать, погладить тебя по головке?

— По головке? Хм. Вообще-то, было бы нелишне.

— Ах, вот оно что! Значит, как выполнить свое обещание и сделать женщине приятное, у нас времени нет?

Я вздохнул.

— Нет.

— А как завлечь женщину в гости...

— И, заметь, тоже сделать ей приятное...

— ...у нас время есть?

— Выкроим.

Марианна усмехнулась.

— Тогда уговорил. Тогда еду.

— Вот и хорошо, вот и чудненько. Только лови такси, обязательно такси, а не частника! Адрес ты знаешь.

Я вернулся к видеозаписи.

Все стриптизерши уже полностью избавились от одежды, и двигались, легкие, грациозные, в бешеном ритме какого-то фантастического, ни разу мною не виданного полудикого, но необыкновенно захватывающего танца. В рассеянном свете их тела чудесным образом искрились, как будто были осыпаны мелкими серебристыми блестками. Та, что находилась постоянно на переднем плане, обладательница диковинной прически, одним неуловимым движением распустила свои длинные вьющиеся локоны и превратилась вдруг в простоволосую наяду, завлекающую утомленного путника в чашу, к целительному источнику. Широко расставив ноги, притоптывая пятками и поднимаясь на цыпочках, она, повинаясь ритму, изгибала стан так, что конусы груди вздымались вверх, потом распрямлялась и зовуще протягивала руки к зрителям...

— Вот это мастерица! — слышались восхищенные реплики от “стола”.

Камера ненароком съехала в сторону, и я увидел, что некоторые пары слились уже в продолжительном поцелуе — благо трапезничали в полулежачем положении. На одной из девиц мелькнули поспешно стаскиваемые черные полупрозрачные трусики с алыми сердечками. Никита нетвердой рукой пытался закинуть ногу сопротивлявшейся партнерши себе на бок...

В дверь позвонили, и, выключив телевизор, я пошел открывать.

На пороге стояла, улыбаясь, Марианна.

— Не ждал так скоро?

Вместо ответа я крепко обхватил ее за талию и впился в мягкие пахнущие зимней свежестью губы.

9.

Весьма и весьма занятыми оказались похождения довольных жизнью, не в меру раскрепощенных молодых людей по значным местам столицы и ее ближайших

окрестностей. Помимо гулянки в “Чудесах света”, “развлекательном центре” с интерьерами разных стран и эпох, с костюмированным стриптизом и изысканной гастрономией, на касетах были запечатлены бурные застолья в “Планете Голливуд”, “Царской охоте” и “Боярском дворе”, выезд в загородный дом.

Все записи датировались августом-сентябрем текущего года, то есть были, что называется, еще “горячими”.

Из многочисленных словесных пикировок, часто хмельных и откровенных, отдельных обращений и реплик я уже знал, как кого зовут и какое место имярек занимает в сплоченной компании. Никита вел себя непринужденно, раскованно, вольно. Видел я и Гену, и Терехова, пару раз мелькала “искусница” Натали. А главное, подробно рассмотрел “смазливую стержочку” Иру. Кроме того, что она действительно была хороша собой (хотя и не совсем в моем вкусе), фигуре, ее рельефным формам — в особенности редкому сочетанию тонкой талии, налитых бедер и пышного бюста — могли бы позавидовать и иные популярные фотомодели со страниц мужских журналов.

Прекрасно чувствуя силу собственного “обаяния”, она и подавала себя соответствующим образом: стреляла глазками по сторонам, кокетничала со всеми напрапую; тут и там посреди гомона и веселья слышался ее гортанный блудливый смешок, изрядно гэкающий малороссийский говор. Давешняя неосторожная фраза пьяньего Никиты, явно сорвавшаяся с языка против воли, дорого ему стоила. Мало того, что воспламененному стриптизом кавалеру не досталось сладких ласк возле “стола”, но и долго после этого гарна дивчина демонстрировала все признаки отчуждения.

Впрочем, Никита тоже, видимо, был не лыком шит: черные кружевные трусы с сердечками, обнаруженные в широкой кровати однокомнатной квартиры все-таки были надеты на этом празднестве на другую попку.

Марианна, вместе со мной внимательно следившая за порой весьма острыми коллизиями разгульного досуга, довольно долго никак не выказывала своего отношения. Только когда в ворота загородного дома вкатилась вереница подержанных и новых иномарок, она подала первую реплику:

— Люди ни в чем себе не отказывают!

Я согласился:

— Да, живут красиво. Но беспокожно: вынуждены платить за удасть очень большую цену.

Девушка вскинула брови:

— Естественно, все это стоит немалых денег.

— Ты не поняла, я не о презренном металле; они постоянно рискуют шкурой. Жизнью то есть...

— Жизнью?!

— Да, представь себе.

Она с сомнением покачала головой.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь.

— Нисколько. Ты обратила внимание на высокого импозантного молодого человека, возле которого постоянно вертится фигуристая белокурая хохлушка, его пассия?

— Конечно.

— Так вот, он пропал чуть больше недели назад.

— Как это пропал?

— Просто исчез. То ли сбежал куда, то ли его убрали.

— Ты хочешь сказать, уб... — она запнулась, — убили?

— Вполне возможно, и так.

— Что же он такого сделал?

— Милая, кто знает? Всякое может быть: просрочил долги, потрудились недруги или свои же, кому это выгодно. Кто доподлинно знает?

— Кошмар!

— Вот именно. Поэтому у всех этих с виду раскованных ребят покой в душе бывает относительно редко, поверь мне. CARPE DIEM, MEMENTO MORI.

— Что это?

— Остатки моей латыни. В вольном переводе: “Наслаждаясь жизнью, помни о смерти”.

Марианна поежилась, как будто ей вдруг стало холодно.

— Но мы с тобой отвлеклись от... приятного во всех отношениях вечера в подмосковном доме.

— Да! — она встрепенулась. — А тебя-то это все с какой стороны задевает? Какое имеет к тебе отношение?

— Так я же разыскиваю сейчас пропавшего парня. Никитой его звать, — просто ответил я.

— Разыскиваешь? Значит, ты...

Я улыбнулся.

— Значит, я — частный детектив.

— Но это... Наверное, это опасно?

— Бывает по-разному.

— Что же тебя заставило заняться такой профессией?

— Не знаю. Может, характер? Ведь я по натуре “адреналинщик”. Срочную служил в армейском спецназе. Потом поступил на юридический и по окончании попал в городскую прокуратуру. Потрудился следователем; уволился по собственному желанию. Теперь уже скоро два года, как на вольных хлебах...

Марианна помолчала, потупив глаза. Потом как-то по-другому взглянула на меня.

— Сказать честно, я многое передумала в отношении тебя. Но чтобы следователем, детективом... Хотя что-то такое в тебе есть. Ты с самого начала производишь впечатление очень сильного, уверенного в себе человека.

— Да?

— Да. И это притягивает.

— Почему же ты не отреагировала сразу, когда я начал подбивать к тебе клинья?

— Ну, знаешь, так быстро ничего не бывает. У девушки тоже гордость должна быть!

— Что ты говоришь!

— А ты что хотел? Поманил пальцем — и готово дело?

— Именно так, — я засмеялся.

— Плохо же ты думаешь о женщинах!

Я залепил поцелуем негодующе искривленный изящный ротик. Марианна попыталась вывернуться, но не тут-то было. Через несколько секунд, сдавшись, совершенно другим, тихим голосом она промолвила:

— А ведь я сама себе удивляюсь, Игорь. Отправилась на край света с человеком, которого едва знала. И сейчас, в эти два дня, места себе не нахожу... А ты все со своей срочной работой...

Я бережно взял в ладони ее лицо.

— Что же делать, милая, нужно деньги на жизнь и на любовь зарабатывать.

Ее наполненные беспокойством прозрачные серые глаза были совсем близко.

— Мне отчего-то немного не по себе, Игорь.

— Отчего?

— Но ведь ты тоже рискуешь, разузнавая, куда мог запропасться этот парень? Разве не так?

— Пока нет.

— Почему?

— Я делаю дело тихо и незаметно.

— А потом?

— И потом, надеюсь, не будет никаких неожиданностей, никакого форсмажора.

Марианна положила голову мне на плечо.

— Я хочу быть с тобой.

Я погладил ее по волосам.

— Я тоже. Но пока к этому есть некоторые досадные препятствия.

— Какие? Ты уже не зовешь меня к себе?

— Дело не в этом. Просто, боюсь, в ближайшие дни у меня не окажется свободного времени: разыскивать парня нужно по горячим следам.

— Ну и что! Я и не требую повышенного внимания к своей персоне. Просто хочу быть рядом...

10.

Как с наибольшей отдачей использовать уходящее время в ситуации, когда отработка коротких связей Никиты, требующая очень взвешенного подхода, еще не начата, а для других изысканий пока не хватает исходных данных (Ангелина Степановна по-прежнему не может помочь; эксперты же обещают результаты по изъятой из квартиры мелочовке только в понедельник)? Разумеется, заниматься периферийными фигурами. Например, “искусницей” для общего пользования Натали.

Конечно, трудно было ожидать, что пару раз появившаяся на экране в развеселой компании девица обладает некоей, говоря современным языком, эксклюзивной информацией. Но, с другой стороны, вращаясь в неформальной обстановке разудалых вечеринок, она вполне могла подметить кое-какие частности, услышать обрывки разговоров, не предназначенных для широкой публики, — короче, все же стать для меня (при определенном подходе) источником дополнительных сведений.

Поэтому, пообщавшись поздним вечером с Марианной и едва уговорив ее ехать домой (с клятвенными заверениями устроить в выходные ударный поход по значным местам), я, не откладывая дел в долгий ящик, отправился напрямик к “чудесам Светы”.

Узнать адресок этого “богоугодного” заведения не составило особого труда — оказывается, оно широко рекламировалось в узких кругах — и один-единственный звонок снял проблему.

Я ехал на заднем сиденье случайно остановленной на улице фасонистой “Хонды” (иномарка нужна была для презентабельности) по стремительно пустевшим московским магистралям и ворочал в голове все ту же неотвязную думу.

Как получилось, что в тщательно зачищенной от следов квартире, где не отыскалось даже ни одной плохонькой фотографии, могли остаться в неприкосновенности такие иллюстративные видеозаписи? Означало ли это, что заинтересованные в сокрытии любых вещдоков и улики лица были не осведомлены о кассетах? И, соответственно, не входили в ближайшее окружение исчезнувшей пары?

Также отсюда следовал однозначный вывод, что окончательный марафет в доме наводил отнюдь не сам хозяин. Но тогда кто? Подружка? И еще маячил вопрос, зачем понадобилось забирать фотоснимки, личные документы и все без исключения бумаги с образцами почерков, если большую часть такого рода информации легко восстановить из других источников? Дефицит времени? Хватали все, что попадется под руку?

А скомканные трусы с чужой попкой в постели? Или в последние дни Никита открыто жил с другой? Или девушки имели одинаковый набор нижнего белья?

Эх, если б возможно было побеседовать с Ангелиной Степановной! Порасспрашивать мать о характере сына, о его взаимоотношениях с людьми — глядишь, и приоткрылась бы какая-нибудь щелка. Ведь всякий человек скроен по-своему, имеет преобладающие черты личности и, естественно, критические пункты в общении с окружающими, которые при определенных обстоятельствах способны спровоцировать новый или крайне обострить старый конфликт. У одних это неумная амбициозность, безудержное стремление к лидерству, желание властвовать и подавлять; у других — алчность, завистливость, жадность, неразборчивость в средствах достижения цели и так далее. Эти бы знания да наложить на

текущую ситуацию! Но нет: придется пока ждать и довольствоваться посторонними темами...

Я велел водителю остановиться в обычном дворе, со всех сторон обставленном ничем не примечательными панельными хрущевками, в глубине которого, ближе к окраине небольшого городского парка, чудом сохранилось старинное двухэтажное здание, вовремя отреставрированное хваткими руками и превращенное в сияющий чертог плотских утех. По периметру оно было обнесено высокой металлической оградой, над входом и по углам стен на кронштейнах висели видеокамеры.

Внешне все выглядело очень пристойно: окна завешены плотной драпировкой, изнутри не доносится ни звука — ни дать ни взять офис какой-нибудь респектабельной компании, затихший по причине позднего часа. Лишь несколько штришков отличали эту воображаемую образцовую картинку от действительности: на фасаде отсутствовала вывеска; тесная парковочная площадка была занята двумя еще не успевшими заиндеветь джипами и несколькими иномарками представительского класса.

Намеренно выдержав небольшую паузу, водитель по моему сигналу трижды мигнул фарами, и дистанционно управляемые ворота тотчас начали медленно отворяться...

Через полминуты, сопровождаемый амбалом-охранником, я уже входил в просторный со вкусом обставленный холл. Там меня встретила строго одетая молодая женщина, как видно, администратор заведения (незадолго до этого принимавшая заказ по телефону и слегка удивившаяся желанию клиента приехать за девицей самолично), с приятной улыбкой предложила присесть в кресло и чуть-чуть подождать.

— Натали сейчас спустится, — и через секунду, еще более обворожительно улыбнувшись и интимно понизив голос, сочла нужным дополнить: — Эту девушку очень хвалят. Уверена, вы получите ни с чем не сравнимое удовольствие.

Я согласно кивнул, прибавил ей купюру за радужные посулы и опустился в просторное кожаное кресло со свежим номером “Хастлера”. Однако я не успел пролистать и трети глянцевого журнала, как из бокового коридора вышла, стуча высокими каблуками модных сапог, сногшибательная красотка лет двадцати двух и вопросительно глянула сначала на администраторшу, потом на меня.

Честно сказать, я не сразу узнал в этой расфуфыренной фее Натали, которую видел на пленках в неглиже в вольных позах в основном со спины и только изредка средним планом в профиль. Конечно, выигрышная разница между бледноватой экранной копией и весьма ярким оригиналом очень меня вдохновила. Я быстренько попрощался с источавшей крайнюю любезность мадам распорядительницей и, схватив прелестное создание за талию, покинул “чудесный” особняк.

Несложно угадать реакцию владельца “Хонды”, надо полагать, случайно оказавшегося в роли извозчика, когда по моем возвращении с умопомрачительной спутницей он сообразил, к какого рода “офису” мы подъехали. Впрочем, в его мимолетной скабрёзной ухмылке промелькнуло явное одобрение.

Все это, однако, я отметил про себя чисто машинально, думая уже о ближайшей перспективе приватной беседы с платной красоткой.

Я немедленно предложил скромно сидевшей в углу Натали пачку легкого “Данхилла” и по тому, как она плавно взяла сигарету, по заблестевшим в полумраке от вспышки зажигалки глазам, по едва обозначившейся улыбке понял, что девица относится к не очень распространенному типу профессионалок, которые делают свою работу с удовольствием, не останавливаются ни перед чем, ублажая клиента, и чувствуют себя комфортно в любых ситуациях. Что ж, это мне было только на руку.

Через несколько кварталов я остановил “Хонду”, чтобы сменить машину: все-таки когда люди знают меньше, на душе гораздо спокойнее.

Пока мы стояли на обледенелом тротуаре и ждали очередного водилу, желающего заработать извозом, я взял девушку под локоть и возможно более проникновенным голосом пробормотал:

— Я очень о тебе слышан, Натали.

Не оборачиваясь ко мне, глядя куда-то вбок, она тихо улыбнулась — ей было приятно. Черт возьми, и у этих есть профессиональная гордость!

В следующее авто, скромненькую “шестерочку”, мы садились уже как обычная молодая пара, и тучный мужик неопределенных лет, едва помещавшийся за рулем, именно так нас, надеюсь, и воспринял. Ну и что с того, что пассажиры едва перекинулись между собой двумя-тремя фразами?

Около полуночи мы наконец добрались до логова, где я намеревался вплотную заняться искусной девочкой. Это была неплохо обставленная съемная однокомнатная квартира в Тушине, которую я специально подобрал для схожих с нынешней нестандартных ситуаций...

Пламя свечей чуть подрагивало, и на стенах позади кресел двигались причудливые тени; шампанское пенилось в бокалах; тихая блюзовая мелодия плыла по комнате. Передо мной в раскованной позе сидела совершенно обнаженная Натали, и с каждой минутой все большее недоумение угадывалось в ее глазах.

— Ты изумительная девочка. Но я сейчас что-то не в настроении... Давай поболтаем о чем-нибудь? — прихлебывая золотистое вино, я нарушил несколько затянувшееся молчание.

Натали пожалала плечами.

— Как хочешь, — и мягко скрестила бедра.

— Грущу я, понимаешь, по океанскому прибою, по настоящим шотландским виски, по гибким мулаткам...

Она едва заметно усмехнулась.

— Тогда тебе нужно было брать негритоску в нашем уважаемом заведении.

— А у вас есть?

— Конечно. И побледнее, и потемнее — на любой вкус. И стоят не дороже.

— Да суть-то совсем не в цвете кожи и не в цене. Твои прелести, например, вряд ли затмит какая-нибудь более или менее смуглая обезьяна, — я потянулся, погладил великолепные шелковистые ляжки и знаком, довольно небрежно, показал, чтобы девица приняла прежнюю привлекающую позу. — Там была особая атмосфера, понимаешь...

Натали с готовностью кивнула головой.

— Понимаю. Трах на пляже? Карибы?

— Почти угадала: Сейшелы.

— О-о, тебе везет! Загар у тебя классный. Вот что значит заниматься сексом на свежем воздухе!

— Ты бы тоже очень выиграла, если б слетала в теплые края на зиму глядя.

— Может быть. Только кто меня отпустит?

— Но ведь ты, насколько я слышан, у хозяйки на хорошем счету. Да и клиенты о тебе скоро саги будут слагать...

— Ха-ха, саги! Ну и что с того? Наоборот заставляют вкалывать без прорыва, только поворачивайся!

— Так охмури какого-нибудь богатенького папашку и рвани с ним...

— Легко сказать.

— Не спорю, это дело тонкое. Впрочем, я как-то видел один дилетантски слепленный фильм, в котором на фоне разудалой вечеринки ты раскручивала прикинутого молодого парня в неплохом домике за городом. Он вроде бы даже слегка запал на тебя, таскал везде за собой, светился весь.

— Фильм? Домик за городом? Молодой парень? Ты о ком?

— Да о Терехе.

- А-а, об этом.
- Однако не шибко цепкая у тебя память.
- А что мне о нем вспоминать?
- Не знаю... Вообще-то ходили слухи, что он горел желанием забрать тебя из бардака.
- А ты почему в курсе? Ты что из его полоумной компании?
- Почти.
- Я что-то не пойму, ты меня сюда на беседу что ли привез?
- А ты предпочитаешь в очередной раз заняться поревом? Чтобы я натолкал тебе тройку-четверку палок во все дыхательные и пихательные?
- Натали, не отрывая вдруг от меня потемневшего взгляда, подняла с пола юбку и прикрыла прелести.
- Ничего я не предпочитаю. Делай свое дело, и я поеду.
- Ну уж нет, извини. Я забашлял за всю ночь, а будем мы трахаться или вслух сказки Андерсена читать — мои личные эгоистические предпочтения.
- Может быть, и зря я так круто переменял тон. Девушка побледнела, судорожно выхватила из пачки сигарету и попыталась прикурить. Я, видя, как мелко дрожат изящные ручки, поднес свою зажигалку к ее лицу — сначала к подбородку, потом к кончику сигареты.
- Не бойся, я не маньяк. Менял машины и путал следы не для того, чтобы завести тебя к себе в берлогу и разделать в ванной, — я глотнул еще вина, — а потом заспиртовать лобок в банке из-под маринованных огурцов, поставить на полку с надписью “Вагина многострадальная” и любоваться при всяком удобном и неудобном случае.
- В иные моменты слова бывают страшнее зуботычины. Эта безобидная в общем-то фраза с претензией на юмор (определенного, правда, свойства) произвела на прелестницу парализующее действие: она вся сжалась, немой крик застрял в

горле, глаза остановились. Поняв, что слегка перебираю, я рассмеялся раскованно и беззлобно.

— Ладно, не бери в голову, бери, сама знаешь куда. Считай, что я пошутил... Впрочем, у меня действительно есть к тебе несколько вопросов.

Натали наконец пошевелилась, вяло стряхнула длинный стерженок пепла с тлеющей сигареты.

— Буду с тобой откровенным. Один из этой, как ты выражаешься, полоумной компании свалил неизвестно куда. И вместе с ним сплыло нечто важное. Поэтому его нужно найти. Живым илидохлым. Большую часть похощдений и связей я знаю, но мне нужны частности, мелочи, нюансы: авось, где-нибудь кончик проклюнется. Доезжаешь?

Девушка быстро приходила в себя.

— Я так понимаю, можно одеться?

— Валяй.

Она неспешно натянула трусики, колготки, надела юбку. Застегивая блузку, усмехнувшись, спросила через плечо:

— А если я ничего не буду говорить?

Вот так! Не нужно было идти в откат: профессионалкам палец в рот не клади — они не единожды пробовали и чего потолще!

Я откинулся в кресле и абсолютно бесцветным, ровным голосом сообщил:

— Тогда мне забот меньше. Волью в твое милое горлышко полбутылки водки, отвезу в гаражи. А там, представляешь, сколько народу в пятницу гужется? Несмотря на темную декабрьскую ночь? И все загашенные и голодные до молодых длинноногих раскованных телок... Кстати, летом одну лярву пропустили через строй стоячих елдаков, напоили и в полураслабухе отправили восвояси, а она, бедная, возьми и наткнись на стаю бродячих собак... Дальше можешь дофантазировать сама.

Я задрал голову к потолку, безучастно следя за плавно расплывавшимися кольцами дыма, а когда вновь посмотрел на

красавицу, то увидел сопли и слюни, стекавшие в изящную ладошку из соответствующих отверстий. Она, сколько могла, сдерживалась, потом громко, со стоном всхлипнула.

— Ой, ну почему я такая невезучая!

— Потому что ты сама выбрала себе эту погань. По мне, так лучше махать половой тряпкой, чистить обделанные общественные сортиры, чем валяться подстилкой под всякой мразью, у которой на лопатнике¹ есть лавэ². Но лирику в сторону! Я жду конкретные детали. И постарайся, ненаглядная, вспомнить как можно больше!

11.

— Слава, достань, пожалуйста, из буфета бутылку рижского бальзама. Вы ведь, молодой человек, не откажетесь от такого добавления в чай?

— Очень вам благодарен, не откажусь.

— И совершенно правильно сделаете!

Я сидел за круглым старомодным кухонным столом у соседей Никиты и думал, как направить диалог в нужное русло.

Мы успели уже бегло обсудить многие тернии частнорозыскной деятельности, превратности погоды, перспективы нового правительства, рост цен, а подробности жизни молодой пары за бетонной стеной оставались для меня такими же непроясненными.

Вячеслав и Клавдия (так просто они назвали себя), супружеская пара чуть старше средних лет, потчевавшая меня великолепным английским чаем, оказалась на редкость словоохотливой, и я не мог не отдать дань вежливости, до поры до времени жертвуя главной темой разговора.

— Клавдия, скажите, на ваш взгляд, какие отношения складывались между молодыми людьми? Безоблачные? Или, может, бывали осложнения?

---

¹ Лопатник (угол.) – бумажник.

² Лавэ (угол.) – деньги.

— Ну уж, что не безоблачные, это точно! Норовистая Никите попалась девка. Она же родом откуда-то с Украины... Первые несколько месяцев, правда, характер свой не показывала: видели мы ее всегда улыбчивой, глаза светились, льнула к парню. Потом у них начались разлады, пошли скандалы, через стенку мат-перемат, чуть ли не рукопашная...

— По времени как все это происходило?

— Дайте-ка вспомнить. Познакомились они вроде бы к февральскому празднику... Да, да, тогда я ее впервые увидела возле Никитино “Мерседеса”. На женский праздник она с огромной охапкой французских темно-пурпуровых роз, сияющая, вплывала в подъезд. А где-то уже осенью, точнее в октябре, девица начала закатывать сцены.

— Я так понял, слышимость у вас отличная, не надо даже напрягать слух. Не долетали ли до вас какие-то конкретные детали? Из-за чего были скандалы?

— А что за причина может быть при нынешней-то жизни? Причина одна.

— Деньги?

— Естественно. Судя по выкрикам — она Никиту постоянно упрекала — у того что-то не клеилось с делами...

— А кстати, что за занятие у вашего молодого соседа?

— Как будто торгует чем-то, перепродает. Да сейчас, по-моему, все этим занимаются.

— Ну, наверное, не все. А определеннее сказать не можете?

— Откуда же я знаю?

— Хорошо. Подруга постоянно упрекала Никиту. Как именно? Какими словами?

— Да по-всякому. В последнее время чаще нецензурно. В том смысле, что он никчемный мужик, что по всем статьям обделался. Понимаете... Парню вообще не везет с подругами. Муж не даст соврать, до этой цацы у него была Инга. Вот, я вам доложу, экземпляр! Конь с яйцами!

— А с ней Никита почему расстался?

— Кто с кем расстался, еще вопрос. Вы спрашиваете почему? Деньги. У соседа и около года назад возникали какие-то трудности.

— Но девки-то к нему липнут, — вступил в разговор долго молчавший супруг. — Парень из себя хоть куда, опять же владеет “Мерседесом”. Не так давно я видел его с новой девахой, на этот раз черненькой.

— Когда? Что ж ты мне не сказал? — встрепелась заинтересованная Клавдия.

— А в позапрошлом воскресенье. Вышел с ней из машины, перебросились двумя словами, чему-то заулыбались и пошли к подъезду.

— Это за два дня до исчезновения?

— Да, наверное. А вечером того же дня я слышал, как хлопали задвигаемые ящики и долгое время шумел в туалете сливной бачок... Так может, с ней он и убежал?

12.

— Милый, ни фига не получается? — топнула ножкой Марианна и перевела блестящие, рассерженные глаза на меня.

Табло игрового автомата с каждым разом неумолимо высвечивало все меньшую цифру.

— Вспомни, здесь не нужно ровно никакого умения, — я передвинулся поближе к кнопке управления. — Просто расслабься и подчиняйся своим внутренним импульсам.

— Чему??

— Внутренним импульсам, девушка. Это когда у тебя ни с того ни с сего вдруг екнет селезенка, побегут мурашки по спине и тому подобное... Вот! Смотри!

Я пару раз кряду быстро остановил вращающиеся барабаны и “однорукий бандит”, мелодично заурчав, добавил в накопитель энную сумму очков за выпавшие комбинации.

Марианна залилась серебристым смехом.

— Что-то я не слышала, чтобы у тебя екали внутренности “и тому подобное”... — она вплотную

приблизилась ко мне и, по-кошачьи зажмурившись, полезла теплой ладошкой за воротник рубашки. — А мурашки?

Я стиснул ее умопомрачительно тонкую талию, нежно шепнул на ухо:

— Мурашки только от твоих прикосновений...

Мы оба были веселы и слегка пьяны от вина и переполнявших нас эмоций. До казино мы хорошо посидели в “Ностальжи”: отведали радужной форели с шампиньонами под бокал-другой белого бургундского; прониклись завораживающими композициями джазовой банды. Если в начале вечера я никак не мог абстрагироваться от дел (во-первых, потихоньку переваривал информацию, полученную от Натали и соседей; во-вторых, не далее как днем в прачечной, расположенной совсем рядом с домом исчезнувшего парня, удалось подтвердить старую квитанцию и тем самым узнать фамилию и инициалы “смазливой стервочки”), и моя задумчивая физиономия неизбежно вызвала справедливое негодование подруги, то после очередных доз, принятых на грудь, цветные огни ярче засветили вокруг, рыдания саксофона обволокли душу, и под нарастающий шум вилок и ножей, под уже не совсем сдержанный говор посетителей я погрузился в благодатную атмосферу праздника.

— Подожди, мы опять попытаем счастья на рулетке.

— Обязательно! — горячо согласилась Марианна. — Я в нашей чудесной поездке и наиграться-то не успела!

Я ухмыльнулся.

— А ты, оказывается, натура увлекающаяся!

Некоторое время я боролся с железным монстром, но удача мало-помалу улетучивалась, и довольно скоро былые победы свелись к банальному округлому нулю.

Марианна чмокнула меня в губы.

— Ну и что! Зато нам везет в любви!

Дальнейший наш путь пролегал к бару — за добавкой. Именно тогда, проходя расслабленным шагом мимо игровых столов, я буквально физически почувствовал спиной чей-то

пристальный взгляд. Что такое? Стали нервишки ни к черту? Как ни в чем не бывало продолжая перебрасываться репликами с подругой, я первым достиг стойки и обернулся к спутнице, используя естественное движение для беглого осмотра обширного помещения. Все вроде были при деле: кто ждал нужную карту, кто, периодически прикладываясь к бокалу, следил за резвым костяным шариком. Что-то, однако, в окружающем интерьере мне уже не нравилось!

Галантно посадив Марианну на высокий стул, я взобрался на соседний, заказал по коктейлю и еще раз краем глаза окинул развлекающуюся толпу. Не тот ли? За отдаленным столиком крепко сбитый молодой человек в строгом костюме нет-нет да и поворачивал голову в нашу сторону, собирая в стопочку сданные крупье карты. И делал это, в общем-то открыто, не таясь. Теряясь в догадках, но все же кое-как умудряясь поддерживать разговор с Марианной, я дождался, когда он в очередной раз займется своим драгоценным раскладом, и постарался попристальней его разглядеть...

Подруга мягко коснулась ладонью моей щеки, заглянула с интересом в глаза.

— Что там любопытного?

— Да так, померещилось, наверное.

— Нет, признавайся! Какая-нибудь размалеванная кукла постреливает глазками в твою сторону?

— Извини, я ненадолго отлучусь, — я вскочил со стула, заметив, что парень отбросил карты и поднялся со своего места. — Надо кое в чем удостовериться.

Я догнал его уже возле самого выхода в фойе, тихо выдохнул в затылок:

— Демон? Вовчик?

Он стремительно повернулся, расплылся в широкой улыбке, протянул руку.

— Игорь! А я сижу и раздумываю: ты или не ты?

— Ну, конечно, я.

— Ты изменился. Все-таки десять лет прошло...

- Ты тоже.
- Здорово, Петля, братишка!
- Здорово!

Мы крепко обнялись, похлопали, как водится, друг друга по спинам и, не сговариваясь, направились обратно к стойке.

— Я смотрю, ты отдыхаешь не один. Кто эта симпатичная девочка? Жена?

— Хорошая знакомая.

— Понятно! А я сегодня в гордом одиночестве... С фишкой вот не везет, собрался сваливать отсюда.

— Ты что?! Ночь только начинается!

На стуле возле Марианны уже крутился подвыпивший тип и с увлеченным видом вешал девушке лапшу на уши.

Я вежливо обратился к новоявленному ухажеру:

— Виноват, не имею чести знать...

Наверное, на моей нарочито слащавой физиономии читалась еще какая-то посторонняя мысль, потому что клиент мгновенно оказался на ногах и довольно связно пробормотал:

— Извините! Пардон! Извините...

Однако я уже не обращал на него внимания.

— Вас, мадемуазель, и на минутку нельзя оставить — кавалеры вешаются гроздьями.

Марианна окинула нас с Вовчиком довольно холодным взглядом и молча отвернулась.

— Ну, брось дуться! Я же сказал, надо было кое в чем удостовериться. Видишь, привел братишку.

Подруга недоверчиво сдвинула брови.

— Брата?

Тут в диалог вмешался терпеливо топтавшийся рядом Володя.

— В былые времена вместе в рейды ходили, из общего котелка кашу рубали.

— Точно!

— Так вы армейский друг Игоря?

Я корректно повторился.

— Тебе толкуют, умница, — брат! Прошу любить и жаловать: Владимир, позывной, она же и кличка — “Демон”... Ну, ладно, сейчас мы выпьем за встречу, а после пойдём искать удачу на багровом сукне стола.

13.

Итоги этих коллективных поисков, увы, оказались весьма плачевными: к пяти часам утра я остался с пустыми карманами и дикой головной болью. Марианна тоже выглядела не лучшим образом. Удрученные, мы распрощались с Демоном и отправились ко мне домой. Однако, едва наскоро приняв душ, я забрался в постель и провалился было, как в омут, в мертвецкий сон, на тумбочке зазвонил телефон.

— О Господи! — простонала рядом Марианна.

— Ты до сих пор дрыхнешь, что ли? — это был, разумеется, Бахметьев.

Лежа под одеялом совершенно обессиленный, я промямлил в трубку:

— Вроде как. Стряслось что?

— Ничего, пока ничего. Просто хотел узнать, как у тебя идут дела.

— Дела идут, контора пишет, подробности письмом...

— Очень лаконично. И емко! Но слушай: завтра-послезавтра тетку уже переведут в общую палату, там можно будет ее разговорить...

— Хорошо, хорошо, Юра. Обсудим позже...

Не попрощавшись, я отключил телефон и накрылся одеялом с головой. В черепную коробку будто положили раскаленный булыжник, в ушах плескался малиновый звон. В душной черноте огромная серая птица, неистово хлопая крыльями, тяжело поднималась с добычей. Мгла набухла болью, изувеченные скелеты деревьев вопили о беде, простирая к небу корявые руки. Я приблизился к смутно светлеющим пятнам там, возле иссохших стволов, и увидел на

брезентовых носилках, рядом, подозрительно бугрившиеся тряпки. Они скрывали глаза тех, кто уже никогда ничего не увидит! Мучимый скорбью, я нагнулся, откинул край: на брезенте лежал Демон. “Земляк! Братишка! Брат!!!” — вопль разросся, заполнил собою все, растекаясь густой багровой массой, забил рот, провалился в глотку мягким комом — получился хрип...

— А? — я открыл глаза и увидел сияющее лицо Марианны.

— Что мучаешься? Опять ставки не в цвет? А вы с Демоном вчера здорово наклюкались!

Я перевел дух.

— Что ты хочешь: ударяли все по “Тигровому глазу” да вдогонку по “Б-52”.

— Сколько же денег ухлопали?

— Ох, лучше и не спрашивай!

Подруга, розовая, как наливное яблочко, легко соскочила с кровати и, напевая смутно знакомую мелодию, выпорхнула из комнаты.

— Ты не залеживайся, завтрак уже готов! — донесся с кухни ее веселый голос.

Что это за банальный мотивчик? Ти-та-та, та-та-ду-да? Бред какой-то! Сколько же монет, правда, вчера ухитрились просадить на столах?

Я разглядывал на противоположной стене картину с жизнерадостным летним пейзажем и пытался собраться с отнюдь не мажорными мыслями: любопытные новости, появившиеся за последние полтора дня, все еще были не оценены подобающим образом, не разложены по полочкам. Ведь взятая на испуг путана из “Чудес света” оказалась куда как наблюдательной — загвоздка состояла лишь в том, насколько следовало всему сказанному верить. А это, конечно, зависело в первую очередь от силы обиды на Тереха, ну и, в меньшей степени, от страха, который я пытался внушить девице все-таки словами, а не затрещинами.

В любом случае, ряд интригующих эпизодов почти не вызывал сомнений в подлинности. Например, очень острый разговор, произошедший не так давно практически на глазах у прелестницы в бильярдной “Планеты Голливуд”, — разговор между Терехом и людьми, весьма смахивающими на брата. Или мимолетная и как будто законспирированная ресторанный встреча Тереха с неким солидным багроволицым господином. Повела Натали также об очень неровных взаимоотношениях одной странной парочки: “Он такой видный и довольно воспитанный, да и при деньгах вроде, а она — красивая, ничего не скажу, но слишком уж прямолинейная, неотесанная какая-то, к тому же хохлушка”. (Речь здесь шла, безусловно, о моих сгинувших заочных знакомых Никите и Ирине.) Вообще же, все комментарии о периферийной девушке, прибывшей, “кажется, с Кривого Рога” (фраза с гримасой известного эстрадника) покорять столичный коммерческий люд, отличались крайней язвительностью. На уместный же мой намек о возможных выдающихся сексуальных качествах искусительницы Натали реагировала почти яростно:

— У нее что, больше дырок, чем у всех? Или глотка лужёной и глубже?..

Итак, Ирина Васильевна Гамак (удачная фамилия!) из Кривого Рога — уж, наверное, не могла прийти по вкусу чопорной матери продвинутого паренька Никиты... Где теперь искать эту сладкую парочку?

Или все же неожиданная информация соседей о третьей пассии заслуживала куда более пристального внимания?

— Ты что, опять заснул? — в спальню заглянула Марианна. — Завтрак горячий.

— Подожди, девочка, — я сладко потянулся. — Сначала я должен принять ванну, выпить...

— Чашечку кофе.

— Ага. А как ты догадалась?

Подруга соорудила гримаску.

— Где-то я это всё уже слышала.

— Да? Наверное. Хорошо, что с ранья не нужно мчаться ни к какому “шефу”.

— Конечно. А то пришлось бы отпаивать тебя, бедненького, шампанским, которое по утрам пьют только аристократы и дегенераты.

— Все-то ты знаешь! — я улучил момент и, схватив ее за рукав, повалил на кровать. — А вот что нужно похмельному мужику в первую очередь, до кофе, ванны и даже до завтрака, ни сном ни духом!

Марианна покорно разбросала руки по одеялу.

— А я думала, мой милый боец ни на что уже не годен после возлияний и крупного проигрыша!

— Наоборот, — я лихорадочно выпутывал ее из длинного махрового халата. — Реванш, пусть и не на игорном столе, а в койке, категорически обязателен!

14.

— Ну, что ж, есть кое-какие результаты по твоим мелочам, — встретил меня с утра флегматичной улыбкой эксперт. — Вот эти пальчики, снятые с коробок компакт-дисков, записок, банкнот, календарных листков, — он показал мне крупноформатные снимки, — разной давности — от трех недель до года — принадлежат нескольким людям, мужчинам и женщинам, и в картотеке, к сожалению, не числятся...

— Очень мило!

— погоди, не спеши комментировать, — мой знакомый слегка поморщился и протянул следующие фотографии. — Зато другие узорчики, выявленные на еще одном листке численника, оставлены около года назад неким Шакальским Андронимом Валериановичем — личностью, на уголовных скрижалях отметившейся.

— Ты уверен?

Эксперт развел руками.

— Обижаешь.

— Извини. Это все после вчерашнего: голова не успевает додумать, а язык уже мелет.

— Ничего, бывает. Понедельник — день тяжелый... Однако этим фактом, собственно говоря, и исчерпываются мои скромные открытия.

— Уже кое-что.

— Я тоже так считаю. Будет еще что-нибудь свеженькое — неси: всегда рады оказать посильную помощь.

— О'кей, — я положил в сложенную лодочкой ладонь несколько купюр. — Премного благодарен.

Следующий час с небольшим я посвятил беседе с другими специалистами своего дела и выяснил, что пуговицы и накладной ноготь, обнаруженные в разных местах квартиры, утеряны своими хозяевами в результате определенных воздействий со стороны, — возможно, в ходе скандала, сопровождавшегося возней; записки и номер телефона на полях ресторанный меню выведены одной и той же мужской рукой. Мне даже представили очень разумный вариант расшифровки загадочных букв и цифр.

М К П 13 12 96

96+8541 20

— После долгих размышлений и прикидок я все-таки пришел к выводу, что на клочке бумаги помечен адрес. Опять же запись сделана торопливо: буквы то ли прописные, то ли строчные, отсутствуют знаки препинания... Скажем, МКП — это Малый Купавинский проезд.

— Или Московско-Казанский переулок. А также Малый Козихинский, Каретный, Кисельный и так далее.

— Вот-вот! Тогда получается, что верхние цифры — это не что иное, как нумерация дома, этажа и квартиры.

— А нижние? Код?

— Точно. Код домофона, когда переговорное устройство в квартире не оборудовано и прибывшим со стороны для того, чтобы попасть в подъезд, нужно сначала набирать номер квартиры, потом давить на кнопку “ключ” (+) и

уже после всего добавлять собственно код — четырехзначное число.

— Хм. Очень похоже. Или этот прибывший не хочет светиться перед хозяевами, и докладывать по домовый связи о своем визите ему ни к чему... Тогда что означают последние цифры? Время, когда в определенный день можно гарантированно застать жильцов квартиры? Число месяца?

— Или просто час торопливо назначенной встречи? Кстати, в двенадцатизэтажке обычной планировки, при четырех квартирах на этаже, 96-я как раз оказывается во втором подъезде на последнем. Одно только смущает...

— Что серия верхних цифр вполне может означать дату, а буквы — чьи-то инициалы?

— Да.

— Но 96-й год давно прошел.

— Это тебе еще надо самому обмозговать...

Короче, во второй половине дня я был готов навестить старинного знакомого Никиту, координаты которого были у Бахметьева, уже имея на руках дополнительные наработки, позволявшие задавать более конкретные вопросы.

Этот парень знал Никиту еще с младых ногтей, вплоть до последних лет встречался с ним относительно регулярно, а значит, должен был иметь какую-то информацию о его образе жизни. Кроме того, - что являлось определяющим фактором в выборе собеседника из числа ближнего окружения, - он стоял в стороне от каких бы то ни было коммерческих идей или начинаний дружка и таким образом никак не мог осложнить мои дальнейшие поиски.

В проеме двери полутемного коридора обычной панельной пятиэтажки меня встретил худощавый молодой человек с бледным лицом и вялыми движениями.

— Проходите, — он махнул рукой куда-то вглубь квартиры. Голос у него оказался неожиданно низким.

Я зашел в просторную комнату, увидел на столе включенный компьютер, раскрытые книги, разложенные в беспорядке бумаги.

— Пытаюсь вот продраться сквозь дебри финансового права, — пояснил хозяин за моей спиной.

Мы уселись в пухлые кожаные кресла друг напротив друга, и я без предисловий приступил к делу.

— Ты ведь с Никитой дружишь с детства. Расскажи, как складывалась его жизнь, какие у него были планы в последнее время? А я по ходу попрошу уточнений, если потребуется.

— Признаться, я впервые сталкиваюсь с частным детективом. Вы на самом деле надеетесь в одиночку напасть на след Лиховцева? Хотя, как утверждают знавшие люди, суть большинства проблем лежит у поверхности, только копни...

— И правильно утверждают. Сдается мне, эти слова не так далеки от истины: часто лишь кажется, что окружающая жизнь разнообразна. На самом деле, при всей внешней пестроте она до смешного шаблонна и подчинена, в общем-то, простейшим инстинктам, нехитрым устремлениям. Сюжетов маловато, значит, можно попытаться что-то вычислить... Кроме того, за моими плечами немалый опыт разлуливания таких ситуаций, и работаю я не один – крепкие связи в определенных организациях помогают.

— Ну что ж, вам виднее. Я постараюсь полнее осветить проблему, хотя сразу оговорюсь: сдается мне, что Никита опять всех перемудрил и просто укатил куда-нибудь подальше.

— Почему ты так считаешь?

— Да он из хитрованов. Сколько его помню, Лиховцев никогда не вписывался в общие схемы. В школе занимался фарцой, шустрил с валютчиками. Тогда как раз пооткрывали первые кооперативы, малые и совместные предприятия, на улицах появились крутые тачки. Никита стал сам не свой, горел весь, твердил, что у него такая тоже будет. Но поначалу ничего у него не получалось. Нужен ведь какой-то стартовый капитал.

А где его взять? Пытался варить штаны (помните, были в моде аляпистые джинсы-варенки?), приторговывал видеокассетами на “Шубе” — у комиссионки неподалеку от метро “Шаболовская”. Но бешеного наvara это не давало: к тому времени первый сумасшедший бум начал спадать, конкуренция на рынке возросла, и больших бабок на записи-перезаписи кассет нельзя было уже сшибить. Да и прижали ему один раз хвост с порнухой, пришлось от ментов конкретно откупаться... Однако надо знать Никиту — сдаваться он не собирался. Прикинул, покумекал и переключился на автобизнес. В Южном порту тогда вовсю заправляли чечены, и одному богу известно, как ему удалось втиснуться в это дело.

Мы с ним встречались в ту пору почаще, и он мне всё жаловался на жизнь: дела трудно шли, в личном плане не совсем клеилось. Бабы ему попадались как на подбор — симпатичные и стервозные. Одну я узнал поближе, ту, что пару лет жила с ним до криворожской хохлушки. Цыпочка из себя ничего, стройная, но опять же не высший сорт: налитая задница, узкая талия — при ней; мордашка в иные моменты еще туда-сюда. Но верха маловато. А по мне, к слову, если у бабы сисек нет, то это не баба, будь хоть по внешности она сама Джина Лоллобриджида.

Крутила эта Инга Никитой, как ей вздумается. Уж не знаю, чем она его присушила. Только он сносил все ее выходки. Наступал, к примеру, очередной кризис с деньгами. Подруга сама не своя от злости, парень в отчаянии срывается в крик: “Ну, что мне с топором что ли на улицу выходить?!” А она яростно в ответ: “Выходи! Выходи!! Что ты у меня спрашиваешь?!” Или еще выдала классическую фразу: “Меня нужно хорошо кормить и хорошо одевать, и тогда я буду шелковая!”

Очень страдал Никита от нее, но, видно, любил, раз терпел. Около года назад случилась у него серьезная финансовая накладка. Он уже крутился на рынке стройматериалов. Подробностей не знаю — наверное, кто-то

кого-то подвел со сроками поставок, товар не продали, прибыль не получили, не вернули вовремя кредит, кредиторы взбеленились и пошло-поехало... Короче, Ингу эту распрекрасную с тех пор и не видели — сбежала!

— Интересно. И как же Никита сумел со всем этим справиться?

— Как-то сумел. Постепенно разрулил ситуацию в делах, даже с тех пор слегка приподнялся, “Опель” на трехсотый “Мерс” поменял. А на личном фронте ему почти сразу подвернулась Иришка. Правда, девка тоже не промах. Но, чего не отнять, появилась в нужный момент — парнишка подянку ту от своей милой красотули Инги переживал страшно.

— Где же Никита с Гамак познакомился?

— Говорил, что в “Планете Голливуд”. Она там в баре как будто потягивала коктейли.

— Одна? В компании?

— Этого не знаю, в подробности не очень посвящен.

— Однако ты только что сказал, будто Ирочка — не промах. Значит, какое-то мнение о ней все-таки сложилось?

— У Никиты в конце концов с ней появились те же проблемы, что и с предыдущей: спеси через край, амбиций выше головы, требований вагон.

— Видать, его тянуло к такому типу дам. Я много встречал ребят, которых хлебом не корми, а дай пообщаться со смазливymi стервами. Кровь, говорят, разгоняет...

— Может быть. Но, встречаясь с Гамак, даже уже переселив ее в свою квартиру, он по-прежнему тайком разыскивал Ингу, пытался узнать, где она, что она, с кем она...

— Вот как! Инга тоже приезжая? Без постоянного места жительства?

— Нет-нет. Она — москвичка. Просто довольно давно и очень крепко разругалась с предками и предпочитала кочевать по рукам, валяться по чужим постелям, нежели быть под чьим-то пристальным приглядом.

— Дстойное проявление характера! И что, Никите удалось ее разыскать?

— Да, перед самыми этими событиями, недели за три, он мне позвонил, хотя мы уже довольно давно не общались даже по телефону, и, ухмыляясь, сообщил, что вычислил голубков в их гнездышке. Назвал улицу. Где-то ближе к центру...

— А точнее не вспомнишь?

— Подождите-ка. Довольно смешное название... Какинская улица? Каковская?

— Наверное, Скаковая?

— Это возле Белорусского вокзала? Нет-нет.

— Может, Каковинский переулок? Точнее, Малый Каковинский.

— Вот это название, пожалуй, очень похоже. У меня в голове отложилось только, что словцо с неким м-м... фекальным оттенком.

— И что Никита еще в связи с этим говорил?

— Особенно-то он не распространялся. Похвастался, что вычислил лярву (его слово), и все. Да... Теперь всплывает в памяти, он грешил на какого-то Андрона, что тот перехватил-де его зазнобу.

— Андрона Шакальского?

— Не знаю. Наверное. Имя довольно редкое. Тип этот вроде бы одно время заходил к нему в гости. Человечек подкрученный, темноватый.

— Да? История получается хоть куда: тут и деловые неурядицы, и исчезновения, и испорченные личные отношения, и темные людишки. А ты в курсе, что в последние дни Никита приводил к себе еще одну девку?

— Нет. Мало ли шмар по московским улицам шляется?

— Если бы она была обычной шмарой... В том-то и штука, что девочка эта — из его постоянного окружения.

— Неужели? Это для меня новость.

— И еще к тебе вопрос: где, как ты думаешь, кроме “Планеты Голливуд”, можно поискать милую украиночку?

— Даже и не представляю. Мы ведь с Никитой все эти месяцы почти не общались.

15.

Ситуация с внезапным исчезновением Никиты как будто начинала поворачиваться новой, несколько неожиданной стороной. Но, что сразу не могло не настраивать на оптимистический лад, - некоторые концы во вновь открывающихся обстоятельствах и ранее мне известных все же сходились или, по крайней мере, вот-вот должны были сойтись: про Андрона Шакальского, числившегося в учетах дактилоскопической картотеки, я уже слышал от эксперта (и запросил подробную справку у Бахметьева); краткая записка из кармана пиджака Лиховцева с рядом цифр и буквами в самом деле могла означать торопливо помеченный адрес. Подтверждением или опровержением этого последнего пункта и следовало заняться безотлагательно.

Вернувшись домой, я тотчас включил компьютер и, используя соответствующую базу данных, просмотрел на мониторе все совпадающие по буквам адреса. Получалось, что в Московско-Казанском и в Малом Каковинском переулках существуют тринадцатые дома с квартирами под номером 96. Причем в дополнение к первому адресу был указан еще и телефон. Фамилии хозяев в обоих случаях были мне неизвестны, но это меня не смущало: уж если Никита так долго отыскивал следы изменницы, она наверняка проживала в арендованной квартире.

Я набрал добытый номер и очень скоро в трубке послышался приятный голос молодой женщины.

— Алло?

— Добрый вечер.

— Здравствуйте.

— Инга?

- Не-ет. Здесь таких нет.
- Простите. Мне дали ваш телефон.
- Но, говорю вам, у нас таких нет.
- Наверное, я неправильно записал номер... Но, может быть, Инга когда-то временно проживала по этому адресу?
- Нет, нет, молодой человек, никакой Инги здесь никогда и в помине не было, уверяю вас.
- Еще раз прошу извинить...

Итак, один вариант как будто бы исключался: пока у меня не было причин сомневаться в правдивости высказанных заверений (естественно менявшийся тон разговора, переливы тембра голоса незнакомки не вызывали подозрений, удивление было ненаигранным, речь - убедительной).

Хлопотнее было со вторым адресом, который куда больше интересовал меня. Отсутствие в базе данных телефонного номера означало, что квартира либо не телефонизирована (в чем я сильно сомневался), либо по просьбе самих владельцев на номер установлен флаг. В таком случае, конечно, его легко было бы добыть через Бахметьева. Но раньше следующего утра на это рассчитывать не приходилось, а значит, поездка в Малый Каковинский откладывалась, как минимум, на сутки...

Я призадумался. А что, собственно, менялось в положении вещей от знания или незнания какого-то там телефонного номера? И было ли от этого хуже? Допустим, я обладал бы нужной информацией, и что? Звонить и разговаривать? Но с кем? Кто снимет трубку? Инга, ее хахаль либо совершенно посторонний человек, если я ошибся в своих предположениях? Допустим, мне повезло и я попал бы на Ингу. Что ей говорить? Что пропал Никита Лиховцев, и хорошо бы за чашечкой кофе покалякать на данную тему? А если ей плевать, и имя это давно уже забыто, придет ли она в восторг от моего предложения или пошлет подальше? И потом: заранее предупреждая женщину о чем-либо, заведомо ей неприятном, с достаточной долей уверенности можно

предполагать, что через некоторое, совсем непродолжительное время она разложит как надо по полочкам всё, относящееся к теме, рассортирует негатив и позитив, что-то попросту задвинет в дальний уголок памяти, “не вспомнит”, — и тогда уже вовек не докопаться до нюансов, тех драгоценных проговорок, которые порой срываются с языка в спонтанной, неподготовленной беседе. Нет, лучше было ехать без звонка, без предуведомления — в любом случае от этого экспромта я ровным счетом ничего не терял...

Продолжая сидеть перед монитором, я достал из пачки очередную сигарету, поймал себя на мысли, что принятое решение тотчас отодвинуло на второй план все прочее, требовало немедленных энергичных действий.

Стрелки на настенных часах приближались к половине девятого — наступало самое выгодное время! К тому же в понедельник все обычно сидят дома...

Сзади неслышно подошла Марианна, горячая, уютная, благоухающая после цветочной ванны, мягко положила ладони мне на плечи.

— Ты бы не курил в комнате, Игорьь.

— А? Что? Да, да, это я машинально.

— Ты с кем-то сейчас говорил по телефону?

— Да, нужно было выяснить кое-что.

Марианна наклонилась и потерлась щекой о мою щеку.

— Надеюсь, ты уже закончил свои неотложные дела?

Я выключил компьютер, вздохнул, попытался отшутиться.

— Даже неловко тебе говорить. Мне нужно недалеко и ненадолго отъехать.

— Опять? Куда? Зачем? — она не принимала мой наигранно-фальшивый тон.

— Так складываются обстоятельства. А я, к сожалению, вынужден иногда им подчиняться.

Марианна смотрела на меня своими пронзительными серыми глазами. За секунду в них пронеслась целая буря чувств: недоумение, раздражение, растерянность, обида.

— Но я обещаю скоро вернуться!

Она никак не реагировала.

— Пойми, я многое должен успеть сделать за эти дни, если, конечно, хочу докопаться до сути.

Она отвернулась, а когда через секунду посмотрела на меня опять, взгляд ее выражал только беспокойство.

— А это не опасно, Игорь? Скажи, с тобой ничего не может случиться?

Я поспешил уверить ее в обратном.

— Нет, нет, мне просто необходимо кое с кем посоветоваться. Потом я сразу же прыгаю в машину и на полных парах мчусь к тебе в объятия.

Подруга заулыбалась.

— Хорошо, но слишком быстро не гони!

Выезжая с плохо освещенного двора в промозглый зимний вечер, я чувствовал легкие укоры совести: в самом ли деле проверку адреса нельзя было отложить на завтра? И сколько реально существовало шансов на то, что квартира окажется той самой, которая нужна, и, кроме того, что ее еще не покинули? Наверное, не так много. Стоило ли ради этого на ночь глядя покидать уютное гнездышко, нервировать впечатлительную девочку?

Очень скоро я выбрался на центральные улицы. Здесь, как всегда, бурно кипела жизнь – в разные стороны мчались лакированные иномарки, светились огненные вывески различных заведений; на панели стояли продажные девки; многочисленные рекламные щиты зазывали отдохнуть, выпить лучшей водки – и этот беспокойный фон должным образом действовал на нервы.

Я свернул со Смоленской площади направо, сделал еще один левый поворот и оказался, наконец, в переулке, название

которого вызвало у приятеля Никиты столь конкретные физиологические ассоциации.

Тринадцатый дом, как я и предполагал, был выстроен из светлого кирпича и представлял собой многоэтажку улучшенной планировки, которых в свое время много налепили среди старых особняков в историческом центре столицы для улады партийной номенклатуры. Но бывшая элита как-то вылиняла, а иные перекрасились и, найдя себя в бурном потоке новой жизни, перебрались в апартаменты попросторнее, - потому многие квартиры сдавались в аренду по повышенным ценам.

Я поставил машину поодаль, под заснеженными деревьями, мельком оглядел дом, ровные ряды частью застекленных освещенных или темных лоджий, и подошел к кодовой двери подъезда.

Наступал момент истины: если рассуждения специалиста по криптографии были верны, если к тому же компьютер выдал неискаженные данные, то стальной преграды передо мной, в принципе, не должно было существовать.

Бормоча себе под нос что-то вроде заклинания “сезам, откройся”, я быстро набрал серию цифр, и мелодичный писк домофона, означавший, что путь свободен, прозвучал в ушах райской музыкой.

Проверить почтовый ящик, который, кстати, оказался запертым и забитым до отказа рекламными газетами, и подняться на последний этаж было минутным делом. Я не соблюдал мер предосторожности — не присматривался, не прислушивался, так как визит в 96-ю квартиру при любых раскладах виделся мне в единственном числе. В самом деле, будет ли девица, какой бы покладистой она ни была, вновь и вновь делиться воспоминаниями о брошенном любовнике?

Рассеянно рассматривая узоры дерматина, имитирующие текстуру дерева и проговаривая про себя вступительный монолог (важно выбрать правильный тон), я уже тянулся к кнопке звонка, когда мой взгляд, обежав контур

двери, упал на бронзовую ручку. Вроде ручка была как ручка: изящно изогнутая, исполненная под старину. Но не понравилось мне овальное пятнышко, отчетливо темневшее у самого ее основания. Откуда взялась грязь на тщательно начищенной бронзе? Я достал миниатюрный фонарик-брелок и осветил пятно. Оно оказалось темно-бурого, почти черного цвета, с характерными для густой застывшей жидкости смазанными краями. Кровь! Причем изрядно подгнившая — семи-, а то и десятидневной давности. Между порогом и половиком чернело еще одно — круглое, с мелкими “ресничками” в разные стороны — след упавшей на пол капли.

Рука, тянувшаяся к звонку, остановилась на полпути. Что бы это все значило?

При пристальном осмотре выяснилось, что угол темного половика был изрядно закапан кровью. «Седая» бахрома на внутренней и боковой кромке свидетельствовала о том, что влажной тряпкой здесь не пользовались довольно давно — зимой в воздухе пыли мало.

Я почувствовал легкое покалывание в висках, кончики пальцев похолодели: на принятие решения отводились считанные секунды. Звонить в дверь было нельзя — могли услышать соседи. Да и квартира не подавала никаких явных признаков жизни. Уйти совсем? Пойти взглянуть на окна? А если в них света нет, что это меняет? Гробовая тишина внутри, засохшая кровь снаружи жилища, координаты которого лежали в кармане пиджака внезапно исчезнувшего (и разыскиваемого) человека — это ли была не ситуация, имевшая для меня на самом деле одно-единственное, хоть и рискованное продолжение?

Стараясь не производить ни малейшего шума — не скрипеть кафельной плиткой, не шуршать одеждой, — я на цыпочках прошел к соседской двери и залепил пластырем любопытный глазок. После этого все мое внимание переключилось на замки 96-й квартиры.

Натягивая резиновые перчатки, я внимательно осмотрел их и нашел не очень сложными: один сейфовый сувальдного типа, другой обычный цилиндровый — с такими мне уже не раз приходилось иметь дело. Проблема была не в том, что сейфовый замок имеет замысловатый ключ и соответствующее количество комбинаций. Знающему человеку нужно всего несколько хитрых отмычек, чтобы открыть это чудо техники. Загвоздка состояла в том, чтобы сделать это за достаточно короткий промежуток времени, тихо и к тому же в неудобных условиях, в некомфортной психологической обстановке — все-таки вскрывание дверей не являлось моей повседневной профессией...

С простым замком я справился за минуту, но был уже весь мокрый от напряжения: лестничная клетка вдруг ожила, внизу раздались голоса, кто-то вызвал лифт. В самой квартире по-прежнему было мертво. Наконец, фирменной отмычкой мне удалось обойти сувальды и повернуть один раз механизм более сложного замка, а спустя немного времени убрать засов вовсе. Поворотом ручки задвинув вертикальные и горизонтальные штыри, я со вздохом облегчения потянул дверь на себя и сразу же понял, что внутри меня все-таки ожидает неприятное зрелище.

Несмотря на то, что форточки в квартире были открыты (слегка потянуло сквозняком), в нос тотчас ударил сладковатый запах, от которого при недавнем посещении моргов у меня, по недостатку специфического опыта, перехватывало горло. Здесь он был пока слаб, ненавязчив, но уже витал в воздухе, - и уже предугадывалась скверная картина в финале.

Посреди большой комнаты на пушистом ковре в обнимку лежали два неподвижных обнаженных тела — мужчина и женщина. В люстре горела только одна неяркая лампочка, и смутные тени, затаившиеся по углам, придавали обстановке еще более мрачный вид. Хотя мрачнее было некуда.

Я на минуту оставил эту чудовищную парочку любовников, застывших в смертельном объятии: сначала

нужно было бегло осмотреть квартиру во избежание сюрпризов.

В спальне, также освещаемой одиноким ночником возле трюмо, все было перевернуто вверх дном. На постели со взбитым горбом одеялом и раскиданной одеждой чернели крупные пятна крови, подушки зияли распоротыми боками. На кухне порядка было гораздо больше — все находилось на своих местах, только в мойке стояла гора немытой посуды, густо облепленная еле шевелящимися тараканами; над плитой часто мигала немощная лампа дневного света.

Я заглянул также в ванную и туалет и, ничего особенного там не обнаружив, вернулся в мрачную гостиную.

Женщина лежала на спине, широко раскинув стройные длинные ноги. Мужчина придавливал ее сверху, уткнувшись лицом в ковер. Изыщные ручки партнерши, уже начавшие наливать трупной синевой, крепко обнимали кавалера.

Кому пришло в голову складывать из мертвецов столь недвусмысленную композицию? Тому, кого как-то задевали их близкие отношения?

Странно, но ни на трупах, ни возле них на ворсе ковра крови почти не было, не нашел я на телах и видимых нарушений кожных покровов — ран, которые могли бы привести к летальному исходу. Лицо молодой женщины было безмятежно, потускневшие темно-карие глаза из-под прикрытых век усталились в потолок; черты выраженного восточного типа (татарка, что ли?), на подбородке справа выпуклая родинка — всё приметы Инги, старательно перечисленные мне соседями и приятелем Никиты!

Перед тем как перевернуть мужской экземпляр, я оглядел его со спины: абсолютно голый череп, сам среднего роста, рыхловатого телосложения, плечи не очень развитые, ягодицы дряблые... Из заднего прохода торчал край деревянной ручки какого-то слесарного инструмента — то ли отвертки, то ли напильника. Вот так номер! Я нагнулся, с трудом, рывками развел окоченевшие руки дамы (левую придавил к телу) и

опрокинул кавалера навзничь — лысая голова с глухим стуком ударилась о пол. Теперь становились ясны причины смерти обоих: плоскую бледную грудь Инги и безволосую, всю в лиловых трупных пятнах грудь ее партнера сплошь покрывали глубокие колотые раны ромбовидной формы (заточка? кинжал?). Причем наиболее частые удары приходились в область сердца — вот почему кровь слабо вытекала наружу и почти вся осталась на постели. Оттого, что мужчина лежал ничком, его лицо со свернутым набок носом превратилось за истекшие дни в один сплошной синяк — фотография такого красавца вряд ли могла быть предъявлена кому-либо для опознания. Тем не менее, я подробно сфотографировал оба трупа и принялся с особым тщанием рассматривать детали интерьера.

Что же здесь все-таки произошло? Почему двойное умерщвление совершено столь изуверским способом? Чего добивался убийца, перетащив трупы из спальни в гостиную, содрав с них одежду и демонстративно уложив в позе совокупления? Хотел изощренно отомстить за что-то? За измену? А воткнутый в дряблый зад хахаля инструмент? Тоже ведь красноречивая деталь...

Я лихорадочно шарил глазами по мебели, цепляясь за мелочи: раскрытый иллюстрированный каталог “Питер Юстезен” на журнальном столике с лежащей сверху початой пачкой “Парламента”; выглядывающая из видеоманитофона кассета с подписанным от руки титулом: “Вот так!”; на секретере позолоченная зажигалка “Зиппо”. А где пепельница?

Чисто машинально я вдавил кассету внутрь, присел на диван и включил с пульта телевизор.

Что можно реально выжать из этой запредельной ситуации? Быстро пробежать по квартире с обыском? Снять с мужского трупа “пальчики”? Давность наступления смерти неопределенна: при такой сравнительно низкой комнатной температуре (из-за настежь открытой форточки) состояние тел

соответствует пятым-десятым суткам. Слишком большой интервал!

Я решительно поднялся и шагнул к секретеру, когда с экрана донесся приглушенный стон.

Между широко расставленных мужских волосатых ног егозила девичья головка, крашенная в модную рыжину. Так продолжалось несколько секунд. Потом темпераментная особа отвлеклась от своего занятия и повернулась к камере, плотоядно облизывая острым язычком мокро блестящие губы. Это была Инга! Вот тебе и на.

Я впился взглядом в искаженную сладкой мукой физиономию любовника. Сходство с лежащим передо мной экземпляром было лишь отдаленное. И потом, у экранного героя на груди синела мелкая татуировка будто бы в виде летящей ракеты... Я склонился над телом любовника и внимательно его рассмотрел. Так и есть: трупные пятна и порезы помешали мне сразу увидеть выколотое над левым соском символическое изображение самолета, каким иногда отмечают люди, так или иначе связанные с военно-воздушными силами. Значит, передо мной в скованных смертной позе лежали те, что на экране предавались любовным играм?

Я покрутил в руках изящную зажигалку. Все-таки чертовски увлекательная штука жизнь. Ты путешествуешь по ней день за днем, ни о чем особенно не задумываясь, вроде не скучаешь, не тужишь, в меру пытаешься стричь купоны с хитрых дел, с легкостью отбиваешь чужих баб, а потом... Потом вдруг что-то случается — непонятное, непостижимое. А это, оказывается, курносая в черном макинтоше и с отточенной косой давно поджидает тебя на перекрестке мироздания. Вжжжик! И ты уже валяешься, синий, непотребный, с раздавленным всямку лицом, с чужеродным предметом в прямой кишке, а рядом, бесстыдно раскинувшись, лежит и вдумчиво смотрит в потолок твоя волоокая избранница...

Экранные стоны поменяли тональность и участились: на сей раз лысый труженик, пристроившись сзади, яростно толкал растрепанную плоскогрудую сладострастницу к резной спинке кровати.

Вполглаза следя за развитием этого незамысловатого перепахона, я уже листал паспорт Лапановой Инги Сергеевны, найденный в секретере, когда мне показалось, будто в окружающей обстановке что-то изменилось. Телевизор работал совсем тихо, но кроме него появилось что-то — какой-то ритмичный, почти неуловимый шумовой фон. Я остановил кино и прислушался. Теперь со стороны прихожей доносились совершенно отчетливые голоса. Кого там еще черт притащил?

Побросав все, я мгновенно переместился к входной двери. В коридоре прямо перед 96-й квартирой шел оживленный диалог:

— ...Я же вам объясняю, что отсюда больше недели никто не выходил... И в квартире тишина... А вчера стала мыть рядом пол — возле самого половика я никогда не протираю из-за соседки-лентяйки — и обнаружила... — женский голос зазвенел от волнения. — Вы только полюбуйтесь! Что это?

— Кровь? — мужчина словно самому себе задавал вопрос.

— А это?

— Тоже вроде бы...

— Вы сомневаетесь? Вы же участковый! Вы должны знать такие вещи!

— Спокойно, дамочка. Это может быть всего-навсего кровь из носа.

— Ну и что? Какая разница!

Над моей головой пронзительно зазвенел звонок, и тотчас повисла гнетущая тишина. Затем на кнопку нажали еще раз, настойчивее. После чего мужчина, переминаясь с ноги на ногу, выдавил неуверенно:

— Да... Надо, наверное, вызывать наряд...

У меня волосы на голове встали дыбом. Попал. Причем конкретно. И не прокатят никакие отговорки: у моих бывших коллег из прокуратуры нахождение на месте преступления всегда являлось безусловным и окончательным доказательством вины.

Зачем было нужно лезть в это гнилое логово, искать приключений на собственную голову? Не давала покоя неумная жажда знаний? Хотелось поскорей ухватиться за конец? Вот, вот, теперь тебя ухватят за то же самое!

Сквозь судорожные толчки крови в висках я с трудом улавливал нить дальнейшего разговора.

— ...Позовите, пожалуйста, еще соседей — пусть постоят около двери... А я, с вашего разрешения, отойду на лестничную клетку позвонить в отделение милиции....

Ситуация как будто подкидывала некий призрачный шанс. Воспользоваться моментом и внезапно выскочить в коридор? Но...

— Э, голубушка, да у вас дверной глазок залеплен пластырем! — голос участкового звучал уже без прежней ленцы. — И давно это?

— Н-не знаю, — соседка неожиданно начала заикаться. — Честно с-сказать, не обращала внимания. Да и кому такое могло взбрести в голову? Хулиганам?

Наступила короткая пауза, и сразу вслед за ней я услышал резкий металлический щелчок передергиваемого затвора.

Э, служивый, да у тебя с нервишками не все в ажуре!

— Знаете что, — от былой вялости стража порядка не осталось и следа, — зовите соседей, велите им срочно вызывать усиленный наряд и службу спасения, а я пока постою здесь.

Ну, постой, постой, а я пока похожу. А куда мне, собственно, идти?

Легкая паника, в которой я поначалу пребывал, быстро улетучилась, голова остыла, мысли были четкими. Последний этаж кирпичного дома с лоджиями? А почему бы и нет?

Оставив суетившихся соседей под началом бдительного командира, я вернулся в гостиную и сложил в свою папочку нехитрые находки: видеокассету с финальными мяуканьями покойной Инги и ее паспорт. Портативный фотоаппарат бережно опустил во внутренний карман. Потом в последний раз посмотрел на вольготно раскинувшуюся дамочку с нелепо поднятой правой рукой: а подбритый-то рубец ничего, даром что груди как две фигульки – видать, покойник был мужик не промах...

Балконная дверь оказалась заклеенной и потому не сразу поддалась моему энергичному и нетерпеливому натиску.

Глоток холодного свежего воздуха способен взбодрить не хуже стопки фирменного “голливудского” коктейля из текилы “Вздымающийся ад”. При соответствующем настрое, разумеется.

Я с опаской ступил на припорошенный снегом скользкий кафель незастекленной лоджии и огляделся вокруг. Внизу серела провальная пустота двора: окна выходили не на фасадную часть. С правого бока тускло отсвечивали темные стекла в алюминиевых рамах, зато слева по кирпичной кладке мелькали зыбкие голубоватые сполохи телевизора – люди расслаблялись, наблюдая на экране очередную выдуманную трагическую историю. Э-эх! Заглянули бы к соседям через стеночку...

Сдирая резиновые перчатки и запихивая их в карман брюк, я прикинул расстояние от перил до козырька лоджии — не ахти какое, два метра с мелочью. Но столбов или подпорок, как на иных балконах, не было, не было и рам остекления, а значит, проблема эвакуации плавно переходила в разряд крайне рискованных. Мне представилось, как, цепляясь пальцами за ничтожные выступы кирпичей, я кое-как встаю на перила и, балансируя, пытаюсь постепенно распрямиться,

чтобы достать до козырька. Одно неверное движение, малый сбой или слабость в суставах и мышцах, и... вполне можно присоединиться вскоре к веселой компании любовников на оцинкованном лежбище специализированного жмурятника.

Я усмехнулся. С чего это меня забрало на фантазии? Спокойно. Не надо трагедии, не надо иронии. Всего-то требуется найти какую-нибудь подпорку.

У соседей слева погас телевизор. Позвали, что ли, лицезреть хмурую действительность?

Со стороны прихожей раздались некие подозрительные звуки. Или мне так показалось? Наряд и служба спасения проявили недюжинную прыть и примчались тотчас же? В это не верилось.

Я прокручивал в голове вариант временного перехода на смежный балкон, а руки работали сами по себе — отдирали от стены старенький платяной шкаф и разгружали его содержимое. Через минуту дубовый монстр уже лежал на боку, превышая перила на добрых два десятка сантиметров. Но, что меня заставило тихо радоваться, он был очень крепок, устойчив и, главное, неполирован.

Тщательно счистив с подошв обуви прилипший снег, я взобрался на импровизированный помост и, держась за стену, подошел к краю. Я чувствовал себя вполне уверенно, так как никогда не испытывал боязни высоты, да и внизу, в отсутствие близкого уличного освещения, мало что проглядывалось — оттуда только изрядно веяло холодом. Козырек — строго горизонтальная бетонная плита — был над самой головой, и, протянув руку, я первым делом положил на него папку. Теперь нужно было, продвигаясь вдоль перил, нащупать такелажную скобу: попытка влезть без какой-либо зацепки на заснеженный козырек однозначно равнялась самоубийству.

Естественно, на протяжении всех этих критических минут я полностью отдавал себе отчет в своих действиях. Если бы скоба не нашлась или была бы слишком прижата к плите, я аккуратно положил бы фотоаппарат рядом с папкой на

kozyрек, вернул шкаф в прежнее положение и вышел бы навстречу милицейскому наряду — лучше париться в камере с гопниками, чем прижмуриваться на разделочном столе под дрожащим скальпелем вечно пьяного естествоведа Роньшина...

Но я наткнулся на спасительную железяку через несколько сторожких шажков по дубовому боку!

Все остальное было суммой отработанных движений: я крепко ухватился за скобу, подтянулся, перевалился через шершавый бетонный край, а с козырька легко перебрался на крышу...

...Когда я выходил из соседнего подъезда, одинокий джип службы спасения стыл возле дома, милиции еще нигде не было видно.

Я открыл дверцу своей машины, бросил папку на переднее сиденье, достал из бардачка мобильный телефон и, набрав нужный номер, не в силах уже сдерживать расплывающуюся до ушей улыбку, выдохнул в трубку:

— Мчусь домой. Как видишь, я стараюсь сдерживать свои обещания!

16.

На крыше противоположного здания сияла, переливаясь разноцветными огнями, автореклама. Сначала на голубом фоне полуденного неба вспыхивали ослепительно-белые саженные латинские буквы, спустя мгновение появлялся нежно-розовый бутон фирменного знака, затем по периферийному полю неслись стремительные синие стрелы, символизирующие, видимо, быстроту автомобиля рекламируемой марки.

За лобовым стеклом, то приобретающим призрачный радужный налет, то вдруг вновь становившимся прозрачным, когда на секунду гаснул рекламный щит, в слякоти очередной оттепели шагали неутомимые прохожие.

Я сидел за рулем “пятерки” напротив “Макдональдса”, что на Пушкинской площади, и поджидал Бахметьева с какой-нибудь информацией.

Честно признаться, вчерашний эпизод с исколотыми любовниками и лазанием по верхотуре произвел на меня должное впечатление. Такое, что, приехав домой, я сразу же, к неудовольствию Марианны, приложился к горлышку “Джонни Уокера”. Все-таки в будущем не следовало бы так слепо надеяться на везение. Ведь если бы не такелажная скоба... Впрочем, я не мог не признать, что вечерний порыв, хотя и завел меня очень далеко, за черту разумного риска, в конечном итоге оказался весьма и весьма успешным.

Поэтому я основательно не полез в квадратную бутылку вискаря и, укладываясь за полночь с Марианной в постель, дал себе мысленный зарок впредь, по возможности, воздерживаться от подобных экспромтов...

Теперь же, глядя на бьющую ключом жизнь вокруг, проведя, так сказать, ночь с событием, я не был склонен трактовать ситуацию однозначно. Трупы лежали в обнимку? Из зада хахаля торчал посторонний предмет? А не чересчур ли демонстративно все исполнено, с явным намеком на определенные обстоятельства, учитывая, что о неизменной привязанности Никиты к меркантильной и ветреной Инге были наслышаны многие? Но, с другой стороны, отчего тогда вышла такая промашка с кровавыми следами, если предположить, что инсценировка организована опытными людьми? И кому, собственно, выгодна вся эта возня, если парень все-таки исчез?

Я увидел вышедшего из толпы Бахметьева и прикурил очередную сигарету.

— Что это они устроили иллюминацию среди белого дня? — открыв дверцу и усаживаясь на место рядом, приятель кивнул на яркую рекламу.

— Решили окучивать доверчивых граждан и в светлое время суток.

Он усмехнулся.

— Да, наверное, — и продолжил без всякого перехода: — Судя по времени и месту встречи, у тебя свежие новости?

— Вообще-то я жду конкретных новостей от тебя. А потом и сам расскажу кое-что.

Бахметьев откинулся на спинку сиденья.

— Значит так. По Андрону Шакальскому я отработал весь архив, и, сверх того, еще удалось прихватить часть оперативной информации.

— Очень интересно будет послушать.

— Этот кадр попал в поле зрения ОБХСС¹ еще в 91-м году. Тогда группу предприимчивых людишек прихватили на несанкционированной перепродаже металлолома за границу. В тот раз он с крючка соскочил. В 94-м ему уже предъявляли обвинение в мошенничестве по линии УБЭП²: созданная Шакальским фирма, взяв предоплату, целый ряд договоров не выполнила, в конце концов обанкротилась. И в этом случае наш ловкач выскользнул, из обвиняемого превратившись в свидетеля. Последовали, конечно, некие неприятности в неофициальной сфере — бывшие партнеры, обиженные в финансовом отношении, пытались с ним расправиться, дважды покушались. Но его прикрыли заинтересованные лица. По последним данным он крутится в строительном бизнесе, связан с ирбитскими бандитами...

— С кем, с кем? С ирбитскими? Постой-ка, что-то я слышал об этой команде.

— Наверняка слышал. Хотя о них только начинают шептаться. Беспредельщики навроде новокузнецких. Помнишь лихих ребят, отрубавших конечности у несговорчивых терпил³?

— А как же?

— Так вот эти — одного с ними пошиба.

— Час от часу не легче.

---

¹ ОБХСС – отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности.

² УБЭП – управление по борьбе с экономическими преступлениями.

³ Терпила (угол.) – коммерсант, выплачивающий “крыше” деньги за “защиту”.

— Банда относительно немногочисленная — всего известно около двадцати человек, — но наглая и, как говорится, без руля и без ветрил. Отморозки, короче. Оно и понятно: слишком трудно достается сладкая житуха в Москве, о которой грезилось в медвежьем углу.

— Шакальский-то каким боком к ним прилепился?

— Так он родом из города Артемовского Екатеринбургской области. Земляк, значит. А нахрапистые сибирские ребята как раз подмяли под себя крупную строительную ярмарку в Люблине, на которой напрягался наш умелец. Вот этим самым боком и прилепился.

— Занятно. У него была какая-то фирма?

— Почему была? Она успешно существует и ныне, обзывается “Стройсервис”.

— ...Потому что, полагаю, для него уже все в прошлом.

— Не понял.

— Потом. У тебя есть с собой фотография клиента?

— Естественно. Вот он, кучерявый красавчик!

Я взглянул на черно-белый простенький снимок: лысый тип был очень похож на героя домашнего эротического фильма. На всякий случай спросил:

— Описание внешности читал?

— Читал. Возраст — тридцать четыре года, среднего роста, среднего телосложения, лысый, черты лица в общем-то хорошо видны на фото.

— Особых примет не помнишь?

— Их вроде... А нет, вру, была обозначена особая примета: на левой груди татуировка — контур самолета. Оказывается, Шакальский успел поучиться в Московском авиационном институте.

— Отлично. Я вчера вечером видел такой самолётик на одном посиневшем исколотом трупе. И, что характерно, тот жмурик был тоже абсолютно лысым. По всему — железно наш клиент, без вариантов.

— Ты что-то опять загадками заговорил. Видел; вчера; жмурик... Выкладывай прямо: что, где, когда.

— Ладно. Излагаю по порядку. Помнишь о непонятной записке из Никитинового пиджака?

— Конечно.

— В ней, как предположили знающие люди, парень пометил адрес бывшей подруги. Причем наводки дали конкретные. Вот я и решил вчера около девяти вечера пробить этот вариант. Приехал, а там дверная ручка в крови, половик тоже, изнутри — ни звука. Понимаешь, все признаки полного шандеца... Что делать? Потоптался я, прикинул и вскрыл хату. Ввалился — а в гостиной на ковре два разукрашенных трупа в обнимку, мужика и бабы.

— Ну ты, Игорь, даешь! Работаешь в своем стиле — без оглядки, за гранью!

— А что делать, если такие расклады?

— Но как же соседи ничего не видели?

— Соседи не замечали, потому что нужно всматриваться — кровь-то под цвет коврика, — а им это ни к чему.

— Понятно... Так, по-твоему, мертвый мужик — Андрон Шакальский?

— Теперь окончательно выясняется, что да.

— А баба — Никитина подруга?

— Представь себе. Только бывшая... Некая Инга Лапанова.

— Вот так приносишь ты новости!

— Это ещё что. Трупы в классической рабоче-крестьянской позе: хахаль между раскинутых ног дамы. Но это полбеды. Вдобавок мужику затолкали в задницу какой-то твердый предмет, похожий на отвертку. Усекаешь?

— То есть как бы продемонстрировали месть с явным сексуальным подтекстом?

— Именно. А ведь еще один знающий человек мне докладывал, что Никита упорно разыскивал вероломную

мамзель, после того как она в один особенно сильный момент невезухи наострила от него лыжи.

— Ты хочешь сказать...

— Пока ничего. Ситуация слишком запутанная. Тут и один бизнес — Никита ведь тоже крутился на рынке стройматериалов; тут и какая-то еще связь между ним и Шакальским, раз в квартире парня нашлись “пальчики” хозяина “Стройсервиса”; тут, ко всему прочему, и одна баба на двоих...

— Но ведь для Никиты она — бывшая?

— Иная бывшая двух прибывших стоит.

— Послушай, а может, ты слишком все усложняешь? Замочил парнишка обидчика или сам, или нанял кого — и в бега.

— Может, и усложняю, кто знает? С другой стороны, при твоём раскладе, зачем ему бежать? Только навлекать на себя лишнее подозрение?

— Тоже верно. Хотя могут элементарно не выдержать нервы...

— В любом случае проблема не упрощается. К сожалению. Но нужно копать! Я пока иду круглыми путями вроде бы безуспешно, но и не споро, и ищу уже подходы к близким связям. Мы с тобой говорили: лезть на рожон наобум — только делу вредить и лишний раз подставляться. Поэтому у меня к тебе снова настоятельные просьбы, — я достал пачку фотографий. — Здесь физиономии тех Никитиных знакомых, с которыми он предпочитал проводить досуг, - то есть самых приближенных. Я согнал их с записи из домашней видеотеки парня на компьютер и распечатал. Отдай их в ГИЦ¹, пусть ребята пропустят материал через базу данных — не может такого быть, чтобы никто из этих гавриков хоть раз не засветился. Узнай в УБЭП по “Стройсервису”: какие партнеры, какие конфликты. Хоть Шакальский уже покинул нас навсегда,

---

¹ ГИЦ – Главный информационный центр МВД РФ.

все равно — авось, потянется ниточка. Нет ли среди контактирующих со “Стройсервисом” организаций фирмы под названием “Миллениум” — слышал я это словечко в некоем тихом нетрезвом разговоре, когда еще разок сегодня утром просматривал разгульное кино. Еще что? Само собой, по “Миллениуму” подними оперативные разработки, если они есть. Об ирбитских уже и не говорю: нужны подробности...

Бахметьев ухмыльнулся.

— Ты прямо как на министерской коллегии поёшь. Любо-дорого слушать.

— А что ты предлагаешь, Юра? Я стараюсь, как могу, но без информации мне никуда. Да, кстати, как там Ангелина Степановна? Очень неплохо было бы получить от нее какие-то сведения. Шесть дней прошло, а я до сих пор не знаю даже номера мобильного телефона Никиты. Опять же телефоны многих знакомых парня ты взять не удосужился.

— Кто ж знал, что так случится? Я навел мосты и оставил все на тебя. А вон как все повернулось... Тетке сейчас не лучше и не хуже — не переводят ее никак в общую палату, и встретиться с ней, естественно, пока нет возможности.

— Это как-то совсем не радует. Но второй ключ от ее квартиры у кого-то должен быть?

— Второй ключ есть у соседки — она ухаживает за цветами. Да и вообще присматривает за квартирой.

— Прекрасно. Значит, в случае необходимости, можно будет прийти с тобой и ознакомиться с записными книжками Ангелины Степановны?

— Да, наверное. Но лучше все-таки подождать еще совсем немного.

— Понятно. А где отец Никиты? Живет отдельно с другой семьей? Помер?

— Лиховцевы-родители давно в разводе. Старик, кажется, больше не женился. И, как будто, уже умер.

— Похвально, твои сведения о родственниках очень и очень содержательны.

— Я же говорил, они ни с кем близко не сходились, жили как-то обособленно, сами по себе, потому и меня особо не тянуло вникать в их жизнь, разбираться, кто с кем разругался или помирился.

— Ну, ладно, ладно, это я к слову. У меня все равно сейчас своих заморочек выше крыши: нужно искать Иришу Гамак; выходить на родителей Инги, как-никак Никита прожил с ней два года — может, они чего новенького подкинут.

— А где ты будешь искать предков девчонки и нашу распрекрасную хохлушку?

— Предков ветреной красавицы проще пареной репы найти по ее паспорту, который я в качестве сувенира вчера прихватил с собой. С Гамак посложнее — есть места, где она в былые времена тусовалась, буду смотреть там. Однако здесь возникает один тонкий вопрос: если вариант о сведении счетов на любовном фронте начнет подтверждаться, не придется ли мне сворачивать мероприятия? Ты понимаешь, о чем я?

— Понимаю. Там будет видно. Пока тетка высказала просьбу о помощи в розыске сына. Никаких других пожеланий не поступало. Значит, действуешь согласно договоренности.

— Впрочем, это я уж слишком забегаю вперед. Очень многое указывает на сомнительность амурной версии. Жаль, конечно, что я толком не смог осмотреть квартиру...

— А что помешало?

— Опять же обстоятельства. Я был внутри всего несколько минут. Но и этого хватило, чтобы заметить нестыковки: парочку убивали в спальне и вся кровь осталась там, в гостиной на ковре ее очень мало. Почему же тогда она есть на дверной ручке снаружи и на полочке в коридоре?

— Вопрос заковыристый.

— Еще: трупы пролежали в комнате не меньше пяти-шести суток. Неужели никто из приятелей Шакальского не забеспокоился и не забил тревогу? Или про эту арендованную квартиру никто слыхом не слыхивал?

— Второй интересный вопрос без ответа. Замечу только, что в досье коммерсанта, которое я изучал не далее как вчера, нет никаких пометок об объявлении его в розыск.

— Что и неудивительно: слишком резкие движения не характерны для нашей вялотекущей жизни.

— Это точно. Кстати, какие вести из Никитино дома? Участковый наведывался? Что-то ты об этом совсем ничего не говоришь.

— Молчу, потому что ничего и нет. Ретранслятор, видимо, сдыхает — садится аккумулятор. За прошедшие дни было всего четыре телефонных звонка. Участковый, естественно, не появлялся — из родни его никто ж не тербит.

— Вот паразиты, совсем ничего не хотят делать! Ну, я им завтра испорчу настроение!

— Особенно не усердствуй. Ты же в курсе: чем больше на них давишь, тем с меньшей охотой они потом шевелятся...

— А я организую звоночек из прокуратуры.

— Вот это качественно другой подход. Интересно было бы знать, кто после меня навещал заветную квартирку и что они желали там найти?

17.

Получалось, чем основательнее я погружался в ситуацию, тем двусмысленнее она становилась и тем больше возникало самых разных вопросов. В разговоре с Бахметьевым я обозначил их далеко не все.

Конечно, открытие в Малом Каковинском переулке вносило изрядную сумятицу в строй мыслей. Картина разгрома и двойного убийства с явными элементами мести по адресу, указанному в записке, заставила бы призадуматься кого угодно. Во-первых, как с чисто технической точки зрения осуществить это довольно-таки сложное мероприятие исключительно холодным оружием? Заколоть двух человек так, чтобы при этом они оставались на одном месте, а не бегали с воплями по всей квартире — это нужно постараться. При всем том на

верхних конечностях трупов полностью отсутствовали следы порезов, которые бывают практически во всех случаях, когда жертвы отчаянно сопротивляются. Значит, любовников каким-то образом застали врасплох или умертвили спящими? Но как это возможно? И потом, у девицы-то карие глазки открыты... Во-вторых, сколько нужно было иметь в запасе времени для того, чтобы, даже уже успокоив парочку десятком ударов острым предметом, обставить все так, как это предстало перед моими глазами? И должно было фигурировать перед милицией? Иначе чем объяснить такое явное упущение — обильные следы крови на полочке и не стертую, а только смазанную каплю на дверной ручке — не поспешностью же! В-третьих, нарочитая демонстративность поз: кому могло это понадобиться и зачем? Плюс ко всему, посторонний инструмент в заднем проходе мужика (а не в интересном отверстии у дамы) — это ли не специфический знак, на что-то намекающий? В-четвертых, кассета с любовными игрищами, оставленная в видеомэгнитофоне? В-пятых...

Эх, жаль, не довелось мне пробыть в мрачной квартирке еще какое-то время! Возможно, тогда удалось бы пролить свет на некоторые обстоятельства. Скажем, если орудие убийства — заточка, то мысли волей-неволей принимают определенное направление. Опять же, судя по наличию паспорта Лапановой в секретере, документы и иные мелочи были оставлены в квартире почему-то в неприкосновенности...

Первая группа вопросов как будто исчерпывалась. Зато возникала вторая. Если связывать расправу в Малом Каковинском с исчезновением Лиховцева — ведь эти события произошли практически в одно и то же время — и допустить какие-то непонятки между ним и Шакальским, то как объяснить тогда внезапный пожар в гараже парня? Да и странный обыск в его квартире? Или я заблуждаюсь, и все эти мероприятия — не звенья одной цепи?

Короче, к вечеру вторника я исчерпал практически все возможности опосредованного поиска: информация,

почерпнутая от периферийных фигур, не отличавшаяся необходимыми объемом и точностью, а также косвенные улики, подобранные тут и там, к сожалению, не помогли создать более или менее целостной картины главного события — исчезновения Никиты — а наоборот замутили ее, раздергали факты по разным версиям. Вот почему проблема контакта с короткими связями Лиховцева отныне выходила на первый план, и именно поэтому я нагрузил Бахметьева столькими срочными поручениями.

А пока я решил не откладывать в долгий ящик поездку в “Планету Голливуд” — все-таки призрачные шансы узнать что-нибудь о сексапильной хохлушке оставались.

Я прошел в гостиную и присел на диван рядом с Марианной, увлеченно следившей за бесконечными семейными неурядицами очередного сериала. Наконец отчаянная жестикуляция темпераментных героев на экране плавно сменилась громкими рекламными заклинаниями.

— У тебя когда заканчивается отпуск?

Марианна удивленно перевела глаза на меня.

— А почему ты спрашиваешь?

— Мне кажется, чтобы не смазать финал, нам нужно сходить еще в какое-нибудь веселенькое заведение? А? Как ты считаешь, милая?

Подруга улыбнулась одними губами.

— Вообще-то я не против. Только не в казино.

— Естественно. У меня пока еще дома нет печатного денежного станка.

— Куда же тогда?

— А хотя бы в ресторан. Есть на Красной Пресне такой — под названием “Планета Голливуд”.

— Слышала. Там, говорят, на стенах висят шмотки из известных фильмов?

— Да. Увидишь в рамочке под стеклом пятнистые портки крутого снайпера Дольфа Лундгрена, аляпистые сережки Вупи Голдберг из “Привидения” и еще что-нибудь.

— Очень интересно! — Марианна даже захлопала в ладоши. — И когда же ты хочешь устроить этот поход?

— Да хоть сегодня. Чего откладывать-то? Досмотришь сейчас своих смуглолицых кривляк и можешь собираться.

— Спасибо! Это настоящий сюрприз!

— Тем более, что кормят там весьма прилично: попробуешь шашлык из осетрины, опять же хлебнешь одну огненную гадость с поэтическим названием “Вздымающийся ад”...

Взбудораженная Марианна побежала готовиться к выходу в свет, а я остался перед телевизором додумывать свои думы.

В одном из эпизодов любительского фильма, снятого Геной в различных увеселительных заведениях столицы и ее окрестностей, фигурировал, помнится, не только стильный интерьер “Планеты Голливуд”, но и обслуживающий персонал, с которым по-свойски, если не сказать по-приятельски, общались друзья-гуляки. Что за мероприятие было тогда зафиксировано? Обычная, рядовая пьянка, проходившая, правда, в другой день недели — в среду, в День иностранца, когда на овальной сцене посреди дискозала во вспышках стробоскопов и сиянии цветомузыки появлялись три гибкие обнаженные танцовщицы.

Но я-то намыливался туда не для того, чтобы увидеть кого-то из полоумной компании, планы у меня были поскромнее, под стать анемичному вторнику: узнать бы что-нибудь о провинциальной девице с будничным именем Ира...

— Все, я готова!

Я поднял глаза и обомлел. Передо мной стояла умопомрачительная особа, очень похожая на Марианну.

— Прямо удивительно!

Она звонко расхохоталась.

— А то!

Я внимательно оглядел ее с ног до головы: свободные шелковые черные брюки, перехваченные в узкой талии ремнем

с золоченой пряжкой; бежевая блузка с вышивкой на груди и фасонистыми манжетами, завершающими широкие рукава; в ушах массивные серьги-подвески. Вдобавок ко всему непривычно завитые волосы и, конечно, лучащиеся радостью серые глаза. Вот это да!

— Что, нравлюсь?

— Не то слово, милая, не то слово! Накинь сверху шубейку, вызываем такси — и айда за развлечениями!

Мы вышли на улицу. Под вечер начало подмораживать, и на сероатом из-за множества городских огней московском декабрьском небе появились редкие звезды.

- Подумать только, - Марианна запрокинула кверху лицо, - а ведь еще совсем недавно мы любовались этими же звездами из другого места, и они не казались там такими холодными.

Я ухмыльнулся.

- Потому что мы сами были в тепле. Помнишь ласковый океан и то нежное упражнение, которым мы занимались на берегу в памятную желтоглазую ночь.

- Ой, кошмар! Я не знала, куда провалиться со стыда, когда меня осветили фонариками и стали похотливо разглядывать эти мерзкие полицейские.

Подкатила машина с шашечками на боку.

- Расслабься, милая. Карета подана. Сейчас мы перенесемся в такую обстановку, где, надеюсь, ты позабудешь обо всех неприятностях, прошлых и настоящих.

Дорога не заняла много времени, и буквально через полчаса мы высаживались у причудливо оформленного фасада ресторана с переливающимся разноцветьем огней.

Перед нами проворно распахнул стеклянную дверь специально поставленный молодой человек, и нас тотчас же окружила та особая атмосфера непрекращающегося праздника, которая свойственна всем заведениям подобного рода. Из зала доносилась громоподобная “I need a hero” в бойком

исполнении Тины Тернер. Потянуло сигаретным дымком и едва уловимыми соблазнительными запахами с кухни.

Марианна ступила на полированный гранитный пол с огромными золотыми буквами посередине PLANET HOLLYWOOD, окинула быстрым взглядом холл, застывшего как истукан охранника с портативной рацией в руке.

— Мне здесь нравится. Это вон там висят короткие штанишки Дольфа Лундгрена? — изящный пальчик указал на витрину с камуфляжными брюками невообразимого размера.

— Там. В военной экипировке ты разбираешься.

— А это — Терминатор? — Марианна кивнула в сторону заключенного в прозрачный цилиндр монстра, бдительно стерегущего вход в зал.

— Он самый. Видишь, как недовольно помаргивает своим адовым глазом.

Я увлек зазевавшуюся девушку по лестнице вниз.

— Чучелами полюбуешься потом. А сейчас нужно в темпе разоблачиться и занять столик: народу здесь всегда много, а мест заранее я не заказывал.

Мы спустились в гардероб, по пути я с невозмутимым видом заведомо продолжал знакомить спутницу с особенностями интерьера.

— За углом направо находится магазинчик фирменной косметики, прямо и дальше — большая бильярдная. Коли возникнет желание, покатаем шары...

— Так ты сюда уже не раз заходил, если водишь меня как по собственной квартире?

— Бывал, не скрою. Не то чтобы много раз, но бывал.

Мы освободились от верхней одежды и, после того как Марианна зашла в интимную комнатку, где поправила перед зеркалом прическу, поднялись, наконец, в зал.

В зале музыка гремела с неослабевающим воодушевлением. На огромных плазменных экранах, развешанных по стенам, транслировался какой-то сногшибательный ролик с частой сменой пестрых картинок.

Сбоку, за декоративным заборчиком, находилась длинная стойка бара.

Я невольно задержал взгляд на фигурах, сидевших на высоких стульях в зеленоватом свете многочисленных бра, и на других, устроившихся за столиками: где-то здесь, в этом углу, произошел первый контакт Никиты с амбициозной фигуристой красоткой из Кривого Рога...

Тоненькая молоденькая девушка из службы ресепшн подошла к нам и, поздоровавшись, спросила о планах на вечер. Я ответил, что мы хотим перекусить, потом потанцевать, покатать шары — в общем, хорошо провести время. Девушка предложила несколько столиков на выбор.

Хотя ресторан представлял собой одно огромное помещение причудливой формы, разделенное на отдельные секторы оригинальными, не мешавшими обзору перегородками, я выбрал “зал”, находившийся напротив бара и чуть в стороне от главного входа, чтобы удобнее было наблюдать за перемещением посетителей. Сопровождаемые услужливой распорядительницей, мы прошли мимо подмигивающего двухметрового киборга и уселись на указанные места.

Блестящими от возбуждения глазами Марианна оглядела роскошный современный интерьер.

— А здесь довольно весело и шумно.

— Подожди, то ли еще будет, когда начнется дискотека.

Подошел официант, и я заказал “Голливудскую чашу”, салат-ассорти, пиццу с томатами и базиликом и бутылку вина.

— А шашлык?

— Шашлык будет потом.

В баре тем временем народу прибавилось. Новые люди рассаживались за столиками, кое-кто скромно устраивался у стойки. В полумраке не особенно было видно фактуру.

А почему, собственно, Гамак должна сидеть именно в баре? И почему у нее непременно должны быть светлые

волосы? Может быть, она перекрасилась или надела парик? Вообще, каковы шансы встретить в заведении предприимчивую провинциалку? Наверное, они минимальны. Значит, нужно расслабиться и получать удовольствие от вечера. Но прежде все-таки показать бармену снимок обольстительной Ирочки...

Умудряясь поддерживать разговор с Марианной и одновременно уплетать принесенные закуски, прихлебывать охлажденное вино, я так и эдак поворачивал мысли о девице, о кутивших в этом ресторане приятелях Никиты, перспективах близких контактов с ними. Хорошо, что подружка была увлечена едой и оглушена громкой музыкой.

Выждав некоторое время, я попросил у спутницы разрешения покинуть стол ради некоего приятного сюрприза и спустился на нижний этаж. Там я быстренько купил в магазине флакончик “Вэри Валентино”, духов, по моему мнению, подходящих к характеру и внешности Марианны, для очистки совести осмотрел бильярдную — несколько человек уже катали шары. Основной целью моей отлучки был, конечно, бар. В него можно было попасть, просто свернув направо с лестницы главного входа, минуя декоративную ограду. При этом не очень внимательная Марианна, конечно же, не заметила бы со своего места моих суетливых метаний.

Я так и сделал и буквально через минуту уже сидел за стойкой в уголке и поджидал бармена. Наконец, он обратил внимание на мои знаки и предстал передо мной в белоснежной рубашке с галстуком-бабочкой и с шейкером в руках.

— Любезный, мне по стопке “Багрового дождя” и “Вздыхающегося ада”. И еще возникла проблема... — я протянул ему сложенную вдвое двадцатидолларовую купюру и качественную фотографию Гамак, сведенную с видеозаписей. — Ищу эту легкомысленную, порхающую по чужим неразборчивым рукам сучку. Взгляни, пожалуйста, не попадалась ли она тебе на глаза, и если попадалась, то когда в последний раз?

Молодой человек недоуменно посмотрел сначала на меня, потом на купюру, повернул к себе снимок.

— Н-нет. Такой девушки я не замечал у стойки.

— Точно?

— Абсолютно. У меня хорошая зрительная память. Тем более такую симпатичную особу я наверняка запомнил бы. Правда, я не так давно работаю здесь... Да вы спросите, может, ребята в ресторане, на дискотеке видели? Официанты или охрана.

— Спасибо.

— Не за что.

Двадцатка мгновенно исчезла в руках кудесника.

Я дождался заказа, опрокинул одну стопку и с другой отправился к своему столику.

Марианна ковыряла вилкой блюдо и задумчиво смотрела в сторону разгоравшихся огней дискотеки.

— Что ты так долго?

— Милая, позволь мне сначала вручить тебе этот маленький презентик, — я протянул красочную коробочку.

— Мне кажется, этот чудесный аромат как нельзя лучше подчеркнет твои многочисленные достоинства. И прими стопку перед тем, как мы пойдем кривляться в соседний зал.

Подруга расплылась в благодарной улыбке.

— Спасибо. Я давно думала о духах от Валентино. Как ты угадал мои мысли?

— Прочитал их в твоих прекрасных глазах.

— А это что?

— Это “Вздыхающийся ад”. Специально для тебя. Его нужно пить в два приема. Сначала пригубить и размазать по небу божественную жидкость — почувствовать жар адского пламени, а потом энергично опрокинуть в себя все остальное.

Слегка опьяненная девушка немедленно последовала моему совету, поднесла к губам стопку, провела язычком по небу.

— О? Очень вкусно. Из чего эта смесь состоит?

— Текила, “трипл сек”, кисло-сладкая смесь, и гранатовый сироп...

Марианна опрокинула стопку, зажмурилась, отдышалась.

— Ух! Прямо искры из глаз!

— Прекрасно! Теперь можно идти на дискотеку.

Мы плавно переместились в затемненный зал, посредине которого уже толпился народ. Под потолком в свете разноцветных прожекторов сияли зеркальные шары, узкими лучами выстреливали стробоскопы, вдоль стен тут и там вспыхивали оранжевые огоньки сигарет. Я вовлек Марианну в конвульсивно дергающуюся толпу, и некоторое время мы двигались в такт оглушительной ритмичной музыки. Вскоре, однако, пустили медленный танец, и я смог, наконец, слиться со своей спутницей в длительном объятии.

Прильнув ко мне гибким телом, Марианна тихо дышала мне в щеку.

— Что это ты притихла?

— Так хорошо сейчас. Подольше бы продолжался этот удивительный вечер...

Некоторые из рядом топтавшихся пар откровенно, взасос целовались. Я еще теснее прижал к себе подругу, мой расслабленный взгляд скользил по плечам, головам, на секунду останавливался на лицах. Поодаль высокий худощавый молодой человек в светлой рубашке и темных брюках оторвался от губ своей напарницы, сказал что-то ей и засмеялся. Его лица в багровом свете прожекторов невозможно было подробно рассмотреть. Но... Темные, насколько можно было судить, каштановые или черные волосы, слегка заостренный книзу овал лица, по всей вероятности, правильные черты... Не может быть! Никита?!

Романтическая мелодия закончилась, и парень, галантно раскланявшись с дамой, повернулся к ней спиной, сделал несколько шагов и исчез за дальней дверью диско-зала.

Я на мгновение оцепенел. Потом, пожалуй, несколько торопливее, чем следовало бы, довел Марианну до банкетки и, ни слова не обронив, поспешил вслед за брюнетом.

Единственный полностью обособленный банкетный зал “Зебра”, распланный в черно-белые полосы и находившийся как раз за захлопнувшейся дверью, был пуст. Я ринулся в служебный коридор, соединявший, судя по расставленным вдоль стен посудным тележкам, приват-зал с кухней, и, сделав несколько десятков шагов, также не встретив на пути абсолютно никого, вышел... к месту нашей с Марианной последней трапезы, в ресторан. Тогда я решительно повернул обратно и еще через одну дверь опять попал на дискотеку, но уже с другой стороны.

Марианна сидела на банкетке, слегка откинувшись на спинку, и разговаривала с каким-то типом.

Я совсем не был уверен, что видел именно Лиховцева, но исчезновение незнакомца в служебных недрах заведения не добавило мне настроения. Поэтому я, ни мало не чинясь, хлопнул приставалу по плечу и сказал довольно небрежно:

— Освободи-ка местечко, друг!

Когда соперник с недовольным бормотанием удалился, я, подав даме ручку, бодро, как будто ничего до этого не было, предложил:

— Надоело что-то здесь от музона gloхнуть. Может, пойдём шары покатаем?

Марианна с подозрением глядела на меня. Я чувствовал, что ее романтическое настроение вот-вот улетучится.

— Игорь, что происходит? Ты меня притащил сюда для каких-то своих дел?

Я пытался отнекиваться.

— Нет, совсем нет. Разве тебе здесь не хорошо?

— Мне-то хорошо. Но ты уже второй раз исчезаешь неизвестно куда. Может, все-таки объяснишь, в чем дело?

— Да ни в чем, уверяю тебя. Я ходил купить подарок, желая доставить тебе удовольствие. А сейчас мне показалось, что увидел знакомого. Всего-то и дел.

— Опять знакомого!

— Что ж тут такого, если все мы болтаемся по одним и тем же заведениям?

Подруга поджала губы.

— Хорошо, ладно. Пойдем туда, куда тебе нужно... У тебя прекрасные способности портить окружающим настроение!

Этот упрек был, конечно, вполне заслуженным, и я испытывал немалое чувство вины, но больше меня волновало сейчас другое.

Куда мог исчезнуть тот долговязый? Насколько мне было известно, верхний и нижний уровни заведения связывала винтовая лестница, спускаясь по которой можно было попасть в бильярдную. Не этим ли путем он ушел?

Один проникновенный взгляд, торопливый поцелуйчик на ходу как будто вернули Марианне прежнее расположение духа. Я, как мог более нежно, взял Марианну за талию и повлек к обтянутым зеленым сукном столам.

А там уже вовсю шло соперничество — за малыми столами разыгрывали американский пул, за большими разбивали русскую пирамиду. Лица игроков были разгорячены, дым клубами поднимался к черному, оформленному в духе конструктивизма потолку.

Я быстро обшарил глазами просторное помещение, не исключая и закоулки — нигде парня, похожего на Никиту, заметно не было. Однако у одного из столов, прихлебывая из бокала пиво, стоял высокий худощавый молодой человек, одетый в белую рубашку и черные брюки, и внимательно следил за, судя по всему, крупной игрой. Волосы у него были темно-рыжего цвета, такого глубокого оттенка, что складывалось впечатление, будто они крашенные.

Я нагнулся к Марианне и шепнул ей на ушко:

— Хочешь посмотреть на денежную игру? И шары катают, по-моему, мастера. Только особенно близко нам не стоит подходить...

Мы остановились поодаль, откуда можно было отлично видеть, как один из игроков с завидным постоянством загонял в лузы сложнейшие шары; я едва успевал комментировать:

— ... Абриколь — от борта в шар-мишень мимо других мешающих шаров... О! Этот архитрудный — триплет — от двух бортов в среднюю лузу...

Тем временем я украдкой разглядывал элегантного парня, пытаясь мысленно сличить его лицо с лицом Лиховцева на любительском фото, а заодно и решить, менял ли он недавно цвет своей шевелюры. В конце концов, я пришел к выводу, что незнакомец на Никиту не похож, хотя и близок по сложению, по типу. К тому же волосы, как мне показалось, были все же редкого натурального цвета.

Лидирующий игрок последним хлестким ударом завершил партию и, улыбаясь, повернулся к своему оппоненту.

Я тактично взял Марианну под локоток, и мы отошли, не мешая интимному процессу передачи выигрыша.

— Давай и мы с тобой немного поупражняемся. Хотя я и не обещаю тебе такой же блистательной разводки, все же и у меня рука, как говорят знатоки, чуть-чуть набита.

Мы отправились в один из закутков, где был установлен малый стол, но не успел я взять кий со специальной подставки, как столкнулся нос к носу с... недавним знакомцем. Да, да, я не мог ошибаться, это был именно он, хотя с его стороны узнавание совершенно исключалось. Дело в том, что мы познакомились заочно и всего лишь несколько дней назад: я видел его в различных компаниях и обстоятельствах, но только на экране телевизора. Это был... Терехов. Слегка навеселе, сопровождаемый крепким спутником, он прошел к свободному большому столу.

Не совсем еще веря в такой немислимый расклад, не зная, что предпринять и стараясь быть внешне совершенно

спокойным, я разместил на столе пирамиду шаров, откатил биток к короткому борту и с апломбом корифея принялся посвящать Марианну в тонкости игры.

- На самом-то деле это необыкновенно захватывающее занятие – загонять кругляши в соответствующие отверстия...

Марианна лукаво, с хитринкой взглянула на меня.

- Да что ты говоришь!

Я улыбнулся в ответ.

- Не отвлекайтесь, красавица, здесь речь идет всего лишь об игре на бильярде.

Подружка с сомнением покачала головой.

- Ну, ладно, продолжай.

- Так вот, можно несколькими способами разбить это построение. В первом случае твой противник без труда наберет половину очков в партии, во втором...

Марианне было явно не до игры: одной рукой она обхватила меня за талию, другую положила на пояс, коготки впились в одежду. Но что было делать мне? Неподалеку за большим столом вовсю шла безудержная, бесшабашная игра со взрывами хохота, с падением шаров на пол. Терех со своим приятелем отвязывались на полную катушку. Вот-вот должен был произойти скандал: в почтенных заведениях не терпят подобных вольностей. Хотя, возможно, моему заочному знакомцу и полагалась скидка по причине налаженных отношений с персоналом.

И действительно, к распоясавшимся друзьям уже спешил человек из obsługi, чтобы тихо-мирно уладить ситуацию. Но раньше не выдержал тот убеленный сединами умелец, который с соседнего поля как раз снимал очередной выигрыш.

— Что-то вы как-то не так ведете себя, ребята. Здесь же вам не шалман.

На в общем-то корректное замечание Терех отреагировал мгновенно — взмахнув руками, дернулся всем корпусом в сторону “обидчика”, отчего фигурный бокал с

пивом, стоявший на бортике стола, со звоном грохнулся об пол.

— Чё? Чё ты сказал, мерин? Ты здесь вообще кто такой?

Пожилой только поморщился, глянув в сторону плечистого молодца характерной наружности, находившегося рядом. Восприняв это как руководство к действию, тот сделал несколько шагов и остановился перед возмутителем спокойствия. На его лице не отразилось никаких эмоций, глаза смотрели холодно и внимательно. Однако столь показное равнодушие подручного взбесило Тереха еще больше. С нечленораздельным воплем он бросился вперед, резко взмахнул кием и опустил было его на голову противника. Но удар не достиг цели: последовал стремительный уход с шагом назад и поворотом корпуса, затем короткий взмах руки — и палка полетела в сторону. Как видно, молодец был не промах — через секунду он уже отбивал удар с другого бока, от спутника Тереха...

Я с интересом следил за потасовкой: полюбоваться работой профессионала иной раз очень даже полезно. Из чьих может быть этот тип? Из спецов? Вроде нет. Из ментов? Тоже вряд ли. К тому же его патрон не из постоянной клиентуры, иначе оппоненты были бы знакомы.

Шум драки не на шутку переполошил всю бильярдную. Марианна вцепилась в мою руку мертвой хваткой.

Молодец тем временем проверял прочность черепа тереховского приятеля, методично ударяя его об угол стола и не замечая, что сзади приближается опасность: порядком помятый Терех, покачиваясь, надвигался с чем-то блестящим в руке.

Марианна прижалась ко мне еще плотнее, с ужасом выдохнув:

— Нож!

Дело действительно принимало нешуточный оборот. Но никто из окружающих и не думал вмешиваться в ситуацию, охраны же нигде не было видно.

С трудом высвободившись из объятий подруги, я инстинктивно шагнул вперед, чтобы в случае чего иметь возможность повлиять на ход стычки, и в этот момент телохранитель бильярдиста распрявился и, быстро обернувшись, заметил нож. Надо отдать должное, на лице его не дрогнул ни один мускул, взгляд по-прежнему оставался спокойным. Признаться, я мало встречал столь хладнокровных людей. Он опустил руки вдоль тела и ждал приближения Тереха. Длилось это секунды — потом удар снизу, прием с блокированием и заломом руки, и вот уже неловкий и нетрезвый атакующий стоял на коленях с приставленным к горлу ножом. Был он тих и смирен.

На этом все бы, вероятно, и закончилось — бойцы утомнились бы, если учесть, что победитель был настроен весьма миролюбиво. Но у меня появлялся шанс грамотно влезть в удачно складывающиеся обстоятельства, и я попробовал им воспользоваться.

В таких ситуациях действуешь как автомат и память не фиксирует некоторых нюансов: я был уже в эпицентре драки; добрый молодец с отобраным ножом напротив меня — потому что был готов к очередной атаке. С ходу я наметил удар ногой в подреберье, от которого невозможно было уклониться. Парень потерял равновесие, отшатнулся назад, но на ногах устоял. Не давая ему опомниться и пустить в ход нож, я молниеносно навесил правый крюк в голову и вдогонку ослепляющий левый прямой в нос. Кровь тут же струей хлынула на пол, залила одежду. Мой противник инстинктивно схватился за лицо, продолжая сжимать в руке лезвие. Но я уже молотил его кулаками по голове куда придется: в челюсть, в висок, в глаз. После четвертого-пятого удара он тяжело рухнул на колени и тотчас же был сбит пинками набежавшего Тереха.

Я бесцеремонно оттолкнул разохотившегося мстителя в сторону, и... наконец подоспела охрана.

Картина побоища впечатляла: кровь на полу, на столе, два неподвижных тела рядом. Впрочем, нет, приятель Терехова пытался подняться.

Охранник заведения смотрел на нас глазами, полными самого неподдельного ужаса.

— Вы что, ребята! Вы что!!! Теперь меня из-за вас премии лишат!

Чувствуя ломоту в теле и тяжесть в ногах, я вразвалку подошел к нему, небрежно приподнял пальцем пластиковую карточку, висевшую над карманом черной форменной куртки, с трудом вчитался: “Охранное предприятие “Скорпион”. Андрей Быковский”. Хлопнул дружески по плечу.

— Не бойсь, Андрюха, прорвемся! — потом, оглянувшись на Тереха, прибавил: — Земляк, отстегни человеку монет, чтобы он не паниковал и не кричал сюда ментов.

После чего критически оглядел себя и только тогда заметил располосованную на груди рубаху и проткнутую ножом правую брючину. Икра саднила от неглубокого пореза.

— Вот так да! Вот так отдохнули!

Поодаль стояла смертельно бледная Марианна. Глаза ее были темны от страха или смятения. А может, от злости на меня.

Почему-то вызывающе ухмыляясь, я приблизился к ней, но она порывисто отвернулась и заплакала.

— Не плачь. Зачем ты? Все уже позади, — моя рука легла на вздрагивавшее хрупкое плечо.

— Уйди от меня! — она почти закричала, дернулась спиной и пошла прочь.

— Подожди, куда ты?

Я поспешил было за ней, но меня удержали сзади за локоть.

— Братан, валим быстрой отсюда, с подругой потом разберешься, — это был Терех и его приятель с безобразно расплывавшимся лицом. — А тебя, — Терех повернулся к седому бильярдисту, — тебя, старый козлище, я еще подловлю!

Я тоже мельком посмотрел назад, увидел стоявшего на карачках и мотавшего головой телка¹, суетившегося возле него охранника, примолкнувшего патрона. Никак не отреагировав на сказанные Терехом слова, я бросился вслед за Марианной.

— Ладно тебе дуться!

Она по-прежнему быстро шла к выходу.

— Я, конечно, виноват перед тобой!

Опять всяческое отсутствие эмоций.

— Ну что, ты ждешь, чтоб я десять раз повторил слова извинения?

Марианна внезапно остановилась. Лицо ее было искажено гримасой брезгливости.

— Зачем ты полез в эту драку?

— Просто не люблю, когда кто-то кому-то приставляет нож к горлу.

— Они сами виноваты, нализились, как свиньи, и вели себя соответствующе!

— Что же их теперь из-за этого резать?

— А если бы тебя?..

— Что? Подрезали? Ну это уж дудки.

— Ох, какие мы крутые! Ты только полюбуйся на себя!

Я нагнул голову, улыбнулся.

— А что? Боевые повреждения...

Подруга опалила меня гневным взглядом.

— Все! Большое спасибо за вечер. Сыта по горло твоими приключениями... Дай денег на такси, я уезжаю.

Мы стояли уже почти у гардероба, и пожилая женщина, подававшая посетителям верхнюю одежду, испуганно

---

¹ Телок (мол. жрр.) – телохранитель.

тарашилась на нас из-за стойки. Из дверей туалета вышел Терех с умытым спутником и прямиком направился к нам. Хмель с друзей как рукой сняло.

— Дамочка, извините, но лучше поскорее смыться отсюда, могут нагрянуть менты...

Марианна поморщилась как от зубной боли.

— Делайте что хотите, — и снова обратилась ко мне: — Дай денег на такси.

Терех по-своему оценил поведение девушки.

— Братан, дай ей денег, и поедем с нами!

Я молча отошел со спутницей к гардеробу.

— Ты куда собираешься ехать?

— К родителям, куда же еще? — сказала она безапелляционным тоном.

Я помрачнел.

— Дело хозяйское. Быстро же ты меняешь свои решения.

Я помог Марианне накинуть шубку и вывел ее на улицу...

... Когда габаритные огни увозившего подругу такси стали стремительно удаляться в ночи, мне замахали из припаркованного неподалеку темно-синего “БМВ”.

— Земляк, без обидок, айда с нами — оторвемся, не пожалеешь!

18.

— Не вешай носа, Игорек, — развалившись на переднем сиденье мчавшегося автомобиля, рядом с водителем, Терех вытянул из бардачка пару бутылок пива, одну подал мне. — Бабы, они и так непредсказуемые по жизни, а твоя, как я успел заметить, еще и с немалым гонором!

— Веня, не трогай девчонку, — я открыл бутылку ключами и отхлебнул глоток; мы уже называли друг друга по имени.

— Что, задело? — мой новый знакомый загоготал. — Не бери в голову, братан, клади в карманы. Я тебе кое-чем обязан, значит, подпорченный вечерок должен компенсировать с лихвой. Так или не так?

— Да брось ты.

— Нет, не брось. Сейчас мы закатимся в один особнячок, там будут такие чувихи, что ты про свою в момент забудешь.

— Дай глотнуть, — подал голос Паша, сосредоточенно крутивший баранку.

— Держи, но не слишком нажимай, следи за трассой!

— А доедем? — засомневался я. — Тут патрули стоят через каждый километр.

— Запросто. Бабки есть — все менты наши. ГИБДД — гони инспектору бабки и двигай дальше. Только нужно еще в лабаз заскочить, поменять прикид. А то вон как этот хмырь тебя располосовал... Да и нам с Пашей не мешало бы чуток прибахлиться.

Я критически оглядел себя.

— Да, поработал паренек неплохо. Самое главное — я не успел даже ничего заметить.

— Но и ты неплохо его уделал! Видны изрядные навыки. Где набирался опыта?

— Сначала в спецназе ВДВ, потом какое-то время увлекался рукопашкой.

— А где именно в спецназе?

— В чучковской бригаде, в Рязанской области.

— Это в той, где готовят диверсантов?

— В той.

— И у тебя ведь была какая-то кликуха? Я знаю, вам всем положено...

— Была. Петля

— О-о, братан! Уважаю!

Я приложился к горлышку бутылки. На ловца и зверь бежит. Кто мог подумать, что развлекательный поход в

ресторан с подругой, с небольшой, правда, подспудной мыслишкой в голове, в результате окажется столь удачным? И как теперь с ходу реагировать на круто переменившиеся обстоятельства? Экспромт, конечно, бывает уместен, но к нему тоже лучше готовиться заранее...

Мы остановились возле какого-то освещенного здания. Терех деловито записал размеры одежды, моей и приятеля, и скрылся за автоматическими стеклянными дверями.

Паша мрачно посмотрел на себя в зеркало заднего вида.

— Ну и морда... Вот сучара! Я еще выловлю этого недоноска, и отрехтую как следует!

С невозмутимым видом я закурил сигарету.

— А кто такой тот седой тип, который в кабаке не по делу вякал? Из постоянной клиентуры, что ли?

— Да щас! Это мы с Терехом как бы из постоялки. Старика я вообще в первый раз видел.

— Я заметил, что он лихие бабки сшибал за своим бильярдным столом.

— А чего тут понтового? Небось, залетный профи, приканал богатеньких лохов бомбить... Эх, обидно, никого из ребят не было — вторник все-таки. Да и мы с Веней порядком поднабрались, а то надавали бы козлам по бубенцам.

— Мне все-таки невдомек: не мог же он просто так свалиться в чужой кабак и стричь бабки?

Задняя дверца распахнулась, и на сиденье рядом со мной посыпались пакеты и свертки.

— Все, пацаны! Переодевайтесь и рулим за город отвязываться по полной программе!

— А куда ты хочешь ехать? — Паша явно не горел желанием показываться на людях. — К Михалычу?

— К нему. У него сегодня сабантуй — он же нам названивал, приглашал обмывать новую тачку, четыреста семидесятый “Лексус”-джипарь. Так сразу и надо было туда ломиться, а не зависать в бильярдной, как последним лохам.

Я соорудил простоватое лицо.

— А кто это — Михалыч?

— О-о, Игорек, это фигура. Голова! Да ты скоро сам все увидишь... Кстати, ты-то сам на кого спину гнешь? Поделись в двух словах.

— Да вроде и ни на кого. Кручусь там и здесь, пытаюсь всюду помаленьку бабки рубить.

— Понятно.

Иномарка мчалась по Волоколамскому шоссе. Мы миновали Красногорск, Нахабино, Дедовск, подъехали к Снегирям. В конце одной из улиц погруженного во тьму дачного поселка светил яркими огнями двухэтажный кирпичный особняк, огороженный высоким глухим забором. По внешнему виду он очень напоминал тот, что я недавно разглядывал в любительском видеофильме. Из-за ограды доносилась громкая музыка и приглушенные стенами дома оживленные голоса.

У Тереха заблестели глаза.

— Ну, сейчас будут пляски, — потянувшись к рулю, он несколько раз нетерпеливо нажал на клаксон.

Ворота, однако, не открывались. В молчании мы подождали минуту, две.

— А бал давно уже в разгаре, — с явной издевкой прокомментировал Паша.

— Ничего, подключимся. Нужно было сразу сюда катить... — оптимистично парировал Терех и еще раз настойчиво посигналил. Никакого ответного действия опять не последовало.

— Во волки позорные! Прилепились, небось, к своим марухам и ручки шаловливые из-под юбок ленятся вытащить! Придется, Пашуня, корячиться, лезть через забор...

Терех с показным кряхтением выбрался из машины и позвал приятеля:

— Иди, подсади на верхотуру.

Я остался сидеть в салоне.

Еще через пять минут ожидания высоченные створки ворот наконец распахнулись, и довольный Терех махнул Паше рукой.

— Заезжай. Пришлось замок ломом своротить к ядрене фене.

Иномарка медленно въехала на обширный двор, у левого края которого, возле хозяйственных построек, притулилось несколько припорошенных снегом автомобилей.

Терех огляделся.

— А где же новая тачка Михалыча? — и тут же сам себе ответил. — Все! Вижу!

Чуть поодаль, частично скрытый углом сарая, под навесом стоял сверкающий серебристый “Лексус” — огни дома отражались в нем как в зеркале.

— Вот это да, вот это колымага! Ну, Михалыч! — Терех хохотнул. — Слушай, Паша, волки ухом не ведут, может, угоним у них «японца»? — парень подошел вплотную к джипу.

Паша, однако, не разделял веселого настроения кореша.

— Хорош придуриваться! Тебе Михалыч за такие фокусы знаешь чего...

— Ладно, ладно, проехали, — Терех как будто успокоился, поднял руки кверху, но тут же быстро нажал ладонью на капот.

Декабрьская тьма огласилась истошным воем сработавшей сигнализации. У меня чуть уши не заложило. В доме мгновенно что-то переменялось — все так же мажорно гремела музыка, но тон голосов стал другим, в окнах промелькнула какая-то суета — и на крыльце возникла темная фигура с продолговатым предметом в руках. Предмет был приложен к плечу и сиплый яростный голос скомандовал:

— Стоять, падлы! Ни с места! Завалю!

— Михалыч!!! — Терех понял свою ошибку. — Михалыч! Свои! Это я — Веня Терехов!

Мужик вытянул шею, словно всматривался, потом опустил ствол.

— Венька! Паразит! Ты что тут шум наводишь?!

Терех с явным облегчением рассмеялся, поспешил к дому.

— Ну ты даешь, в натуре. Чуть было своих к предкам не отправил...

Они обнялись, похлопали друг друга по спинам.

— Поздравляю, Михалыч, с покупкой!

— Спасибо. А чего раньше не подъехал?

— Да тут такие непонятки закрутились...

— Ого! Чего это у Паши табло так разворочено?

— Попали в небольшое месилово в “Планете”, отмахиваться пришлось... Знакомься вот с корешком! Игорем его зовут. Чувак хоть куда!

— У тебя, Веня, всю дорогу непонятки, — Михалыч, оказавшийся налитым мужиком лет сорока восьми, пристально глянул на меня. Был он хоть и слегка под мухой, но глаза смотрели настороженно. Протянул жесткую широкую ладонь. — Весьма рад. Михалыч. Милости прошу.

Мы тщательно счистили с обуви снег и прошли в просторный холл. В коридоре второго этажа, возле лестничной площадки, мелькнула и скрылась за ближайшей дверью полуголая парочка.

— О! Начало хоть куда! — Терех возбужденно потер руки.

В соседней комнате под гром музыки полным ходом шло веселье — слышался топот, залиvistый женский смех, звон бокалов.

Михалыч распахнул дверь, и я увидел ярко освещенную гостиную, обставленную в современном стиле. Часть комнаты занимала мебель, на которой вольготно разместилось несколько девиц и парней; на другой половине, ближе ко входу, стоял длинный, загроможденной полупустыми бутылками и опустошенными тарелками стол; в простенке

между окнами на экране огромного телевизора расцветал идеально яркими красками модный музыкальный клип.

— Все сожрали уже! — возмутился Терех.

— А ты где был? — с дивана с сигаретой в руках вскочил щупловатый низкорослый малый. — Опять шары катал?

— Что я вижу? — к нам подошел еще один, повыше ростом. — У Паши никак асфальтовая болезнь?

— Хорош бакланить, ребята! — хозяин дома поставил карабин в угол, за платяной шкаф, махнул девицам рукой. — Уберите лишнее со стола, чтоб мы могли по новой присесть. А опоздавшим полагается по штрафной!

Моментально были наполнены три фужера водки и несколько хрустальных стопок.

— Ну, Михалыч, — Терех подмигнул хозяину дома, — чтобы елось и пилось, чтоб хотелось и могло! И, само собой, чтоб твоя новая тачка летала как ласточка! Хоп!

Огненная жидкость полилась в глотки.

— А что, какую девку выбираешь, Игорек? — толкнул меня локтем в бок Терех, зажевывая водку кружком копченой колбасы.

Я огляделся: девочки вокруг были и впрямь ничего — все как на подбор фигуристые, длинноногие, смазливые и улыбчивые.

— Ты подожди, не гони, еще не вечер.

— Это ты прав. Вся ночь впереди.

Бутылки опять пошли по кругу. Все уселись за стол.

— Ты знаешь, Игорек, — Терех наклонился к самому моему уху. Голос его был уже нетвердым, — я не так давно просек основную тему в нашей гиблой житухе: лучше иметь баб продажных, чем сопли с ними размазывать, клеить какие-то планы.

— Так до этого рано или поздно доезжает всякий настоящий мужик.

Мой собеседник пьяно откинул голову, ухмыльнулся и выставил вверх указательный палец.

— Во! За это надо махнуть по маленькой! А то ты там, в кабаке, перед своей расфуфыренной шваброй коньками выписывал...

Пришел черед усмехнуться мне.

— Да эта кошечка так себе, очередной переходящий приз в долгом марафоне. Я на днях такую фею из профессионалок надыбал — закачаешься!... Слышал, конечно, о шалмане, где все камеры по-своему слеплены — под римлян типа там, под азию?..

— Ну.

— Есть у них такая кудесница Натали. Вот, я доложу тебе, сука с бархатным язычком! Нет такого места, куда бы она им не влезла!

— Я ее знаю.

— Знаешь? — пришлось изобразить искреннее удивление.

— Представь себе, и очень даже хорошо. Она до сих пор молотит в том гадюшнике?

— Ну, насчет гадюшника — ты зря. Весьма почтенное заведение. А насчет телки... Куда ей деваться? Да и она, по моему, делает это с ба-альшим удовольствием!

Внезапно над нами навис глыбой Михалыч.

— Ребята, вы не отрывайтесь от компании, пришли ханку пить — пейте вместе со всеми, будьте попроще. Вон как наш красавец Паша.

Разомлевший Паша гладил наливные груди рыжекудрой молодки, лезшей ладошкой ему под рубашку.

Терех поднял на Михалыча осовелые глаза.

— Михалыч, извини. Все сегодня, в натуре, получается как-то наперекосяк.

— Расслабься, Веня, расслабься!

За столом поднимали рюмки с новыми славословиями. Когда Михалыч повернулся к нам широкой спиной и отошел, мой собеседник внезапно помрачнел.

— Братан, что-то мне так погано.

— Не заикливайся, Веня, это реакция на стресс. Выпей и забудь.

— Да уже пил, сколько можно. Я последние дни только и делаю, что пью. И пика у горла здесь ни при чем. Пару недель назад канул чувак с ломом бабок на кармане и конкретно меня подставил перед людьми. Сейчас ума не приложу, как крутиться. Усекаешь?

— Примерно.

— А сегодня, — Терех мельком взглянул на часы, — то есть уже вчера узнал, что одного мерина, который крутился какое-то время с тем чуваком, истыкали заточкой на его же хате, да еще потом загнали ему, дохлому, сажало¹ в зад. Как тебе нравится такой наворот?

Честно говоря, я не ожидал такого бурного выплеска эмоций. Я сидел и не знал, как реагировать.

— Не кисло! Извини, ты уверен, что сделал грамотно, затащив меня с собой на гулянку?

— Что, сдрейфил? — Терех попытался самодовольно ухмыльнуться, но вышла только жалкая, растерянная улыбка. — Ты думаешь, с тобой рядом уже типа жмурик сидит?

Я приложил все силы, чтобы сохранить безразличное лицо. Спокойно посмотрел собеседнику в глаза.

— Почему? Расклад может лечь по-всякому. Авось, выгорит твое палево.

Терех тяжело вздохнул.

— Как знать, как знать.

— Впрочем, коль уж у нас зашел базар на скользкую тему, при желании мы могли бы продолжить его по трезвяку.

---

¹ Сажало (угол.) – заточка.

Скажем, завтра, то есть сегодня. Конечно, в другой обстановке. Въезжаешь?

Терех уставился на меня.

— Я что-то не просеку...

— А что тут просекать? Я тебе ни о чем не кричал, ты ни о чем не слышал. Просто можем встретиться на стороне, перетереть вопрос.

— А толк-то от этого какой?

— Есть серьезные завязки. За долю малую возьмусь помочь разгрузить проблему. Но это строго между нами... А сейчас мы по мере сил включаемся в общее веселье.

19.

Все как будто складывалось неплохо. Через неделю трудов без серьезной посторонней помощи и волей рукотворного случая я оказался внутри полоумной компании. И, более того, Терехов, не вдаваясь, конечно, в подробности, общими словами обрисовал сложившуюся ситуацию. А с его точки зрения она выглядела вполне однозначной.

Выходило, что Никита собрал какие-то деньжата и отвалил с ними в свободное плавание. Веня выразился: “Ума не приложу, как крутиться?” Что означает эта фраза? Что он не в курсе, и кто-то здесь старается помимо него? Или просто ничего ни у кого не получается? А участкового можно похвалить: за семь дней не удосужился пройти сотню метров и организовать элементарный осмотр жилплощади. Зато квартиру почти сразу посетили любопытные личности с весьма характерным словарным запасом...

А вот расправа с Шакальским вызывала пока только вопросы. Кто завалил коммерсанта? Никита (с его подачи) или все-таки сибирские землячки? Я намеренно не дал Тереху высказаться конкретнее на эту тему, хотя и мог бы, пользуясь моментом, осторожными наводящими вопросами вытянуть побольше информации. Но торопиться никогда не следует. Все равно парень изрядно напуган, мечется в поисках выхода и,

скорее всего, готов ухватиться за любую соломинку. Хотя и тут возможны варианты. Например, такой, что Веня, проспавшись, расскажет Михалычу о странных поворотах в полуночном разговоре возле накрытого стола. Необдуманный, на первый взгляд, ход, но и его нельзя сбрасывать со счетов...

Я закурил сигарету и через лобовое стекло уставился на двух молоденьких девиц, в сопровождении кавалера-ровесника шедших на обочине проезжей части и пытавшихся остановить машину. Лица их были свежи, открыты, бесхитростны. Тщедушный долговязый спутник лез из кожи вон, чтобы развеселить подружек, отчаянно жестикулировал руками, изображая в деталях какую-то историю. В конце концов, девицы рассмеялись, забавно держась за животы и гримасничая.

А может, и Марианне нужен такой же вот subtilный вьюноша, готовый поболтать ни о чем, поржать над плоской шуткой, потоптаться на дискотеке под придурковатый рэп, а потом неуклюже подергаться в койке? Зачем ей тридцатилетний громила, обремененный сомнительным прошлым и с тяжким грузом пугающих проблем за спиной? Зачем? И правильно она сделала вчера, когда, поплакав немного, повернулась ко мне спиной да села в такси...

Я набрал городской номер Марианны, чтобы еще раз удостовериться, что ее нет дома, потом взял с сиденья рацию и нажал на кнопку.

— Как там у нас дела, Демон?

— Все тихо-спокойно. В кафе его пока нет. Сидят две парочки студенческого возраста и тетка лет тридцати трех. Сам понимаешь, есть второй выход на лестничную площадку дома. Да... Когда подъезжал к заведению, в ста метрах отсюда, в переулке, видел красную “Ауди” с работающим движком и двумя мужиками в салоне. Сам-то он будет на какой машине?

— Говорил, на темно-синем 530-м “БМВ”. Если это тот, на котором я с ним катался вчера, то госномер — 776.

— Такую тачку в округе не замечал.

— Понятно. Еще раз сделай кружок по кварталу, аккуратно последи за пейзажем, и на этом амба — отправляйся по своим делам, отдыхай.

— Хорошо. Ты уверен, что все будет тип-топ? Может, я останусь и подстрахую?

— Вообще-то встреча должна пройти без неожиданностей. Но если есть время, то после круга возвращайся на мое место, а я тогда припаркуюсь неподалеку от входа.

— О'кей.

Я увидел, как бежевая “семерка” Демона вырулила на проезжую часть и влилась в поток машин.

Мы прибыли заблаговременно на Ленинградский проспект, к кинотеатру “Баку”. Рядом с кинотеатром, в небольшом кафе, расположенном прямо в жилом доме (с улицы был устроен вход в обычную многокомнатную квартиру), и пожелал пообщаться мой новый знакомец Веня. Меры предосторожности с моей стороны были чисто формальными. Вряд ли загнанный в угол парень захочет ставить кого-либо в известность о нашей встрече. По крайней мере, до самого факта разговора. Позже — может быть (в зависимости от результата). Но не теперь. И все же я подтянул для контрнаблюдения Демона. Так, на всякий случай. Вдруг Терех притащит за собой “хвост”? При появлении третьих, неизвестных, лиц выходить на контакт, конечно, не следовало.

Я посмотрел на часы — оставалось шесть минут до обговоренного часа. Движение на улице было довольно оживленным и это в какой-то мере играло мне на руку: “БМВ” — иномарка заметная, а мой “жигуленок” еще попробуй разгляди в толчее таких же сереньких малолитражек.

Внезапно ожила рация.

— Петля, братишка!

— На приеме.

— Засек твоего темно-синего “немца”. “Бэха” пятой серии, номер тот, который ты называл; в салоне парень лет

двадцати восьми, плотный, насколько мог рассмотреть, голова крупная, короткая стрижка...

— Это он.

— Рулит нервно, подрезал “Шкоду”, проскочил перекресток на красный, через минуту будет на месте, подъезжает со стороны кинотеатра.

— Молодец, Демон, грамотно его срисовал! Я жду тебя и сразу передвигаюсь ближе к вывеске. Зайду внутрь после клиента, время в запасе есть. Отбой.

Постарался Вовчик, молоток. Ничего не скажешь, выловил-таки тачку. Навыки грамотного лицензированного охранника видны невооруженным глазом: излагает кратко, не называет в эфире ни координат засечки, ни номера иномарки, ни места прибытия; быстро определяет психологическое состояние объекта...

Над крышами плотно двигавшихся машин мелькнули синие сполохи проблесковых огней реанимобиля, и сырой зимний воздух тотчас разорвал истошный вой сирены: люди в белых халатах торопились довести свой проблемный груз до места назначения.

Я мельком глянул на ярко-желтую крышу медицинского микроавтобуса, приближавшегося по встречной полосе — за ним, где-то совсем рядом, должна была ехать “БМВ” — и тут раздался первый хлопок. Сначала я ничего не сообразил: промчавшийся рядом реанимобиль покрыл ревунем несколько последующих резких звуков. Бах! Бах! Бах! Секундное впечатление было такое, будто чихала выхлопная труба неисправного грузовика. Только, может, чуть-чуть громче...

Однако я уже знал, что дело вовсе не в чем-то неисправном двигателе.

В шестидесяти метрах от меня темно-синяя “БМВ” с выбитым лобовым стеклом на приличной скорости выскочила на разделительную полосу, потом на обочину и врезалась в дерево. От сильного удара капот вздыбился бугром, скрыв от

меня водителя, но я успел заметить его безнадежно поникшую голову, уткнувшуюся в рулевую колонку.

Слегка ошеломленный столь стремительным развитием событий, я несколько мгновений сидел неподвижно, словно еще не веря в случившееся. Потом резко повернул голову, зафиксировал взглядом бешено набирающую скорость красную иномарку с темными силуэтами пассажиров в салоне, и в этот момент из переулка вырулил Вовчик.

— Что за канонада, Игорь? Стреляли?

Я выбрался на свежий воздух, закурил, кивнул в сторону разбитой машины.

— Завалили парня. Как я понял, именно те, из красной “Ауди”, которые сторожили неподалеку.

— Ого, нормальный ход! И ты так спокойно об этом говоришь?

— Да нет, Вова, не спокойно. Тут уж не до успокоения. К тому же тебя втянул в эту поганку... Но как они смогли его вычислить?

— Игорек, братишка, по-моему отсюда нужно когти рвать! И чем быстрее, тем лучше. А ты стоишь и рассуждаешь на отвлеченные темы.

— Да, да, только проедем мимо, посмотрим и — в разные стороны. Считай, что я тебя на это мероприятие не подписывал.

На месте происшествия уже собирался народ. Прохожие с опаской подходили к машине, с нескрываемым любопытством вглядывались в детали, живо обменивались первыми впечатлениями.

Я сел за руль и на малой скорости поехал вдоль обочины: движение немного застопорилось и сзади никто не подгонял.

Один вопрос навязчиво крутился в голове: кто и как сподобился отследить Тереха? Когда мы ночью прикатали на дачу Михалыча, никакого хвоста за нами видно не было. Да и утром по дороге в город я не заметил ничего подозрительного.

Значит... пасли парня не первый день и от дома? Или прослушивали телефон? Тогда и мне все это может аукнуться...

Иномарка стояла, почти уткнувшись смятым передком в толстую липу, от стекла правой дверцы остались лишь мутные рваные края. Голова убитого уже была откинута на подголовник — после столкновения с препятствием сила упругости отбросила назад автомобиль вместе с водителем. За рулем сидел Терех. Лицо легко узнаваемо, только странно было видеть еще недавно живого человека с кровавой отметиной пули возле виска, с полуоткрытым ртом и закрытыми навеки глазами.

Как он спросил меня с жалкой ухмылкой вчера за столом: “Думаешь, с тобой рядом уже типа жмурик сидит?” Оказался прав, бедолага.

Я сделал знак Демону, что ошибки никакой нет, и в машине находится именно тот, с кем я хотел встретиться. Потом, отъехав на пару сотен метров, передал по радиии:

— Огромное тебе спасибо. Виноват, что впутал в эту историю.

— Да ничего, брат. Я-то все равно был как бы сбоку.

— Сам никак не думал, что так может повернуться...

Кстати, ты, часом, не разглядел номер “Ауди”?

— Нет. Далековато было.

— Хотя тачка наверняка угнана... Ну, ладно, отдыхай, позже встретимся и тогда уж оторвемся по полной программе.

Демон рассмеялся.

— Хорошо, ловлю на слове. Бывай здоров. Удачи!

Я нажал на педаль газа и выскочил на Ленинградский проспект. Перед глазами маячило слепое бледное лицо мертвеца с отвисшей нижней челюстью. Какой был смысл убирать Веню? И, главное, кому это понадобилось? Связан ли заказник с недавним финансовым проколом Терехова, или кто-то, неким образом прознав о нашей с ним встрече, подослал специалистов, чтобы избежать возможной утечки формации? Но что, по большому счету, такого уж важного мог сообщить

мне напуганный парень? А с другой стороны, сама акция не выглядела тщательно спланированной: застрелить в движущейся машине на оживленной улице среди бела дня — это еще надо постараться. Да и риск это немалый.

От стремительности, внезапности всего произошедшего и от навязчивых мыслей голова шла кругом. Я остановил машину возле супермаркета и заглянул в торговый зал. Там я взял с полки бутылку “Бифитера”, тоник, какую-то нехитрую закуску. Посмотрел в широкое витринное окно на улицу: моя неказистая “пятерка” одиноко стыла на парковочной площадке магазина. Затем, даже не дойдя до кассы, свернул пробку четырехгранной бутылки и жадно приложился к горлышку. Крепкий сухой джин ободрал глотку и слегка приглушил сумбур в голове.

Смазливая, ярко покрашенная кассирша с любопытством изучала меня. Наверное, со стороны это и впрямь выглядело забавно: явно не маргинальной внешности молодой человек торопливо входит в торговый зал и, схватив за горло тридцатидолларовую посудину с заморским пойлом, делает, тряся кадыком, несколько судорожных немелких глотков...

У машины я еще раз попытался дозвониться до Марианны, но трубку в квартире опять никто не поднял, мобильный же подруги был безнадежно отключен.

Дорога до дома не заняла много времени. Я ехал почти на пределе, рискуя нарваться на неприятности; светофоры угрожающе мигали желтыми глазами, пешеходы испуганно жались к тротуару — но на этот раз пронесло. Крутя баранку и дергая рукоятку переключения скоростей, я вдруг остро ощутил, что переступил-таки некую незримую черту раньше времени, что совсем малый с виду просчет, допущенный мной, может стать по сути провальным. И почему-то сразу же вспомнилась тачка, моментально сорвавшаяся с ночной ресторанной стоянки вслед за такси, которое увозило Марианну...

Едва я открыл квартиру, меня встретил в прихожей пронзительный телефонный звонок. Марианна?

Я подскочил к аппарату, но в трубке дребезжал грубый мужской голос:

— Слушай внимательно, фрайерок. Баба твоя, Марьянка, у нас. Держим в надежном месте. Тебе придется отслонявить двадцать тонн баксов, если хочешь увидеть ее тепленькой. Да поскорее. Сечешь расклад?

У меня перехватило дыхание. Голос невольно дрогнул.

— Ты кто такой?

В ответ хрипло рассмеялись. Действительно, более нелепого вопроса нельзя было придумать.

— Неважно. Ты врубился в то, что я тебе сказал?

— Да.

— Готовь двадцать косых зеленю. Срок три дня. Иначе телку так раздербаним, что мало не покажется.

Я лихорадочно соображал.

— Как с тобой можно связаться?

— Я сам тебе звякну на мобильник. Давай номер.

Совершенно механически я назвал семь цифр.

— Вот и клево. Таким ручным ты мне нравишься. Объявлюсь совсем скоро. Ясно?

— Ясно.

— И не вздумай настучать ментам — твоя мартышка этого не переживет... Да, еще... Впредь поменьше суй свой поганый нос в чужие дела, целее будешь, и бабки на ветер выкидывать не придется...

20.

С полчаса я сидел сжав кулаки, не шевелясь,. Как такое могло случиться? Где и как я прокололся? Когда не заметил, что меня начали элементарно пасти? Я не хотел даже отдаленно представлять, в какой ситуации находится Марианна, но мысли одна мрачнее другой сами лезли в голову. Что они могут с ней сотворить? Да все, что угодно! Огуляют

всей шоблой, вдоволь поизгаляются, а потом... Потом... И никакой выкуп ничего изменить не сможет... Эх, мать твою!

Я вскочил как на пружинах — распускать слюни ни в коем случае нельзя, еще не все так плохо, еще есть в запасе какое-то время. Это наверняка работа ирбитских, а ведь на них в ЦРУБОП полно наводок... Я схватил мобильник и набрал рабочий номер Бахметьева, чего в обычной ситуации, разумеется, делать бы не стал.

— Бахметьев слушает.

— Юра, привет. Звоню тебе по неотложному вопросу. Времени почти нет, поэтому слушай внимательно и постарайся отвечать в тему... Понимаешь меня?

— Подожди, Игорь. Во-первых, здравствуй. А во-вторых, что за пожар? И почему у тебя такой голос? Опять попал в какую-нибудь передрагу?

— Вот именно, попал. Причем конкретно. Радует, что ты употребляешь точные слова... Короче, вариант выпадает крайний, связан он с сибирскими ребятами. А я вчера среди разной чепухи просил тебя узнать, в каком укромном местечке на свежем воздухе можно с ними пересечься...

— Постой, почему чепухи? Всплывают, между прочим, весьма интересные моменты.

— Все это потом, все откладывается пока.

— Ты серьезно?

— Серьезней некуда! Понимаешь?

— Почти. Ты в своем репертуаре!

— Юра, времени, повторяю, мало. В каком месте за городом я могу кого-нибудь из сибирских застать?

— Хм. Я разузнал только о двух точках: по Ярославке, поселок Правдинский, улица Чкалова, 42, и по Дмитровке, поселок Шереметьевский, улица Овражная, 87.

— Так, записал. Премного благодарен! Я отзвоню позже...

— Обожди! Что собираешься делать?

— Ничего особенного. Наведаюсь по адресам и осторожно посмотрю... Ну, ладно, бывай, я еще скоро объявлюсь — возможно, понадобятся маски-шоу¹ со своим спецтранспортом...

Я прервал разговор и тут же связался с Демоном — он, слава богу, уже сидел дома.

— Вовчик, это Игорь. Чем ты там занимаешься?

Демон, казалось, нимало не был удивлен моим внезапным звонком.

— Так, ничем. Раздумываю, идти или не идти в магазин за баклажкой пивка.

— Дилемма трудная! Тебе когда на работу в твой банк?

— Послезавтра. А что? — парень оставался невозмутимым. Черт возьми, нравятся мне такие невозмутимые парни.

— Есть отдельная тема. Нужно бы перетереть, а?

Мой собеседник помолчал.

— Это связано с сегодняшними делами?

— И нет, и да.

— Значит, не по телефону?

— Нет, конечно.

Опять наступила пауза. Наконец Демон откликнулся.

— А что, можно. Как мы с тобой договоримся? Мне надо куда-то ехать?

— Давай встретимся в Тушине, возле метро Сходненская. Там есть подходящее местечко.

— Хорошо, через час подъеду.

Я нажал на клавишу отбоя и вздохнул: где и как я мог проколоться?!

Из дома я вышел, подняв воротник куртки и надвинув кепку почти на глаза, и направился к ближайшей автобусной остановке.

---

¹ Маски-шоу (мол. жрр.) – СОБР.

Вот так удачное знакомство с Терехом! Сколько сил положено на осторожные подкрадывания к сути, кропотливый сбор косвенной информации — ведь с самого начала было ясно, что короткие связи Никиты слишком рискованны для неподготовленных контактов. И все же, как только подвернулась будто бы мотивированная возможность войти в узкий круг, я сразу безоглядно полез в эту непросчитанную комбинацию.

Между тем, откровенный совет ублюдка не совать нос не в свои дела заставлял задуматься. Как видно, Терех давно был заказан и очень плотно опекался, а значит, в поле зрения попадали все контактеры. Рядом с клиентом в последнюю ночь оказались я и моя подруга... Стоп, стоп. Этот вариант с вымогательством двадцати тысяч баксов вообще может быть чистым экспромтом! Ну да, в запретный круг общения с обреченным после потасовки вдруг входит некий субъект с девицей, короткое время перебрасывается репликами. О чем идет разговор, со стороны непонятно, но парни как будто решают продолжить знакомство в общей компании, отделяя от себя дамочку. Чем не идеальный вариант для постановки²? Машина едет вслед за красавицей, выясняется адрес, телефон, а ее спутнику-вахлаку на следующий день выносятся предъява за якобы некорректное застольное поведение в уважаемой компании. Расхожий трюк типичных отморозков... Только в таком случае по телефону должны были и объяснить ситуацию поконкретнее... Но не факт! Диалог-то еще в самом начале... И кто же тогда был приставлен к Тереху? Неужели тот долговязый рыжий?

Я влез в полупустой автобус, сел на заднее сиденье для лучшего обзора салона.

Да, все похоже на поспешно сляпанный экспромт — ну просто не мог я подставиться раньше, слишком аккуратно шел тернистым путем и слишком окольным был мой маршрут.

---

² Постановка (угол.) – обман.

Тогда какие положительные моменты реально вычленить в этой запредельной ситуации?

Конечно, столь грубый наезд, непредсказуемость дальнейших действий беспредельщиков диктовали только один вариант ответа, и на этот счет у меня не возникло ни малейших сомнений. Но с другой стороны (глубоко спрятанная, подспудная мысль), через сибирскую братву, коль скоро они занимались “крышеванием” коммерсантов, дорожка к тайне исчезновения Никиты гораздо короче...

Демон уже ждал меня в своей бежевой “семерке” возле автобусной остановки и, как только я сел в машину, лихо рванул с места.

— Куда едем?

— Сначала сверни во двор, поднимемся в квартиру. А потом уже придется проехать дальше.

Я в который раз набрал номер Марианны, трубку сняла ее мать.

— Здравствуйте. Это Игорь беспокоит. Вы не могли бы позвать к телефону Марианну?

— Здравствуйте, Игорь. Вы знаете, а ее нет дома. Часа три назад ей позвонили, и она ушла. Я, честно сказать, думала, что она поехала к вам. Где же она может быть? Я волнуюсь, уже вечерет...

— Вы ни в коем случае не беспокойтесь, у нее, видно, какие-то еще дела... Скоро она объявится, и сразу же вам перезвонит.

Демон нарушил молчание.

— Ты можешь мне в двух словах объяснить, что стряслось?

— Могу. Если говорить кратко, сегодня днем Марианну, ту девчонку, которую ты видел в казино, увезли в неизвестном направлении какие-то быки и уже требуют с меня бабки.

— Выкуп? Ты серьезно?!

— А то как же! Двадцать тонн баксов.

- Двадцать тысяч?! Вот это да!
- Я сам удивляюсь.
- Но...
- Так просто ничего не случается, верно?
- Да!
- Согласен. Я вчера в кабаке познакомился с пареньком, которого, оказывается, уже пасли, и согласился поехать с ним на вечерок в загородный дом. Там ожидалось море веселья и все такое прочее... Сегодня этого фантика завалили почти у тебя на глазах, а те беспредельщики, которые его кантовали, вынесли мне предьяву.
- Но за что?
- Я так понял – ни за что. За то, что тусовался в его компании. И просто потому, что появилась возможность влегкую бабок срубить!
- Игорь, но так не бывает!
- Бывает, Вова, по-всякому.
- И что ты собираешься делать?
- Есть у меня вариант. Скажу сразу, я сделаю все сам, тебя прошу только подстраховать. Знаешь, когда спина прикрыта, как-то спокойнее на душе. Тем более своим братишкой-спецом.
- Да я, как пионер, всегда готов! Но суть-то в чем?
- Я уже открывал дверь квартиры, пропустил Демона вперед.
- Заходи, Вова, не стесняйся. Суть сейчас будет.
- Я сразу прошел в ванную и вынес оттуда два больших целлофановых мешка, из которых извлек и положил на журнальный столик бесшумный пистолет ПСС¹, небольшой импортный арбалет, компактный автомат “Клин”, стреляющий нож разведчика.
- Ну как тебе суть?

---

¹ ПСС – пистолет самозарядный специальный.

Демон с восхищением смотрел на внушительный арсенал.

— Ну ты даешь! Хранишь все на квартире?

— Так это же съемная хата. Хозяину, пенсионеру, уплачено за полгода вперед. Мои паспортные данные он и не пытался фиксировать.

— Неплохо, неплохо, — Демон вертел в руках арбалет. — Давно я не держал в руках понтowego железа¹... С такой экипировкой можно смело брать приступом закрома родины.

— Можно. Но у нас с тобой будет цель попроще.

Вовчик задумчиво теребил кожаную оснастку стреляющего ножа.

— Старый знакомец... — потом быстро перевел блестящий взгляд на меня. — Ну, выкладывай, Игорь, не тяни, что за расклады, какая конкретная помощь требуется от меня?

Я сел в кресло, показал Демону рукой на другое, закурил сигарету.

— Суть в том, что я почти знаю, кто мог выкинуть такой трюк, знаю, где, предположительно, могут находиться эти типы.

— Значит, предьява все-таки не случайна? А, Игорь? Или ты хочешь, чтобы я помогал втемную?

— Нет, Вова, совсем нет. Я сам не могу разобраться, что здесь не случайно, а что — гнусное стечение обстоятельств. И не договариваю я, поверь, совсем немного. Время еще не пришло.

— Ладно, проехали. Давай дальше.

— Короче, нужно свалиться на дачку, где эти ублюдки зависают и, если там нет девчонки, выбить из них адрес.

— А ты уверен, что, если твоей подружки там нет, они знают где ее искать?

---

¹ Железо (мил., угол.) – оружие.

— Уверен на все сто. В этой коdle, по прикидкам, всего-то около двадцати бойцов.

Демон присвистнул.

— Всего-то!

— Но ты учти: большинство из них в разгоне, носятся по столице, и в загородном доме вряд ли будет больше двух-трех, максимум четырех придурков. Только в случае, если их окажется больше двух, мне потребуется твоя помощь...

— Хорошо, допустим, мы вломились внутрь. И что делаем после того?

— После, когда выйдем адрес?

— Да.

Я усмехнулся.

— В темпе мчимся туда, глушим сторожей, забираем Марианну...

— Глушим — это как?

— Не валим. Просто — бьем по башке.

— А дальше?

— А дальше отдаем их тепленькими СОБРу.

21.

Сбросив скорость до минимальной, Демон взгляделся в белую табличку, едва различимую в темноте на штакетнике.

— Ни хрена не видно... Ни один фонарь не горит. Кажись, попали наконец на улицу Чкалова...

Я попытался через его плечо рассмотреть номер дома.

— Двенадцатый?

— Семнадцатый.

— Тогда проезжаем еще немного и встаем на прикол.

— Темень, хоть глаз коли.

— Так это ж прекрасно. Кому не спится в ночь глухую? Вору, разведчику и х..!

Мы выехали на перекресток, и возле высокого сплошного забора Демон заглушил двигатель. Рядом, за тонкой

дощатой перегородкой, тотчас зашелся глухим злобным лаем сторожевой пес.

— Кавказец надрывается, — ухмыльнулся Демон. — Килограммов под восемьдесят. На нашей точке тоже, наверное, такой медвежонок?

Я ничего не ответил, молча достал с заднего сиденья сумку, расстегнул молнию, деловито рассовал по карманам нож, пистолет, фонарик, протянул Демону “Клин” с накрученным на ствол глушителем, черную маску.

— Маски оденем перед самым входом в дом. Ствол желательно в дело не пускать.

— Ну это само собой!

Потом я аккуратно извлек сверток с куском отравленного мяса.

— А вот и лакомство для нашего четвероногого друга.

Мы выбрались из машины и пошли по улице. Вокруг стояла удивительная тишина, лишь изредка прерываемая одиночными взбредиваниями полусонных собак. Дома, заборы, деревья, кусты почернели от влаги — началась очередная оттепель.

Большинство дач пустовало: закрытые ставнями слепые окна, общий оставленный вид. Зато над несколькими трубами клубился белесый дымок, в комнатах горел свет.

Дом под номером 42 также был обнесен глухим двухметровым забором, над которым виднелась часть верхнего этажа и крытая листовым железом крыша. Окна наверху были темны, но из трубы густо валил дым, а из дома доносилась негромкая музыка.

Мы с Демоном переглянулись.

— Значит, дело будет.

Из-за забора донесся захлебывающийся лай, тоже злобный, но немного другой тональности.

— А это немец, и, причем, уже спущенный с цепи, — молниеносно определил Демон.

— Что радует: значит, в доме только свои и встречать никого из посторонних не собираются.

Я быстро отогнул края фольги и, ориентируясь на звук, бросил мясо немного в стороне от собаки. Лай мгновенно прекратился, мы слышали, как пес побежал обнюхивать неизвестно откуда появившееся угощение.

— Думаешь, возьмет?

— Смотря, чему его обучали, если обучали вообще... Вряд ли здесь держат натасканного пса.

И действительно, скоро мы услышали громкое усердное чавканье.

— Теперь подождем пять-семь минут, и можно будет брать пацанов тепленькими.

Я огляделся по сторонам. Улица по-прежнему была пустынна, ближайшая обитаемая дача светилась окнами в ста метрах от нас.

— Постой пока здесь, а я схожу до угла участка, гляну через забор, сориентируюсь, потом дам тебе знак лезть во двор.

Я дошел до угла, осторожно ощупал руками верхний край забора и, убедившись, что на нем нет ни битого стекла, ни торчащих гвоздей, подтянулся и обвел глазами двор. Он был довольно обширный. Посередине располагался внушительных размеров двухэтажный рубленый дом, а в глубине участка находился еще один, поменьше, на котором лежал слабый отсвет зажженной в дальней комнате люстры; фасадные окна основного дома были темны. Возле ворот стояла машина, судя по очертаниям, подержанная иномарка, и рядом с ней я разглядел серый комок конвульсивно дергавшейся собаки.

Я спрыгнул вниз и подал знак Демону, чтобы он ничего не предпринимал, дождался меня.

Подойдя к нему, я коротко описал обстановку.

— Пёс уже кончается. Но полезем мы с твоего угла: в ближних комнатах света нет и двор оттуда просматривается как на ладони.

Мы постояли еще пару минут. Со стороны ворот, с того места, где издыхала собака, слышался еле различимый свист, потом и он стих.

— Всё, поехали.

Мы почти одновременно взобрались на гребень забора и тихо спустились вниз. Из темного угла дом казался совершенно нежилым: света ниоткуда не было видно, музыка смолкла, даже дым над трубой на фоне темно-серого неба был неразличим.

Я сжал Демону руку, и мы оба замерли. Что все это значит? Братки насторожились, не слыша лая своего бдительного сторожа? Вряд ли. Слишком мало еще времени прошло с тех пор, как он застыл на мокром снегу бесформенным комком. Тогда что?

Натянув маски, мы гуськом двинулись вдоль забора, рискуя поскользнуться на подтаявшем насте, и скоро достигли задней стены дома. Неяркий свет лампы по-прежнему падал на блестящий снег, на кусты, на приземистый флигель. Снова заиграла медленная мелодия, и по комнате пробежали темные сполохи.

Я подкрался к окну: за низким столиком, недалеко от горевшего камина сидели два парня и держали в руках игральные карты; третий направлялся к выходу. Я выглянул из-за угла, подал Демону знак: “Внимание! Бери человека на себя”. Он кивнул.

Шаги прогрохотали по коридору, и дверь на черное крыльцо со скрипом распахнулась.

Затаившись, я стоял за углом совсем рядом и отчетливо слышал каждый звук. Сначала затрещала застежка zipper, потом мощная струя ударила в снег. Едва она успела оборваться, ее сменил короткий приглушенный шлепок — так стучат себе по лбу, когда о чем-нибудь вспоминают. Я вышел из-за укрытия и, увидев Демона, заботливо поддерживавшего обмякшего паренька под мышки, молча поднял кверху большой палец.

Совместными усилиями, возможно более бесшумно и быстро, мы усадили молодого человека на пол в коридоре и двинулись по направлению к комнате. Демон жарко задышал мне в ухо:

— По-моему, кроме этих гавриков, в доме и на участке никого больше нет.

Я согласно кивнул.

Без единого звука мы вошли в комнату и несколько секунд стояли в масках, с наведенными на игроков стволами и слушали томную мелодию, лившуюся из динамиков, да тихое потрескивание поленьев в огне. Потом картежники одновременно повернулись к нам и обомлели. У того, что сидел справа, более хлипкого на вид, отвисла и затряслась челюсть, другой побелел как полотно.

Я закрыл левой ладонью рот, показывая, чтобы они вели себя смиренно, потом, отняв ее, едва шевеля губами, спросил:

— В доме, в этом и соседнем, еще кто-нибудь есть?

Худой, трясая челюстью, также еле слышно ответил:

— Н-нет.

Второй, побледневший, оказался-таки парень не промах, совсем недолго пребывал в ступоре, и через мгновение уже тянул ручки к обреза, лежавшему на диване. Я с размаху впечатал рифленую подошву ботинка ему в скулу и обернулся к Демону.

— Тащи сюда третьего.

Мы проворно прикрутили парочку проводами и скотчем, который попался кстати под руку, к креслам, а дохлый в это время все продолжал мелко-мелко трястись.

Я не стал откладывать дело в долгий ящик.

— Где баба, которую ваши взяли сегодня днем?

На меня смотрели пронзительные глаза с расширенными от ужаса зрачками.

— К-какая б-баба?

— Телка, которую уволокли сегодня ваши и требуют за нее лавэ? Ну?

— Т-телка? Н-не знаю!

Я быстро переглянулся с Демоном, потом опять вернулся к животрепещущей теме:

— Я с тобой, сучий потрох, знаешь, что сделаю, перед тем как замочить? — я с силой упер ствол пистолета в его дергавшийся кадык.

Жалобно перекосив рот, хлипкий зажмурился.

— Я, правда, не знаю! Спроси вон у Борика, он был сегодня в городе.

— У которого?

— У этого, — трясущийся палец указал на парнишку, получившего удар ногой в челюсть.

Я начал яростно хлестать по щекам отключившегося Борика. Скоро он поднял набрякшие веки и уперся в меня мутным взглядом. Я прищемил ботинком его прикрученные к подлокотнику кресла распухшие пальцы.

— Где баба, которую сегодня ваши взяли в городе?

Малый дернулся от боли, но рта не разжал.

— Я вижу, землячок, ты парень упертый. Но я тебя все равно до задницы расколю!

Я надавил ботинком сильнее, приблизил к его глазам взведенный пистолет.

— Я не буду тебя палить утюгом, натягивать на голову целлофановый мешок, есть способы покруче! Так ведь. Демон?

— А то!

— Сейчас ты у меня залезешь в петлю и будешь дрыгать ногами, пока до пола не достанешь!

Борик с ненавистью смотрел на меня.

Для продолжения разговора я отвесил ему пару оплеух, норовя сильнее ударить по ушибленной челюсти.

В уголках глаз братка выступили слезы..

— Ну! Говори!

— В Текстильщиках... На хате...

— Где именно?

— Газгольдерная улица...

- Дом? Квартира?
- Дом шестнадцать, квартира 77...
- Этаж?
- Второй...
- Сколько человек ее пасут?
- Должны двое...
- Квартира какая?
- Двухкомнатная...
- Кто еще может туда подъехать?
- Пока никто...
- Кто звонил хахалю бабы насчет лавэ?
- Нефед...
- Он там?
- Должен быть там...
- Вот и чудненько!

Я потянул Демона за рукав в коридор.

— Время дорого, Вова. Сейчас ты их качественно связываешь, а я пока осматриваю дом. Потом штабелями складываем их в подвал и рвем когти на Газгольдерную. На все про все у нас с тобой не больше десяти минут.

— Добро, Петля.

Я в темпе обежал комнаты первого этажа, включая везде свет на несколько секунд. Меня интересовало прежде всего, как помещения подготовлены к жилью, наличие и количество спальных мест — по этим деталям можно было судить, насколько активно дом эксплуатируется бандой в качестве базы. Когда я поднимался по крутой лестнице на второй этаж, по потолку внезапно скользнули неяркие сполохи света. Кого это еще сюда несет? Никак подкрепление? Я приник к ромбовидному слуховому окну: внизу, по дороге, медленно двигалась легковая автомашина; ярко горевшие фары мешали разглядеть, какой она марки. Пока легковушка была еще относительно далеко, она находилась в поле моего зрения, а затем скрылась за сплошной оградой нашего участка. Я напряженно прислушивался к гулу мотора, ожидая, что он вот-

вот стихнет возле ворот. Но он все длился и длился — наконец, с другой стороны забора показался сначала тонкий конус света, а затем и серая “Волга”. Я с облегчением вздохнул: эти явно не по нашему адресу.

На втором этаже оказалось почти то же самое: общая скудная мебелировка, продавленные запыленные диваны и кровати с минимумом одеял и постельного белья — короче, вид достаточно нежилой.

Я вернулся в гостиную, где Демон уже заканчивал пеленать невезунчиков. Все трое, с заклеенными скотчем ртами, часто моргая, испуганно таращились на нас. У того из них, кто выходил на улицу по малой нужде, мужское хозяйство так и осталось не заправленным в брюки. Я оглядел стол — выпивку, разнообразную закуску, рассыпавшуюся колоду карт; опустил в карман лежавший тут же мобильный телефон; обрез охотничьего ружья оставил на диване.

— Всё. Потащили их в яму.

Мы подняли, как куль, мычавшего и извивавшегося Борика, вынесли в коридор и сбросили в подвальный люк. То же проделали и с остальными. Крышку придавили сверху старым шкафом.

— Что за движок шумел на улице только-только? Проезжала какая-то тачка? — Демон ловко выбил щелчком сигарету из полной пачки “Мальборо” и закурил.

— Да. Светлая “Волга”. Доехала до конца улицы и свернула куда-то. Не наши клиенты.

— А я уж думал, придется попробовать в действии твою фирменную железку, — усмехаясь, Демон свинчивал глушитель со ствола пистолета-пулемета. — Правда, сразу допер, что шухер ложный — пацаны на шум никак не отреагировали...

— Значит, никого не ждали. Это хорошо.

Оставив свет в гостиной, мы вышли на заднее крыльцо. Вокруг была та же тишина, так же вкрадчиво текла вода с

деревьев и крыш и редко взбрехивали где-то полусонные собаки.

Я достал из кармана нож и продырявил у стоявшей во дворе иномарки все колеса.

— А теперь ломимся в Текстильщики за Марианной.

22.

— Ты знаешь, а мне понравилось, — заговорил, наконец, Демон, когда мы выехали на Ярославское шоссе. — Кровь разгоняет. А то я совсем засиделся в этом занюханном банке.

Я аккуратно разобрал “Клин” и уложил его в сумку, убрал туда же нож, пистолет переложил во внутренний карман куртки: хотя время было не позднее и “семерка” — машина неброская, неинтересная для дорожно-постовой службы, — все же лучше, когда вещи лежат на своих местах.

— Согласен с тобой на все сто, мероприятие живое, интересное. Но есть здесь и негативные моменты.

— Конечно, есть, кто спорит? В том-то и суть! Однако лихо ты расколлот того корефана. По-моему, ты ему челюсть своротил... Что, в самом деле сунул бы его в петлю?

— А что ж с ним цацкаться, что ли? Он сам себе выбрал такую судьбину. Пришлось бы, конечно, применить подзабытые навыки... Ты помнишь, как нас учили форсированному допросу пленных?

— Такое не забывается.

— Ну вот, а еще спрашиваешь!

— Концовочку только я недопонял. Ты оставил братков под сапоги СОБРа?

— Точно. Дружбан из ГУВД обещал с этим пособить. На хате у них, как минимум, ствол, а может, и еще чего. Мне некогда было смотреть, но дом явно снят не только для жилья. Так что пацаны сразу поедут на кичман, в изолятор временного содержания... Ух ты!

— Что такое? – Демон даже вздрогнул от неожиданности, отчего машину слегка повело в сторону.

— Забыл включить мобильник! Мне же должен звонить тот придурок, как его? Нефед, что ли...

Тотчас мелодично затренькал телефон. И в трубке задребезжал легко узнаваемый хриплый голос:

— Ты где болтаешься, фрайерок? Битый час не могу тебя достать!

— Ищу башли, любезный.

— Ты чё, в натуре, гонишь? Какой любезный?

— Бабки, говорю, ищу.

— Вот это другой понт. У тебя уже день прошел. Осталось два. Понял?

— Понял. Но, надеюсь, мы встретимся раньше.

— Это дело твое. Главное, чтобы без лажи. И безо всяких левых затей.

— Что ты! Ни боже мой. Девочка в порядке?

Нефед рыгнул в трубку.

— Да... пока. Шевелись. Завтра с утра звоню.

Я отключил телефон, повернулся к Демону.

— Ну как тебе трёп? Тема?

Демон покачал головой.

— Ублюдок! Судя по погонялу и базару — не синий¹, хотя усиленно под него косит. Вот бы Зора на него!

— Зорева? Кольку?

— Его. Он сейчас проездом в Москве.

— В Москве?

— Да. В отпуске из Чечни. Зор же теперь у нас капитан, командир разведроты. Воевал в первую войну, потом отправился на вторую.

— Ого. Значит, умелец еще тот. А что ж он не объявился, не позвонил даже?

---

¹ Синий (угол.) – уголовник.

- У него сейчас чернуха – ребята недавно на “бэтээре” подорвались на фугасе...
- Это тяжко. Но ты с ним связь держишь?
- Держу.
- Хорошо. Надо состыковаться.

Мы миновали виадук кольцевой железной дороги, до Газгольдерной было рукой подать.

— Слушай внимательно. Сейчас мы выкруливаем к дому, медленно едем вдоль фасада, засекаем подъезд, квартиру. После, в зависимости от того, куда выходят окна, ты ставишь тачку на парковочную площадку.

— Понял. Вон та девятиэтажка!

Я пристально оглядел дом. Время приближалось к десяти вечера, и чуть меньше половины окон были освещены.

Машина ползла вдоль тротуара: пятый, четвертый, третий подъезд...

— Вот здесь. Три окна, раз квартира двухкомнатная, на втором этаже справа от лестничной клетки... Ставь тачку вон туда, на пригорок, у бельевой площадки.

Демон аккуратно въехал на пустующий асфальтированный пяточок.

— Ну ты даешь, виртуоз!

Я уже доставал подслушивающую аппаратуру, скомпонованную как обычная бытовая видеочка. Наводишь на цель объектив, то бишь невидимый лазерный луч, щелкаешь кнопкой, и за сотню-другую метров можешь контролировать разговоры, не предназначенные для чужих ушей.

Переключив микрофон на режим внешней трансляции, я припал к окуляру. Два окна были освещены, третье зияло черным провалом — им я и заинтересовался в первую очередь.

Сначала из темноты не было слышно ничего. Потом раздался слабый металлический звук, как будто зазвенела цепочка наручников, и вслед за ним сдавленный, приглушенный всхлип.

Я сжал зубы и перевел кружок визира на следующее окно, судя по широкой раме, окно большой комнаты.

Чувствительная мембрана сразу же бодро забормотала голосом спортивного телеведущего, комментировавшего хоккейный матч, которого перебили громкие голоса.

— Представляешь, только почую, что баба идет в отказняк, морду воротит, сжимает ноги, сразу силы куда-то деваются: ну, не могу вставить, и все, хоть ты меня режь! Как будто датчик какой в башке срабатывает: “Внимание обладателю члена! Ваши действия могут быть квалифицированы как изнасилование!” И ту же вырубается напруга...

Молодой негодующий голос прервал хриплый отрывистый смех.

— Не, ну ты, ваще, в натуре, фуфло гонишь! Весь смак в том и есть, чтобы баба верещала, когда ее жучишь. Прикинь сам, она воеет, губками кривит, дерет тебя когтями, а ты ей туда свое полено бздынь! Смотришь, закатила шнифты, притухла... Раз двадцать качнул, и уже зубки скрипят тише, дыхалка сопит ровнее и вроде как сама тебе начинает подворачивать! А? Ха-ха!.. Нет, Гоша, много ты теряешь, если от такого кайфа балду воротишь... Но ничего. Сорвем с этого фрайерка монету, а бабу ему оставим покоцанную... Подожди денек, Артур даст отмашку, мы еще с тобой отстреляемся на этой красючке...

В микрофоне послышалось щелканье зажигалки. Я переключил свое внимание на третье окно — там было тихо, только монотонно работал компрессор холодильника.

— Значит так, Вова. Базар ты слышал, в расклад вник: двое сидят в дальней комнате, Марианна — в ближней, в темноте, наверное, пристегнутая наручниками к батарее; на кухне никого нет. Я сейчас снимаю куртку и в рубашке подхожу к дверному глазку — типа, сосед снизу, которого заливаает. Ты садись со стволом на корточках за моей спиной. Как только слышишь щелчок замка, вскакиваешь и через порог берешь на мушку коридор, в конце которого, возможно, будет

находиться страхующий... Фантика у двери я кантую сам. А потом посмотрим.

— А если они не откроют?

— Еще как откроют!

— Вот гнусы!

Мы вышли из машины и уже через минуту стояли у двери нужной квартиры. Вернее, стоял я, а Демон сидел на корточках, держа пистолет наготове.

Немного послушав звуки, едва-едва доносившиеся изнутри, я с силой утопил кнопку звонка. Минуло не меньше полуминуты, показавшейся вечностью, пока я не заметил, как кто-то не отрываясь смотрит в глазок, и сразу же из-за двери донесся недовольный мужской голос.

— Чего надо?

Я расстегнул ворот у рубашки, изображая жильца дома.

— Ты, урод гнойный, козел вонючий, что у тебя там творится на кухне? Весь потолок залило...

— Че-его-о-о?

Замок щелкнул, дверь начала открываться. Я что было сил шибанул в нее плечом, ввалился в прихожую и справа приложил кастетом опешившего чернявого парня. Мимо меня, грохоча ботинками по коридору, к дальней комнате пронесся Демон.

— Сидеть! Не дергаться!

Я наклонился над своим клиентом и убедился, что он в глубокой отключке, поднял голову, увидел Демона со вскинутым стволом, направленным куда-то в гостиную, аккуратно прикрыл за собой входную дверь. Ну, теперь поговорим.

Но прежде нужно было хотя бы на секунду заглянуть к Марианне, успокоить девчонку.

Я распахнул дверь в маленькую комнату, включил свет и увидел подругу, сидевшую на старом заляпанном пятнами матрасе, у окна, рядом с батареей отопления.

— Это я, милая, не беспокойся! Сейчас мы отсюда уйдем, только обожди минутку!

Марианна закрылась ладонью от яркого света, потом глянула на меня своими пронзительными серыми глазами.

— Игорь!!!

— Извини, подожди немного!

Я отшатнулся в коридор и быстро перешел в большую комнату. Демон по-прежнему держал на мушке рябоватого темнолицего субъекта, тарасившегося на него с застывшей наглой ухмылкой. Ни слова не говоря, я подскочил к мужику и с правой ноги, ударом в нос отправил его вместе с креслом, на котором тот сидел, на пол.

— Вот так-то лучше.

— Ты уж постарайся не греметь, — Демон поморщился, — чтобы у соседей не возникло ненужных вопросов! И так здесь чересчур шумно...

— Понял, теперь будет тихо, как на кладбище, — я достал из чехла и подал Демону наручники. — Пристегни-ка этого подонка обеими руками к батарее, а я тем временем подтащу сюда другого. Сейчас мы конкретно ими займемся!

Я вернулся к Марианне и освободил ее от браслетов. Девушка порывисто бросилась ко мне и разрыдалась на плече.

— Ладно, ладно, будет тебе. Все уже позади.

— Игорь! Игорь! Как я испугалась! Кто это такие? Что им от тебя нужно?

Я взял ее заплаканное лицо в ладони.

— Успокойся, успокойся! Они с тобой плохо обращались?

— Нет... Кто они? Что им от тебя нужно?

Я с облегчением вздохнул.

— Ну, слава богу! Тогда все не так страшно...

— Почему ты мне не отвечаешь? Почему?

Я обнял Марианну за худенькие плечи.

— Ты им что-нибудь рассказывала обо мне?

Она отрицательно замотала головой.

— Совсем ничего?
— Соврала что-то.
— Молодец... Я тебе все объясню. Все. Но немного позже... Извини, нужно положить одного ублюдка к другому, чтоб смирнее были. А ты иди, попей пока водички на кухне.

Чернявый все еще лежал в коридоре без движения. На лбу парня набухла огромная багровая шишка. Я прикоснулся пальцами к его шее — пульс слабо, но прощупывался, значит, пока потрепыхается. Потом взял бандюка за щиколотки и волоком потянул в гостиную. Там Демон приводил в чувство рябоватого, у которого весь низ лица был залит темной кровью.

— Ты и этому носяру своротил, умелец.

— Ничего, до свадьбы заживет.

— До какой свадьбы?

— До случки с глиномесом¹ на зоне.

Мы оба в голос загоготали.

Нефед с трудом разлепил глаза.

— Кранты вам, ребята.

— Что? Что ты там прошамкал? — я схватил его за ухо, чтобы не испачкаться кровью. — Да я тебе щас...

— Игорь!

Я моментально обернулся. В дверях с искаженным от ужаса лицом стояла Марианна.

— Игорь! Что ты делаешь?

Пришлось отпустить ухо ублюдка.

— Демон, отведи ее в машину, и сам с ней немного посиди. Не нужно ей видеть всего этого... А я скоро к вам присоединюсь.

— Пойдем, пойдем, Марианна.

— Но что он с ним хочет делать? — голос подруги звенел уже в коридоре.

— Ничего, просто поучит немного.

---

¹ Глиномес (угол.) – активный гомосексуалист.

— Да, да, легонько отшлепаю, а потом отпущу погулять, — пробормотал я себе под нос. Затем громче добавил: — Ты, Вова, закрой за собой аккуратно дверь и внизу поглядывай. В случае чего дай знать. И обязательно отзовоните маме, что у дочери все в порядке.

— Понял. Мы ушли. Долго не задерживайся.

В прихожей хлопнула входная дверь, и я остался наедине с сибирскими братками. Молодой уже шевелился, Нефед зыркал красными глазами по комнате.

— Что глазками смыкаешь? Грамотно я тебя вычислил, придурок?

— Кранты теперь тебе, фрайерок.

Я наклонился к нему, взял его за окровавленный подбородок, тряхнул.

— Жало¹ свое завари, а не то прямо сейчас сдохнешь.

Оттолкнув его физиономию, я вытер пальцы о его же одежду и отошел к мебельной стенке.

— Ладно, базарить с тобой долго мне нечего, — я выдвинул несколько ящичков один за другим. — Кто заказал наезд? Кому я перешел дорожку?

Нефед молчал. Я продолжал осмотр комнаты.

— О, неплохо! — среди одежды в шкафу стоял снаряженный магазином АКМ. — Что, гнида, так и будем в молчанку играть?

Нефед усмехнулся. Эта нахальная усмешка на разбитой бандитской морде слегка вывела меня из равновесия. Я шагнул к нему, оттянул на виске волосы и чиркнул зажигалкой. Сразу запахло паленым: волосы медленно, с легким треском загорелись. Когда огонь дошел до кожи, Нефед дернулся всем телом, замотал головой, пытаясь погасить пламя, с натугой выдавил из себя:

— Хорош, хорош, в натуре, я в сознанке.

---

¹ Жало (угол.) – рот; завари жало – заткнись.

Я притушил уже порядком разошедшийся огонь ботинком.

— Вот и славненько. А то я, грешным делом, подумал, что придется поджаривать твои кругляши. Ну?

— Артур сказал сцапать твою девку.

— Артур, который у вас за козырного?

— Вроде того.

— Почему именно мою, а не чью другую?

— Это спроси у него, он мне не докладывал.

— Как его найти?

— Тебе его не надыбать.

— Ой ли!

— Я не в курсах, где он кантуется.

— Допустим. Как связываешься с ним?

— Он всегда сам звонит на “трубу”.

— На эту? — я поднял с пола валявшийся мобильный телефон.

— Да.

— Когда должен объявиться в следующий раз?

— Не знаю. Может, сегодня.

— Ладно, на том базар вяжем.

Я убрал трубку мобильного в карман и вышел из комнаты. Больше мне ничего не нужно было в этой квартире.

Спускаясь по лестнице, я связался по рации с Демоном.

— Все тип-топ?

— Все чисто.

— Ты стоишь в той же точке?

— Там.

— Подъезжай, заберешь меня от парадной.

По пути к машине я лихорадочно соображал, что делать дальше. Честно говоря, мне бы хотелось, чтобы на этом возня с ирбитскими резко пошла на убыль. А тут получалось, что в курсе всей ситуации только шишкарь кодлы Артур. Почему он велел забрать Марианну? Действительно ли, чтобы попользоваться стечением обстоятельств и влегкую срубить

монет? Или... Вот это “или” можно было узнать лишь у самого Артура. Но как на него выйти? Проверить адрес в Шереметьевском поселке? А не такая ли там гиблая точка, как и в Правдинском, — для рядовых быков? Вычислить мобильный телефон через оператора сотовой связи (с помощью ведомства Бахметьева или банальной взятки)? Долго и муторно в первом случае и побыстрее, но очень проблематично во втором. Может, отозваться на звонок? Но надо так подверстать разговор, чтобы гарантированно вытащить Артура на стрелку. Как это обустроить? Что нужно наплести козырному, какое фуфло прогнать, чтобы он клюнул на мое предложение о встрече?

Я вышел из подъезда и сел на заднее сиденье стоявшей напротив “семерки”, рядом с Марианной.

Она выглядела на удивление спокойной. Я дал знак Демону, что можно отправляться в путь.

— Ты позвонила маме?

— Да. Я хочу домой.

— Сейчас, к сожалению, домой ехать нельзя.

— Почему?

— Сперва нужно выяснить, что это был за наезд. Для меня он оказался совершенно неожиданным.

— И где же я теперь буду жить?

— На съемной и довольно-таки благоустроенной квартире.

— А ты?

— Если ты не против, там же.

Девушка отвернулась, потом, выдержав паузу, спросила:

— И долго ты намереваешься выяснять с кем-то отношения?

— Нет. Совсем нет. Думаю, несколько дней.

— Они не навредят за это время моим родителям?

— Исключено.

В салоне опять повисла тягостная тишина. Но, наверное, в запасе у меня было не так много минут.

— Послушай, я, конечно, очень виноват перед тобой...
— Игорь, не надо.
— Они с тобой плохо обращались?
— Я тебе уже говорила, что нет!
— Но как им удалось увезти тебя?
— Как, как! Очень просто! Я сама села к ним в машину.

— Сама?

— А что мне оставалось делать, если утром мне позвонили и спросили, не я ли была свидетельницей вчерашней потасовки в бильярдной “Планеты Голливуд”? Когда я подтвердила, сказали, что мой друг попал в затруднительное положение и не могла бы я в связи с этим подъехать к метро “Волгоградский проспект” во столько-то...

— И ты клюнула?

— Я была в шоке. Я видела, в каком агрессивном состоянии ты ни с того ни с сего вечером бросился в драку... А потом эти скандалисты приглашали тебя с собой пьянствовать... Ну и что мне, по-твоему, оставалось после этого думать? Я, повторяю, была просто в шоке.

— Понятно.

Я помолчал. Так, значит, имен никаких названо не было? Это было бы неплохой новостью.

— А тебя не насторожило, что к тебе не обращаются по имени? Звонившие ведь не называли твоего имени?

— Я была в шоке и ни на что не обращала внимания. Способен ты понять это или нет? Уже только потом вспомнила, когда меня приковали к батарее наручниками...

— Успокойся, успокойся, милая. Все уже позади. Хорошо то, что хорошо кончается.

Я позвонил домой Бахметьеву.

— Юра? Ничего, что я так поздно?

— Игорь, ты где? Что ты там вытворяешь?

— Я? Почти ничего. Только зачистил пару адресов.

— Что?? Ты выезжал по адресам, которые я называл?

— Да, по одному. Второй я узнал сам... Но вел себя вполне корректно. Только связал постояльцев и заклеил им скотчем рты.

— Ну ты даешь! Опять взялся за свое? Ты соображаешь хоть, что делаешь?

— Очень даже. Но эмоции побоку... Слушай, нужно, по возможности, срочно подогнать маски-шоу в Правдинский поселок и на улицу Газгольдерная (я назвал точный адрес), это недалеко от Текстильщиков. На обеих хатах стволы и, наверняка, много еще чего интересного.

— Почему ты так уверен?

— Потому. Я ничего не искал. Братки охамели — держат оружие в доме открыто. Я, например, видел обрез охотничьего ружья и автомат Калашникова.

Бахметьев как будто немного поостыл.

— Ладно, постараюсь организовать выезд. Не уверен, удастся ли — время позднее...

— А ты очень постарайся. Скажи начальству, чтоб торопились — улов будет неплохой. И передай, чтоб все делали тихо: ближе к ночи на точках могут еще появиться люди.

— Ладно, ладно. Надеюсь, то, чем ты так внезапно занялся, имеет прямое отношение к нашему делу.

— На этот счет даже не сомневайся! Буду держать тебя в курсе событий. Пока.

Я выглянул в окно. Машина ехала по улице Свободы. Марианна, уткнув подбородок в обмотанный вокруг шеи шарф, усиленно изучала свои ногти. Я накрыл ладонью ее ладонь.

— Совсем скоро уже будем дома. Там ты можешь ни о чем не беспокоиться, — сказал, и почувствовал, как дрогнула ее рука.

Когда мы подъезжали к дому на бульваре Яна Райниса, во внутреннем кармане куртки мелодично затренькал один из мобильных телефонов. Я достал трубку, сказал, подражая голосу Нефеда:

— Алё?

— Нефед, что за дела? Почему молчат псы в Правдинском? Что с терпилой? Ведется?

— Момент, — я подал знак Демону остановиться, быстро выбрался из машины и отошел в сторону.

— Это не Нефед. Слушай сюда. Бабу с блатхаты я снял. Пять твоих пацанов у меня, стволы и кое-что из нычек¹ тоже. Что будем мерекать²?

Абонент замолчал. Пауза длилась несколько томительных секунд.

— Кто ты такой?

— Тот, кого ты хотел развести на двадцать косых.

— Что тебе надо?

— Это не по телефону.

— Место? Время?

— Завтра в Серебряном Бору. Знаешь, где трасса для кроссовых мотоциклов?

— Ну.

— Триста метров за прожекторной вышкой, на пустыре. В час дня я там буду в темно-синей “пятерке”. Всё.

После разговора я проверил мобильный телефон правдинских пацанов — аккумулятор трубки был полностью разряжен.

23.

В какие-то два дня все встало с ног на голову. Теперь я был вынужден идти на крайнее обострение ситуации по той простой причине, что других способов ее уладить не просматривалось. Что с того, что я увез бы Марианну на съемную квартиру и разрешил бы ей звонить родственникам только по мобильному телефону или из таксофона? Возможно, это на некоторое время и вывело бы ее из-под удара. Но

---

¹ Нычка (угол.) – тайник.

² Мерекать (угол.) – думать.

ирбитские, резкие и скорые на дела ребята, немедленно взялись бы за ее родителей. А кто знает, на какие трюки они еще были способны?

Поэтому, в сущности, выбора у меня не было.

Поздно вечером, отправив измученную треволнениями Марианну в постель, я уединился на кухне с Демоном и, ничего уже не скрывая, обрисовал сложившуюся ситуацию, просил его с раннего утра связаться с Зором. Во время нашего разговора, за полночь, позвонил Бахметьев и сообщил, что обе хаты грамотно отработаны: при обысках найдены оружие, разовые дозы наркоты; а кроме того, задержаны четверо подъехавших вскоре гонцов, у которых тоже оказались стволы. Причем все сделано тихо, без лишнего шума и суеты.

Это известие отчасти меня порадовало: важно было как можно дольше держать Артура в неведении. Хотя возникала небольшая вероятность того, что сбитый с толку главарь может в Серебряный Бор попросту не явиться...

Утром, отдохнув лишь три-четыре часа, мы с Демоном принимали в гостях Зора, улыбчивого дюжего мужика с обветренным смуглым лицом и острым, внимательным взглядом слегка прищуренных глаз.

— Ну, здорово, Петля, здорово, братишка! Сколько лет сколько зим!

Объятия капитана были крепкими.

— Здорово, кэп. Ты, говорят, преуспел в нашем ремесле? Гоняешь “чехов”¹ по горам?

Зор не переставал улыбаться.

— Есть такое дело.

— А мы тут в каменных джунглях тоже пытаемся не терять квалификацию.

— Что, возникли какие-то проблемы?

Я подмигнул Демону.

---

¹ Чехи (арм. жрр.) – чеченцы.

— Вот! Сразу видно военного: вопрос в лоб и по существу.

Дверь из комнаты приоткрылась, и в прихожую выглянула Марианна.

— Здравствуйте, — очень учтиво поздоровался Зор и кивком склонил стриженую голову.

— Здравствуйте, — внимательно изучая вошедшего, ответила подруга.

— Коля, проходи на кухню, — я показал Зору на другую дверь и обратился к Марианне. — Мы обсудим одну проблему, а ты отдыхай, не волнуйся...

Сидя за рулем своей “пятерки” и глядя на раскисшую пустынную дорогу, на безлюдный заснеженный пейзаж вокруг, я еще и еще раз прикидывал шансы. Появится или нет? Попытался на минуту поставить себя на место Артура.

Итак, какой-то хмырь в течение полусуток не только отбил взятую на оттяжку телку, но и успел разбомбить две хаты и вывести из строя пять человек. Плюс ко всему с концами канули еще четверо бойцов, посланных для выяснения непонятки. Что это за расклад? Если за дело взялись менты, они не стали бы особо церемониться, быстренько вышибли бы из доверенных лиц его, Артура, координаты, и он сидел бы уже сейчас в стальных браслетах в каталажке... Значит, конкуренты? Но кто? К кому мог обратиться за поддержкой этот лох, чью мартышку поставили на счетчик? И как они смогли молниеносно среагировать? И что, в конце концов, это за зачуханная “пятера”? “Бэха”? “Жигуль”? Да без разницы: серьезные люди на таких тачках не ездят!

Примерно так, по моим прикидкам, должен был соображать Артур, и в этом случае он обязательно появился бы на пустыре в Серебряном Бору...

По дороге в сторону гребной базы на приличной скорости проехали две иномарки — новенький “Фольксваген-Пассат” и “Мицубиси-Паджеро”. В джипе сидели два человека, а в белом “Фольксвагене” был только водитель. До встречи

оставалось еще около часа. Однако как только машины скрылись за поворотом, я связался по рации с Демоном.

— Вова, что молчишь?

Демон, находившийся на одном из высоких насыпных холмов мототрассы, неподалеку от прожекторной вышки, откликнулся сразу.

— Это не к нам: я подробно смотрел в оптику. Мужик, сидевший в джипе рядом с водилой, вообще листал какие-то бумаги.

С другого холма, от гребной базы, в диалог немедленно вступил Зор:

— Обе тачки въехали на огороженную территорию. Так что напрягаться пока не стоит.

— Добро. Как там, по целине за вашими спинами никто не шастает?

— Да кто сюда, в такую глушь, да еще зимой попрется?

— Будем надеяться, что никто. Осталось не так много времени, скоро братки должны пожаловать.

Я еще раз мысленно прогнал схему, по которой, вероятно, могла бы проходить стрелка.

Естественно, я не питал никаких иллюзий насчет Артура и его подручных. Наверняка крутые сибирские пацаны нагрянут вооруженными до зубов и “разговаривать” в итоге будут их “стволы”. Потому Артур и согласился без колебаний на встречу, что договариваться ни с кем не собирался. Его цель — взять меня по возможности живым (или хотя бы полуживым), чтобы потом вытрясти нужную информацию. Что ж, на этот случай я и разместил в ста метрах по обе стороны от себя наблюдателей. (Правда, Демону, в отличие от Зора, досталась самозарядная мелкашка с оптическим прицелом и самодельным глушителем; он поморщился, но взял). Первым у поворота на трассе “сидел” Демон. Он должен был засечь эскорт ирбитских, “проводить” его до пустыря и проследить, не выйдет ли кто из машины раньше оговоренного места. Зор со своей дальней точки подстраховывал одновременно и меня,

и Демона. Таким образом, сидя в своей машине в одиночестве (с пистолетом под мышкой), я был под надежной двойной защитой: сотня метров для винтовок с оптикой — дистанция более чем уверенного боя.

— Я не знаю, сколько народу прикатит, что они с собой привезут, как пройдет контакт. Скорее всего, стрельбы сразу не будет, но не исключен и такой вариант. Поэтому почти все оставляю на ваше усмотрение: стрелять либо в зависимости от ситуации, или по моей отмашке — две поднятые руки. Целиться по конечностям. Для нас главное взять старшего... — напутствовал я ребят напоследок.

Зор, почти сразу принявший и одобрявший мой план, хлопнул меня по плечу.

— А ты — лихой парень, — и усмехнулся. — Как подумаю, что недалеко от центра Москвы...

— Да, недалеко, но риск минимальный: место пустынное, винтовки бесшумные. Быстро отрабатываем, хватаем кого надо за хобот и смываемся.

Зор улыбался.

— Чувствую, в окопах мне будет очень не доставать вашего столичного задора...

Рация Демона заговорила за шесть минут до назначенного часа.

— Кажется, к нам пожаловали гости.

Я отреагировал тут же.

— Демон, конкретно!

— Две тачки: “Тойота-Лендкрузер” с двумя бойцами и “Опель” тоже с двумя.

— Всего четверо? Это еще куда ни шло... Кто сидит рядом с водилой в джипе?

— Притормозили... О чем-то болтают... Ого! Мордатый, тот, что сидит возле водилы, достает сзади из сумки “Калашников”, возится с затвором...

— Какой он из себя?

— Рожа круглая, стрижен бобриком, нос картошкой...

- Это не Артур.
- Поехали! Через двадцать секунд будут у тебя!
- Всё! Зор, подключаешься!
- Понял. Удачи тебе, Петля.
- Удачи.

Я уже и сам увидел вынырнувшие из-за плотной стены кустов сверкающий лаком джип и невзрачный коричневый “Опель”. Обе автомашины перед спуском с дорожного полотна резко сбросили скорость, съехали на пустырь и остановились в двадцати метрах от меня.

Не вылезая из машины, я смотрел на приехавших, они уставились на меня. Так продолжалось минуту или две. Мне казалось, что я совершенно спокоен, хотя ситуация была, конечно, далека от предсказуемой, могла взорваться любой неожиданностью. Наконец, я открыл дверцу, и, заметив мое движение, ирбитские тоже стали выбираться на свежий воздух.

Их было четверо, рослых, коротко стриженных, с угрюмыми сосредоточенными лицами, настороженными глазами. Оружия в руках ни у кого я не заметил. Трое остались стоять возле машин, с одним мы сошлись на середине пустыря.

- Ты, что ли, забивал стрелку?
- Ну. Где Артур?

Верзила медленно обвел окружающее пространство оценивающим взглядом, перевел наглые глаза на меня, процедил сквозь зубы тоном, не терпящим возражений:

- Сейчас ты поедешь с нами.
- Ты уверен?

Его рот скривила пренебрежительная усмешка. Он подал знак, и подручные с готовностью ринулись на меня.

- Я резко вскинул вверх обе руки.
- Все понял!

И тут произошло то, чего никак не ожидали мои противники, совершенно не сомневавшиеся в собственном превосходстве: в полной тишине три бойца, корчась от боли, рухнули на талый, перемешанный с грязью снег. Невольно

обернувшись на вопли и не понимая, что происходит, ошеломленный такой переменной браток попытался было улизнуть, опрометью шархнул в сторону. Но я уже был начеку: подсечка, шаг к потерявшему равновесие верзиле, удар каблуком между лопаток, в позвоночник. Убедившись, что противник временно обездвижен, я поднял руку вверх, сделал ею несколько круговых движений над головой и энергично опустил вниз — это был сигнал “Сбор”. Потом сразу же переключился на раненых — кто-то среди них мог быть вооружен.

Ранения в основном были в верхние и нижние конечности: у одного из братков я вынул из ослабленной окровавленной кисти взведенный “ТТ”; другой лежал без сознания с простреленным коленным суставом; третий, страдальчески морщась и испуганно таращась на меня, держался за правое плечо. В джипе, на переднем сиденье, я обнаружил снаряженный полным магазином АКСУ¹, в “Опеле”, прислоненный к рулевой колонке, стоял короткий помповый “Манлихер” двенадцатого калибра с пистолетной рукояткой.

Демон и Зор с двух сторон приближались ко мне с наплечными брезентовыми сумками.

— Неплохо отработали, как в тире.

Зор обвел быстрым взглядом пустынные окрестности.

— Довольно глухое местечко. Но нужно все делать в темпе. Где корефан, которого ты хотел заполучить?

— Не приехал. Но вон тот дебил, которого я стреножил, должен о нем знать.

— Этот? — Зор подошел к неподвижному бригадиру и, схватив его за волосы, заглянул в испачканное грязью лицо.

Отморозок очнулся, захрипел, уставился на нас.

— Кто тебя, гнида, сюда отправил? Где он?

Браток как воды в рот набрал.

---

¹ Автомат Калашникова со складным прикладом, укороченный.

— Ты понял, о чем речь? Где он сейчас?

Тем временем я начал затаскивать раненых в “Опель”, чтобы все-таки не привлекать внимание, и не слышал, что качок ответил кэпу, но, судя по всему, послал его подальше, потому что Зор вдруг начисто утратил свою всегдашнюю невозмутимость.

— Что? Что ты сказал, урод?

Демон укладывал брезентовые сумки в глубь багажника моего “жигуленка”.

— Зор, времени в обрез!

— Момент! Чтоб раздербанить этого подонка, много времени и не надо.

Кэп деловито подошел к раскрытому багажнику “пятерки” и, покопавшись, извлек оттуда буксирный трос.

— Вот хорошая штука!

Он принялся наматывать один конец на ногу качку.

Тот наблюдал за ним с вытаращенными глазами.

— Чего ты хочешь делать?

— А сейчас прикручу твои костыли к двум тачкам, и посмотрим, что крепче — они или стальной трос? — Зор опять источал благодущие, легко накинул петлю на буксировочный крюк “Жигулей”. — Или все-таки предпочтешь не раздваиваться?

Браток бросил затравленный взгляд в сторону “Опеля”, где вповалку лежали его приятели.

Зор усмехнулся.

— Им явно не до тебя, братила. Ну! Шустрее!!

Браток облизал пересохшие губы. Лицо его стало смертельно бледным, от недавней спеси не осталось и следа.

— Он в тачке за мостом, на Живописной улице.

— Один?

— Нет, с тремя пацанами.

— Какая тачка?

— Серебристый “мерин”-очкарик.

Кэп обернулся ко мне:

— Не понял?
— С четырьмя фарами на передке.
— Усек. Как держите связь?
— По рации.
— Что должны были делать дальше, если б взяли вот его? — Зор кивнул на меня.

— Доложить по связи, тачку сжечь, а самого тащить в загородный дом.

Мы с Зором переглянулись; было двенадцать минут второго.

— Если доклада нет, он снимается и уходит?

— Да.

Я стремительно обшарил карманы бригадира и достал портативную рацию, а Зор приставил к его горлу нож.

— Тихо и спокойно говоришь, что все ништяк, — Зор улыбнулся. — Тогда, может быть, еще поживешь чуток.

Качок нервно сглотнул слюну. Я нажал на кнопку рации.

— Артур, мы взяли этого...

— Что так долго не выходил на связь, Клим? — сквозь помехи и треск голос звучал явно недовольно.

Бригадир шумно, с перерывами выдохнул.

— Дергался, еле скрутили.

— Да ну?! — Артур сразу повеселел. — Надеюсь, он не в разобранном состоянии? Сколько с ним было людей?

Клим беспомощно вращал глазами.

— Еще двое.

— Понял, — тон тотчас стал жестким, приказным. — Всех спалить вместе с тачкой. Дальше по плану. Отбой.

Зор взял из моих рук рацию, пару раз щелкнул выключателем, присвистнул.

— Какой крутой у тебя босс... А все это становится чертовски интересно!

Я хлопнул его по плечу.

— Болтать особенно некогда. При удачном раскладе ты с ним скоро встретишься.

— Да уж надеюсь!

Я освободил Клима от троса.

— Где находится загородный дом?

— В дачном поселке между Новоподрезковым и Шереметьевским.

— Ты поедешь с нами. А этих, — я обернулся к Демону, — оприходуй.

24.

Концовка фразы была намеренно двусмысленной. Употребив слово “оприходуй”, я не имел ввиду “убей”, но Клим понял его, конечно, по-своему.

Всю дорогу до Зеленограда его трясло как в лихорадке. Скованный наручниками, он сидел рядом с Зором на заднем сиденье “Тойоты” и поминутно менялся в лице — то бледнел, то покрывался пятнами. Управляя мощным джипом и время от времени наблюдая за ним в зеркало заднего обзора, я диву давался: и этот хмырь сумел подняться до бригадира в набравшей за короткий срок силу банде отморожков? Или все они крутые, пока держат в руках стволы?

На некотором расстоянии за нами по Ленинградскому шоссе мчался Демон, немного задержавшийся у “Опеля”, чтобы отогнать машину с братками в овраг, в еще более глухое место. Необходимо было спешить и попытаться перехватить “Мерседес” где-то по пути к конечному пункту, желательно, на проселке — в этом случае можно было рассчитывать захватить Артура с минимальным риском.

Я давил на педаль газа, и стрелка спидометра плавно переползала за отметки “120”, “130”, подбираясь к “140”. Мы проехали все Ленинградское шоссе, когда, наконец, вдалеке, на затяжном подъеме моста через Химкинское водохранилище я заметил серебристый “Мерседес”, также ходко рвавшийся из города.

— Вон он! — я ткнул пальцем вперед, машинально поднял глаза к зеркалу и встретился взглядом с Климом. — Не

очкуй, малый, если мы твоего козырного возьмем тепленьким, гадам буду, отпущу тебя на все четыре стороны!

Я достал из кармана рацию: нужно было выяснить, как далеко позади находится Демон.

— Демон, я сел к ним на хвост. Подъезжаю к мосту через водохранилище.

— Понял.

— Ты сейчас где?

— У Речного вокзала. С “Опелем” и пацанами полный ажур.

— Добро. Догоняй нас в темпе. Есть шанс грамотно слепить центрального.

— Хочешь перехватить его по дороге?

— Точно. До поворота с трассы к аэропорту ему осталось промахнуть шесть-семь километров и потом, до Клязьмы, еще пять-шесть. Тебе нужно обойти “мерина” на этом отрезке — уверен, на мою “пятерку” никто из компании не обратит внимания. Идет он ходко — за сотню, так что поторопись. За рекой будет извилистая дорога через лес. Проедешь пару километров по счетчику, плюс-минус сто-двести метров, выберешь глухой участок и встанешь на прикол. Поднимешь капот — типа, отремонтируешься. Смотри в оба. Мы наскочим на них сзади. Все нужно сделать быстро — тогда братки и пальцем пошевелить не успеют.

— Понял.

— Как проскочишь милицейский пост, так и жми на всю железку...

В руках у Зора захрипела другая рация.

— Какие дела, Клим? Ты где сейчас? Где пацаны?

Пока не была нажата кнопка передачи, я быстро подсказал побледневшему бригадиру:

— “Жигуль” запалили нормально. Я уже на подходе к кольцевой дороге. Ребята немного отстали.

Как только я выговорился, Зор мгновенно нажал на кнопку и поднес рацию под самый нос Клима. Тот слегка заторможенно, монотонно повторил фразу.

Артур был явно в ударе.

— Ништяк! Сильно не гони, чтоб не мозолить глаза ментам. Встретимся на точке.

Я усмехнулся про себя: “пораньше, братила, немного пораньше”.

Я чувствовал, как горячая волна азарта захлестывает меня с головой. В полной мере это способен понять лишь тот, кто бывал в похожих передрыгах. Мотор учащенно колотится, затылок и кончики пальцев холодеют. И в то же время тело как будто невесомо, мышцы гибки и упруги, их уже не чувствуешь, глаза зорки, реакция на любые раздражители моментальная, мысли четкие. Что может сравниться по силе впечатлений с выслеживанием самого хитрого и кровожадного зверя — человека?

Я мельком глянул в зеркало заднего вида и столкнулся там с заблестевшими глазами Зора — точно такие же эмоции читались и в них.

— Подготовь пока ствол к работе. Проверь затвор, магазин, — мой голос был глух, спокоен.

Зор молча наклонил голову.

По правой полосе вплитирку к нам на предельной скорости промчалась “пятерка” и, мигая поворотником, перестроилась в левый ряд. Я успел показать Демону выставленный вверх большой палец и удостоился ответного кивка. Серебристый “Мерседес” катил метрах в двухстах впереди нас.

Почти не снижая скорости, мы пронеслись по эстакаде, перекинутой над железной дорогой, и после правого поворота к аэропорту Демон пошел на отрыв.

Я взял рацию.

— Для обгона у тебя осталось около пяти километров. Постарайся сделать его на этой прямой, чтобы выкроить паузу для теплой встречи.

Демон, казалось, по-прежнему оставался невозмутимым.

— Все будет тип-топ.

Минуты две я ехал в довольно-таки разреженном потоке машин в крайнем левом ряду с постоянной скоростью сто двадцать километров в час. При этом впереди шедшая “Волга” не приближалась и не удалялась, и сзади никто не напирал — на трассе на короткое время установилось динамическое равновесие. Однако крыши серебристого “Мерседеса” не было видно — обзор закрывал фургон дальнобойщика, — и я уже поневоле прикидывал худший вариант, когда радиоэфир вдруг огласился сдержанным восклицанием:

— Обошел его на 150-ти как стоячего. Правда, твою лайбу при этом чуть с дороги не снесло. Ухожу дальше, насколько возможно...

— Понял. Молоток. Братки как-то реагировали на твою борзость?

— Очень вяло: или водила неопытный, или им просто-напросто не до гонок.

— Разглядел кого-нибудь в салоне?

— Угу. Рядом с рулевым — тип с холеной черной бородкой примерно нашего возраста...

— То, что нужно!

— ...Кинул на меня косяка как на врага народа... И сзади сидят еще два мордоворота...

— Ясно. Короче, отрывайся по максимуму, вставай на обочине, а там и мы с тыла подскочим.

Впереди маячил мост через Клязьму. Я видел, как сначала на его грязно-серый горб вскарабкался утлый задок темно-синего “жигуленка”, а потом, через несколько машин, — и вальжная корма серебристого “Мерседеса”. Дистанция между ними была не такая уж и большая.

Лихорадочно я соображал, сколько времени может оказаться в запасе у Демона в результате всех этих суетливых маневров. Полминуты? Минута? Не слишком ли мало для того, чтобы достать из багажника ствол и расчехлить его?

Тем временем я выскочил на второстепенную дорогу. За ближайшим поворотом среди белесых стволов березняка исчез “Мерседес”, спидометр начал отсчитывать стометровки.

Зор привстал со своего сиденья.

— Топи! Топи, братишка!

Я вдавил педаль газа почти до пола, и послушный джип стал бешено набирать скорость. На приборы уже некогда было отвлекаться, раскисшая дорога стремительно неслась под колеса, гул ветра нарастал, я остро чувствовал, как убывает расстояние до того места, где все вот-вот должно было произойти.

Примерно через полтора километра, миновав три или четыре относительно крутых поворота, я, наконец, пристроился в хвост “Мерседесу”. Шторка заднего стекла была поднята, и силуэты людей в салоне не просматривались.

— Ближе пятидесяти метров не подъезжай, иначе расшифруют. Рванешь, когда на горизонте появится Демон.

— Знаю, знаю!

В этот момент шторка опустилась, и две головы повернулись к нам. За наклонным, бликующим задним стеклом я видел лишь бледные пятна вместо лиц; не думаю, что и ирбитские разглядели что-либо в салоне “Тойоты”. Однако эти секунды оказались последними секундами неопределенности. Сначала между овалами лиц появилось еще одно светлое пятно, поменьше, — кисть руки. Кисть пошевелилась в некоем подобии пригласительного жеста. Дальше... Из окна “Мерседеса” показался темный предмет, блеснул сноп огня, и тут же на сиденье рядом со мной градом посыпались осколки лобового стекла. Я судорожно рванул руль влево, тяжелый джип швырнуло на середину дороги, и только тогда до моего сознания донесся треск автоматной очереди.

— Вправо, вправо давай! — заорал возле моего уха Зор.

— Бей! — истошно завопил я в ответ, но это было излишним: глушитель пистолета-пулемета, направленный вверх переднего сиденья в рваную пробойну лобового стекла уже конвульсивно дергался от выстрелов.

Еще пару раз я шараялся из стороны в сторону, пытаюсь уйти из-под кинжального огня, однако автомат бандитов очень скоро умолк.

Накренившись на один бок, изрядно продырявленный “Мерседес”, не снижая скорости, входил в левый поворот, когда впереди показалась притулившаяся у обочины темно-синяя “пятерка” с поднятым багажником.

— Демон!

— Он!

Буквально на одно мгновение я перевел взгляд на “жигуленок”, а когда вновь посмотрел на “Мерседес”, то увидел лишь заляпанное грязью вздыбившееся днище иномарки. Как в замедленной съемке, оно задиралось все выше и выше, потом повернулось вокруг оси — показался серебристый бок, — и машина опрокинулась на крышу. Я едва успел ударить по тормозам...

Наступившая тишина была столь же неожиданной, как и предпринятая до того внезапная атака ирбитских, — слишком быстро все произошло. С трудом оторвав руки от руля, я повернулся к Зору и увидел приткнувшегося в углу, сосредоточенно уставившегося в одну точку Клима с аккуратной дыркой во лбу.

— Что это?

Зор без промедления распахнул дверцу.

— Пошли!

Мы выскочили из машины и подбежали к перевернутой иномарке. Из пробитого бака вытекал бензин. В салоне не наблюдалось никакого шевеления.

— Что это было?

— Ты о чем?
— О шухере. Раскусили нас? Или лупили по своим?
— Не знаю, не знаю. Спасибо вон ему, — Зор кивнул в сторону появившегося из-за “пятерки” Демона. — Ухитрился сковырнуть тачку с дороги.

— Ты думаешь, это он?
— А кто, по-твоему? Я целился в стрелка и в задние колеса.

Демон приблизился, покрутил пальцем возле виска.

— Вы чего, ребята, с головой не дружите? Так и будете здесь разговоры разговаривать?

Зор огляделся по сторонам.

— Да, забирай своего клиента, и в темпе валим отсюда.

— Если он еще теплый.

— А что ему будет? Машина только перевернулась, и наверняка сработали подушки безопасности.

— Вовчик, сходи, сними с Клима браслеты, — открывая слегка помятую правую дверцу “Мерседеса”, я перехватил недоуменный взгляд Демона и пояснил: — Они ему уже не нужны.

Артур действительно подавал некоторые признаки жизни — на виске у бандюка ритмично пульсировала набухшая вена, — но был без сознания. Вдвоем с Зором мы выволокли его из иномарки и под мышки потащили к “Жигулям”. У машины нас нагнал Демон и ловко защелкнул браслеты на висевших плетью руках главаря.

— Лихо ребята джип искрошили! Как еще никого из вас не зацепило?!

Зор втиснул безвольное тело Артура на заднее сиденье.

— Это Игорек извернулся. Я как усек волну в окне “мерина”, башку пригнул, а тут и он резко дал влево. Метили-то в первую очередь в него, а пули прошли салон наискосок — от стекла передо мной до лба их кореша...

Мы быстро расселись по местам, и, развернувшись, я резко рванул с места.

— Странно, а у меня этот момент отложился по-другому.

Кэп понимающе ухмыльнулся.

— Так бывает с непривычки.

Мы были уже у ближайшего поворота, когда позади раздался глухой хлопок и в зеркалах отразился взметнувшийся над “Мерседесом” оранжевый столб пламени.

Демон присвистнул.

— Неплохой костерок запалился. Но куда мы теперь катим?

— Есть здесь недалеко одно укромное местечко. Как раз для беседы по душам.

25.

Не ждал и не гадал я, что мы сделаем Артура так споро. Хотя, конечно, даже малая подготовка и кое-какой опыт чего-то значат.

По пути на Никитину дачу я отзвонил Бахметьеву и дал наводку на “Опель”: где, что и в каком количестве.

— В тачке три гаврика и с ними помповый “Маннлихер”, “ТТ” и “Калаш”. И в багажнике, наверняка, что-то затарено, я не смотрел, некогда было.

Как только я отключил мобильник, Демон, кивнув за спину, в сторону полыхавшего где-то далеко за лесом “Мерседеса”, поинтересовался:

— А о тех молчок?

— Само собой. Там одни жмурики, поэтому нас там не было. Жаль только, придется от “Клина” избавляться — дорогая это штука... Кстати, Демон, ты из винтаря по колесам лупил?

— Да, всего-то разок щелкнул, а вон как его ковырнуло!

— Понятно: скорость была приличная, и Зор его на один бок уже завалил...

Отъехав на значительное расстояние, я почувствовал, что со мной творится что-то неладное: ноги налились стопудовой тяжестью, руки сначала мелко затряслись, а потом заходили ходуном так, что стадо трудно управлять автомобилем. Я вцепился в руль, а перед глазами навязчиво маячил один и тот же застывший кадр: черный корявый предмет, выставленный в окно иномарки, и ослепительная вспышка. Если бы я тогда резко не вывернул влево...

Через некоторое время я, не выдержав, притормозил у обочины.

— Зорро, садись за руль!

Зор ехидно сощурился.

— Что, пробрало?

Только по прибытии на место мне кое-как удалось унять этот неожиданно приключившийся трясун. Артур уже пришел в себя, однако по-прежнему сидел не шевелясь, склонив голову набок, прикидываясь ушибленным — в один из моментов я заметил, как дрогнули его веки.

Вообще, по внешнему виду субъекта, по его реакции на раздражители, по жестам, мимике, даже взгляду можно довольно точно определить, на что этот малый способен. Главварь сидел ко мне боком, не двигался, я не мог видеть его глаз, но почти физически ощущал, как он был сжат, нацелен, собран — это напряжение просто перетекало по воздуху. Поэтому, когда машина оказалась во дворе загородного дома, я просто распахнул дверцу и пихнул отморозка в плечо.

— Поднимайся, братан, приехали.

Я был прав, он ждал этого момента, но все-таки вздрогнул, медленно открыл глаза и в упор уставился на меня. Выдержав пару секунд этот полный ненависти взгляд, я нетерпеливо подтолкнул его под локоть.

— Ну! Пошустрее! И без резких движений.

Демон с Зором принимали парня снаружи, и тот собравшийся, видимо, что-то предпринять, как-то сразу сник.

Надо сказать, дом у Никиты был выстроен основательно, с большой террасой и гаражом. На первом этаже, в неприбранной, наполовину заваленной остатками стройматериала и бытовым хламом ледяной гостиной я и решил беседовать с Артуром: нежилой вид помещения, искусственное освещение (ставни на окнах были плотно закрыты), холод должны были подействовать угнетающе.

Я поставил заляпанный краской грубо сколоченный табурет напротив голой стены, усадил на него бандита, перестегнул наручники за спину.

— Ну вот мы и дома. Сейчас будем тебя внимательно слушать.

Я подробнее рассмотрел Артура. Был он крепко сбит, взгляд наглый, со спокойным прищуром собственного превосходства. Короткая холеная бородка придавала лицу даже некое подобие интеллигентности. Только небольшие ссадины и ушибы на лбу несколько портили внешний вид.

Главарь мрачно усмехнулся.

— Ладно, чуваки, хорош бодягу гнуть¹, и так все ясно.

— Что тебе ясно?

— Ясно, что кранты.

Я ухватил его за стриженный чуб, резко задрал голову вверх.

— А ты не спеши в конверт², малый. Еще успеешь.

Артур не мигая смотрел мне в глаза.

— Воля твоя. Мне до фонаря.

— А это мы сейчас проверим, — сказал я нараспев и через плечо покосился на переминавшегося с ноги на ногу Зора.

Кэп воспринял это как сигнал к действию, сделал четкий шаг и нанес сокрушительный удар громиле в челюсть. Загремел упавший табурет, бандит отлетел назад, гулко

---

¹ Гнуть бодягу (угол.) – вести пустой разговор.

² Конверт (угол.) – гроб.

стукнувшись головой о стену. Ни слова не произнося, Зор подскочил к распростертому телу и, звучно выдохнув, впечатал кованный ботинок Артуру в грудину. Главарь охнул, из уголка рта его обильно потекла кровь, но разгорячившийся кэп и не думал останавливаться. Он опять усадил сибиряка на прежнее место, но только вплотную к стене, и продолжал обрабатывать его справа и слева. Буквально через пару минут на табурете передо мной уже нетвердо сидел совершенно измочаленный персонаж и жалко улыбался разбитым ртом. В глазах его поубавилось наглого блеска, но он и не думал просить о пощаде, сдавленно захрипел:

— На х-хрена, чуваки? Лучше б сразу замочили...

Зор слегка запыхался.

— Тебе не повезло, падаль, это только начало. То ли еще будет!

Я тихонько отодвинул его в сторону.

— В самом деле, братила, чего тебе мучиться? Облегчи душу.

Главарь щерился окровавленным ртом.

— А пошли вы...

Договорить он не успел, жилистый кулак Зора припечатал его к стене, и, потеряв сознание, Артур сполз на пол. Я снова с трудом взгромоздил его на сиденье, позвал Демона.

— Вова, принеси водички, — и обернулся к Зору. — Не чересчур ли ты увлекся? Нам нужно, чтобы он шевелил языком, а не откидывал копыта.

Кэп за словом в карман не полез.

— Будь спок, уж мне ли не знать, как кантовать на сознанку? Заметил его притухшие зенки? Сейчас будет колоться, как миленький!

Подошел Демон с грязным оцинкованным ведром, на треть заполненным талой водой.

— Только такая.

— Сойдет.

Я выплеснул на Артура ледяную воду и, дернувшись всем телом, бандюк часто захлопал глазами, не сразу понимая, что вокруг происходит и где он находится.

— Может, горячкой его окатить? — задумчиво проговорил Зор, ни к кому конкретно не обращаясь.

Я как будто пропустил эти слова мимо ушей.

— Ну, рассказывай, как ты развел своего земляка, сколько народу пришлось завалить. Все-все выкладывай.

Во взгляде отморозка мелькнуло неподдельное удивление.

— Ты о чем?

— О кредите. О Шакальском. Ну, что уставился? Дырку на мне протрешь!

Артур скривился.

— Ах, вот что. А я мозги парю, чего ты так упираешься. Не зря, значит, возле Тереха в кабаке ошивался...

— Не зря. А ты прикинул: выставлю-ка я лоха на двадцатку, куда он денется?

— Лажанулся...

— Да уж, поспешил. Такой кусок поимел со “Стройсервиса” и еще захотелось влегкую монет срубить! — я подошел вплотную к главарю. — Ну так сколько народу отправил на тот свет за мешок баксов? И своих подручных в том числе?

Артур хмуро смотрел в угол.

— Молчишь? А я тебе напомним в общих чертах... В один прекрасный день ты решил не мелочиться, а кинуть по-крупному какого-нибудь делягу. Кого? Да земляка своего Шакальского. Через Тереха вышел на Лиховцева. Вдвоем они уломали Михалыча и Шакальского поднять кредит в сколько-то там сотен тонн баксов. Тереху ты пообещал, что ему отломится от этого куша прилично. Лиховцев же о том, что инициатива исходит от тебя, понятия не имел, но тоже таил свой интерес... С некоторых пор он считал Шакальского личным врагом — баба перебежала от одного к другому, при

этом второй умудрялся скрывать пикантный факт, а первый вида не показывал, ждал случая...

— Ты что-то не то начал городить, уважаемый. Какой Лоховцев? Какая баба?

— А это тот самый малый — можешь звать его Лоховцевым, — трехсотый новенький “мерин” которого вы загнали, скорее всего, за полцены пиковым¹, после того как закопали его самого, а позже и гараж спалили... А баба... Бабу я могу показать тебе во всей красе, — я достал фотографии с посиневшими исколотыми любовниками, присовокупил к ним пару снимков Никиты на фоне сверкающего лаком “Мерседеса” и развернул их веером перед носом у бандита. — Вот, полюбуйся!

Артур несколько секунд изучал красочные картинки, сплюсненную синюшную физиономию Андрона Шакальского, подобртый лобок Инги Лапановой, потом вскинул голову.

— Ты кто?

— Конь в пальто. Слушай дальше... Чувак, которого ты верно кличешь Лоховцевым, тоже ждал момента, чтобы с куском свалить. Но ты-то не спал. Как только баксы были перекинуты в нал, парнишка и шагу не успел ступить — его заделали твои быки. Тереху же ты сказал, что малый кинул всех, сделал ноги с грузом... Потом пришла очередь пацанов, которых ты по тереховской наводке послал за видеокассетами, чтобы зачистить концы: узнав, что те ничего не нашли, поставил их под раздачу... Кроме того, для отмазки, а может, чтобы меньше вони было — детали здесь не очень важны — твои завалили Шакальского, да так, чтобы все выглядело бытовухой: загнали мужику железяку в дупло, оставили на виду кассету с перепихоном, да малёхо не рассчитали — соседи не сразу гвалт подняли...

---

¹ Пиковые, т.е. черные, кавказцы.

— Складно плетешь, — опустив голову, пробормотал Артур, — только я никак не въеду, от меня-то что тебе надо? Бабки? Их тебе уже не достать.

Я вытянул из пачки сигарету, закурил.

— Где закопали Лиховцева? Или вы его бросили на корм рыбкам в ближайшем водоеме?

— В леске у Шереметьевского поселка, недалеко от развилки.

— А точнее?

— Там вроде разваленная молнией сосна была — мне так сказали пацаны.

— Его последнюю подругу заделали тоже?

— А куда же ее? Она в тачке вместе с ним сидела.

— И еще: зачем твои шмаляли по “Тойоте”? Неужели разглядели нас за бликующим стеклом?

— Э! Концы обрубаются! Я сразу почуял стрём, а разбираться уже некогда было...

Я не успел среагировать — Зор впечатал кулак в физиономию главаря.

— Гнида! Своих гасить — последнее дело!

Я молча показал кэпу скрещенные указательные пальцы.

26.

Вот, наконец, Никита почти и нашелся. Не за тридевять земель, на песчаном берегу теплого моря в приятном обществе раскованной девицы, а в зимнем подмосковном лесу, в неглубокой яме под сосной, расщепленной небесным огнем. Правда, должно быть, в компании той же красавицы.

Предполагал ли я такую развязку? И да, и нет. Скорее да, чем нет. Причем первоначальное предположение постепенно стало переходить в уверенность по мере того, как я узнавал все больше деталей.

Квартира оказалась “пустой”, это правда. Кто-то тщательно пытался замести следы, стирая даже отпечатки пальцев на незначительных вещах, собрал все документы и

фотографии, удалил операционную систему на компьютере. Но метки прачечной, к примеру, на постельном белье остались. А это уже серьезное упущение. Значит, к отъезду готовился человек, представления не имевший, что существует какая-то элементарная система учета в тех же самых предприятиях бытового обслуживания? Хозяин квартиры? Но почему тогда забыты пикантные видеокассеты и, наконец, деньги (хотя и небольшие) в сливном бачке унитаза? Выходит, шмотки собирала подруга? Но подруга не могла не знать про кассеты, так как сама принимала участие в оргиях... И потом, кружевные с алыми сердечками женские трусики под атласным одеялом, принадлежавшие, возможно, другой?.. Жилплощадь “зачищали” посторонние? А кто тогда приходил позже? И почему от них тут же избавились?

Все встало на свои места, когда я узнал, что Ирину Гамак незадолго до исчезновения сменила еще одна зазноба. И ссоры поэтому проходили спонтанно — Никита не знал точного срока обналичивания денег и, соответственно, последующего собственного бегства. Все было подготовлено обоими, но, как всегда происходит в подобных случаях, некоторые детали ими были упущены.

В шкафах на вешалках остались довольно дорогая верхняя одежда и носильные вещи, часть из которых можно было бы забрать без ущерба для версии внезапного похищения (а то, что парень хотел представить всё именно таким образом, казалось наиболее вероятным). Что же в конце концов произошло? А произошло то, что и должно было произойти — копавший другому яму, сам в нее угодил. Терех вел двойную (или тройную? — переговоры с неузнанным красномордым мужиком в кабаке) игру, а Никита ни сном ни духом не ведал, что его уже плотно пасут алчные волки из Сибири. Где его перехватили с деньгами, не так уж и важно, но перехватили и выпотрошили. И поневоле сделали героем истории, которую он тщательно готовил для окружающих... А потом начали

зачищать концы: спалили гараж, искали видеопленки, о которых с опозданием узнали от Терехова...

— О чем задумался? — прервал затянувшееся молчание Зор; он сидел за рулем “пятерки”; нас было двое — Демон отправился на работу в банк; мы ехали по Шереметьевскому дачному поселку. Минувшей ночью выпал снег, и все вокруг было бело.

— Думаю, не рассчитал парнишка своих сил и прыти. Хотел смыться с кучей бабок в теплые края, а оказался в яме.

— Откуда ты знаешь, что он планировал?

— Я нашел в его квартире, в кипе газет, ресторанное меню с выписанным на полях телефоном.

— Ну и что?

— Номер принадлежит фирме, долго и успешно занимающейся арендой особняков за границей.

— Понятно. Тебе обязательно нужно его откапывать?

— Конечно, надо довести дело до конца — убедиться, что клиент в ауте. Не представляю, правда, где его искать. Глянь, сколько снегу за ночь намело.

— Ерунда. Бандюган кричал, что там есть разбитая молнией сосна и она видна с развилки — значит, найдем. Только ты уверен, что опознаешь труп? Он, поди, уже порядком посмуглел.

— Опознать-то опознаю. Есть одна особая примета. Его мать вчера вечером наконец-то перевели из реанимации в общую палату, а сегодня с утра мне по телефону передали, что у парня на большом пальце правой руки еще с детства рос раздвоенный ноготь — последствие травмы...

— Тогда проблем нет!

— Да и не думаю я, что за две с небольшим недели он на холоде сильно почернел...

— Будем надеяться. С какой развилки начнем?

— Судя по карте, нужно двигаться с западной стороны. А после оглядимся.

Мы старательно проехали по дороге вдоль западной окраины поселка несколько раз, но не только не заметили ни одной сломанной сосны, но и вообще не обнаружили мало-мальски значительного скопления сосен. Я уже начал нервничать.

— Может, он чего перепутал? Или наврал?

Зор пожал плечами.

— А зачем ему было врать?

Я пересел за руль.

— Ищем дальше!

Только спустя битых полтора часа в одном из мест, где мы уже до этого побывали, Зор вдруг заметил остроконечный скол на высоком дереве, едва приметный среди заснеженных березовых верхушек.

— Вон там что-то похожее маячит.

Мы оставили машину на обочине и, прихватив малую саперную лопатку и две пары резиновых перчаток, углубились в лес. Ноги по щиколотку утопали в рыхлом снегу. Где-то неподалеку монотонно стучал неутомимый дятел. Зор с интересом поглядывал по сторонам.

— Снега, кстати, немного. Если мы идем в правильном направлении, я сразу покажу тебе холмик — на здешней ровной местности он должен выделяться.

Через сотню метров за березняком начинался сосновый бор, и мы вышли на небольшую лесную прогалину. На краю ее стояла толстая сосна со стволом, расщепленным почти до основания. Фактически от дерева остался только остов: когда-то, не так давно (древесина в месте разлома не успела даже потемнеть), молния развалила сосну напополам. Верхушка, смявшая при падении ближайšie кусты и молодую поросль, валялась тут же.

Зор быстро оглядел поляну и уверенно ткнул пальцем в нагромождение ветвей.

— Там.

Но я уже шел в том направлении. Не нужно было иметь особую зоркость, чтобы среди пушистой сосновой хвои обнаружить слегка возвышавшийся припорошенный снегом бугорок. Я с силой воткнул заточенную саперную лопатку в землю.

— Давай закурим, прежде чем браться за это небогоугодное дело.

Достав пачку “Данхилла”, я протянул сигарету товарищу.

— Нет, благодарю, — покачав головой, он отвел мою руку. — Я привык к своим.

— А что куришь? “Приму”?

— Ее, родимую.

— Ну, дай мне тоже. Посмолю с тобой за компанию.

— Это вы здесь в столице разнежились, подавай вам “Давидофф”, “Парламент” да “Мальборо”. А у нас там, на краю, на ура идет то, что попроще. И, скажу тебе, по жизни я понял одну такую штуку — чем проще относиться ко всему, тем оно лучше.

Я с готовностью кивнул.

— Похоже на то. Ты вон басаевских бородачей гоняешь по горам и отлично себя ощущаешь. Просто потому, что без воплей и суеты, делаешь дело, достойное мужика.

— Да.

— И вчера беспредельщика убрал без звука не за то, что он сам хотел нас завалить или еще из-за чего, а просто потому, что такой падали, как он, не место на этом свете.

— Да.

Я крепко хлопнул кэпа по плечу.

— Ты молоток, братишка. Хотел бы я поехать с тобой туда, в горы.

Зор усмехнулся.

— Так в чем проблема? Мне возвращаться к своим парням уже на днях, у нас недавно были потери, и я бы с удовольствием тебя взял. Контрактником в команду охотников.

— Спасибо, Коля, за доверие! Поверь, оно дорогого стоит, и это обязательно надо обмозговать...

Я щелчком выбросил окурочок далеко в сугроб.

— Но вернемся к делам нашим скорбным.

Быстро счистив верхний слой снега, мощными ударами я начал вгрызаться в подмерзший грунт. Зор стоял рядом.

— Ты сантиметров двадцать-тридцать сними, а потом поаккуратней — вряд ли быки закопали их глубоко.

И действительно, через несколько минут работы на поверхности показалась женская правая рука. Кисть была тонкая, изящная, бледного, слегка сероватого цвета. С большими предосторожностями, постепенно я убрал остатки земли, и мы наконец увидели лежавшую ничком молодую стройную брюнетку, одетую в черный брючный костюм и короткие сапожки на массивном каблуке. Морщась от слабого, но все же ощутимого уже запаха, я бросил Зору пару резиновых перчаток и натянул свои.

— Хватаешь девицу за щиколотки, и мы, не переворачивая, откладываем ее в сторону. Она нас не интересуется, ею займутся потом другие...

— Ты смотри, — Зор тоже брезгливо сморщил нос, — уж, наверное, у такой крали в ушах и на пальцах было золотишко. А теперь его нет.

Стараясь не вглядываться в подробности, отвернувшись, насколько это было возможно, я схватил окоченевший труп за плечи и потащил в сторону.

— А ты ожидал от отморозков чего-то другого?

Положив дамочку на снег, мы вернулись к развороченной яме, и я продолжил раскопки. Совсем скоро я добрался и до второго тела. Это был чернявый долговязый парень, по приметам и сложению очень похожий на Никиту, но лицо его сильно потемнело (как после удушения) и к тому же было выпачкано землей. Поэтому предстояло еще убедиться в том, что передо мной лежит именно Лиховцев. Временами задерживая дыхание, вообще действуя почти как автомат, я

сначала протер лицо трупа снегом, сличил искаженные смертью черты с фотографиями голубоглазого счастливчика, нашел их довольно схожими; потом оттянул набрякшее веко, удостоверился, что радужка нужного цвета. Оставалось только проверить раздвоенный ноготь на пальце правой руки.

Опять склонившись над распростертым телом, я легко отыскал особую приметку.

— Что и требовалось доказать.

— Он? — не скрывая облегчения, спросил Зор.

— Ну а кто же? Конечно, — я обыскал одежду на трупе и не нашел ничего, кроме выключенного мобильного телефона во внутреннем кармане пиджака. На руке часов не было.

— На шее странгуляционная борозда, — показал пальцем кэп.

— Вижу. И уже началось омыление тканей... — я тоже с облегчением выдохнул и совершенно другим, бодрым голосом добавил: — Сейчас я тщательно зафиксирую фотоаппаратом упокойничка в разных ракурсах. Затем мы в темпе укладываем парочку на прежнее место, аккуратно присыпаем девственным снежком и потихоньку делаем отсюда ноги!..

Представлено 26 глав из 28. Заявку на книгу можно отправить на e-mail: bestbookz@mail.ru либо eugene-wr@yandex.ru . О порядке доставки придет дополнительное сообщение.